アクセルワールド

川原礫 イラスト／HIMA

accel World 05

05

星影の浮き橋

電撃文庫

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Харуюки - мальчик с избыточным весом, недавно поступивший в среднюю школу. У него типичные для толстого ребенка проблемы: заниженная самооценка, издевательства одноклассников и так далее. Его единственная отдушина - виртуальный мир, где неуклюжее реальное тело не мешает быстрой реакции мозга. В школьной сети он играет в сквош, и его невероятные результаты замечает первая красавица школы Черноснежка. Она предлагает Харуюки открыть для себя иной мир, где скорость мысли и воля сражаться определяют все.

-
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Послесловие автора
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38

Перевод с английского языка – Ushwood

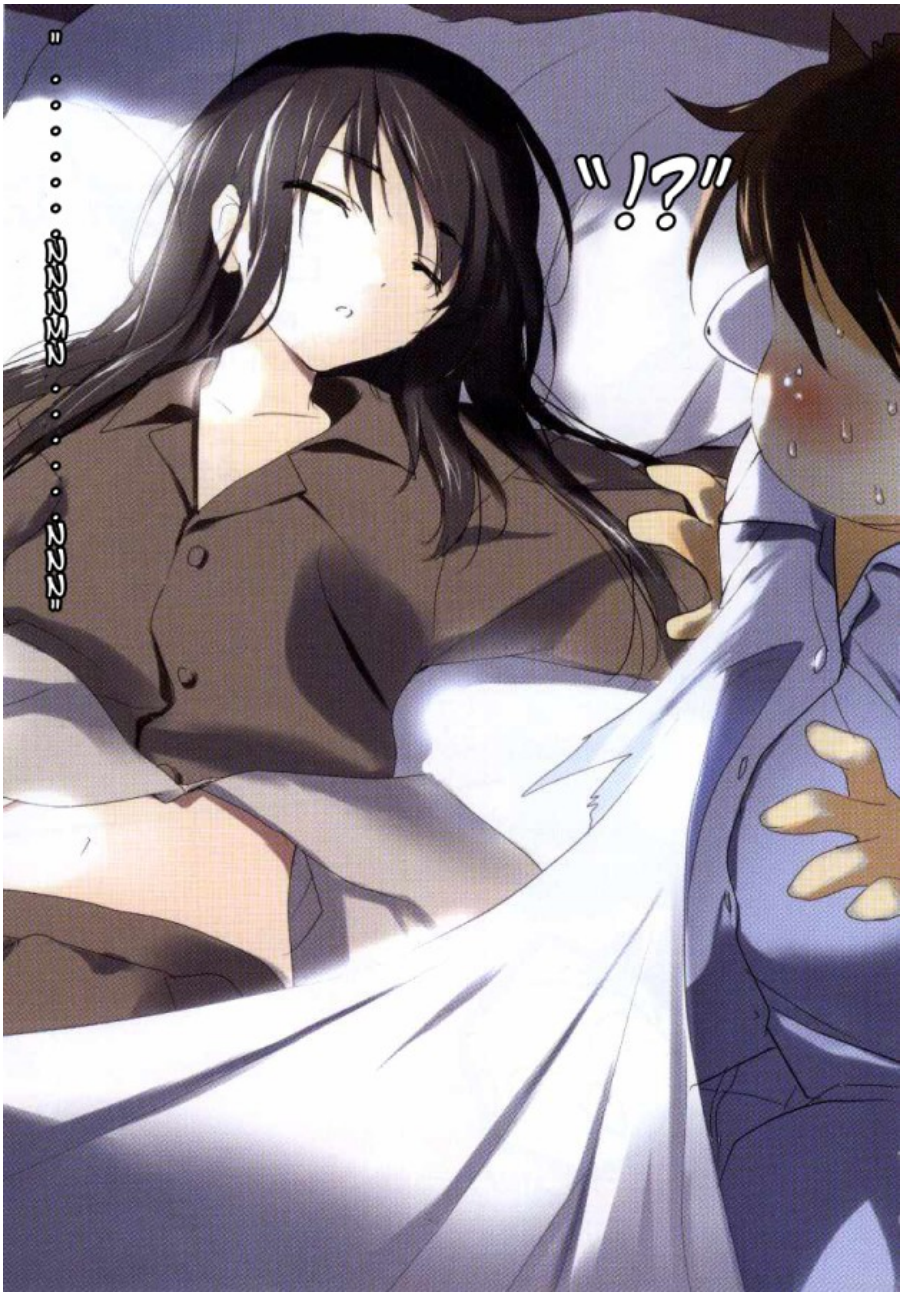
Любое коммерческое использование данного текста или его фрагментов запрещено

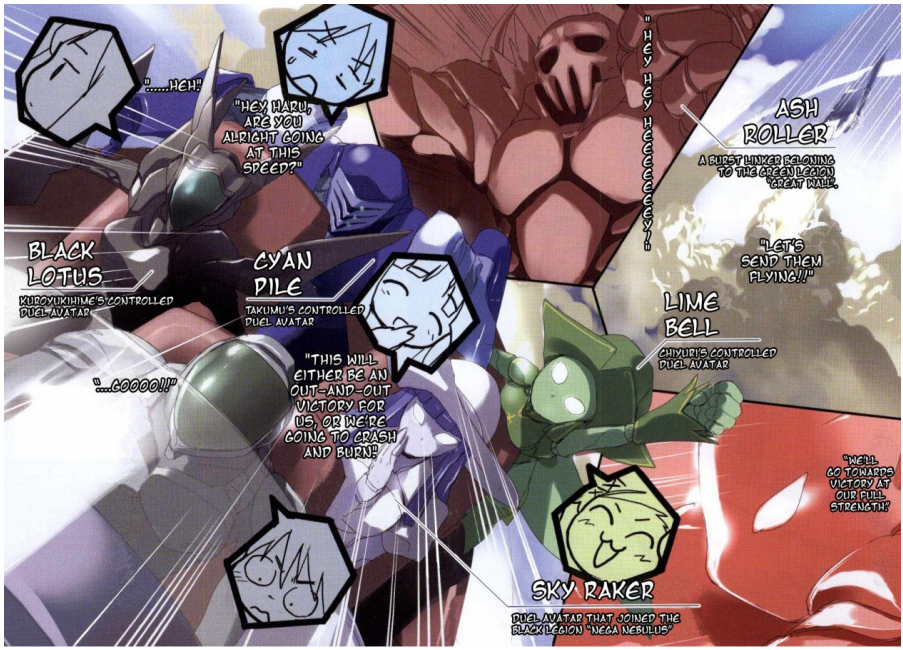
アクセル・ワールド 05
星影の浮き橋
川原 礫
イラスト／HIMA
デザイン／ピィピィ

THAT'S RIGHT, HARU. LET'S DO SOME EXERCISE.
E... EH!? I-I'LL EXERCISE... BUT WHERE... AND WHAT KIND...
HARUYUKI
UMESATO'S VERY BOTTOM STUDENT
CHIYURI
HARUYUKI'S CHILDHOOD FRIEND

"PA... PARD-SAN!? W-WHY HERE AND NOW!?"
SILVER CROW
HARUYUKI'S CONTROLLED DUEL AVATAR
"YOU ARE HERE FOR THE SAME REASON AS ME."
BLOOD LEOPARD
BURST LINKER FROM THE RED LEGION, "PROMINENCE"

"T-THAT'S NOT A PROBLEM AT ALL, NOPE! IT LOOKS LIKE MY MOM ISN'T CO-CO-COMING HOME AT ALL TODAY! SO..."
KUROYUKIHIME
THE BLACK KING - THE STUDENT COUNCIL VICE PRESIDENT OF UMESATO MIDDLE SCHOOL AND CONTROLLER OF BLACK LOTUS.
"SORRY, BUT I THINK I'LL TAKE YOU UP ON YOUR OFFER AFTER ALL."
!


"!?"
"……ううう……ううう……うう"


"HEY HEY HEEEEEEY!"
ASH ROLLER
A BURST LINKER BELONGING TO THE GREEN LEGION "GREAT WALL".
"LET'S SEND THEM FLYING!!"
LIME BELL
CHIYURI'S CONTROLLED DUEL AVATAR
"WE'LL GO TOWARDS VICTORY AT OUR FULL STRENGTH!"
SKY RAKER
DUEL AVATAR THAT JOINED THE BLACK LEGION "NEGA NEBULUS"
"THIS WILL EITHER BE AN OUT-AND-OUT VICTORY FOR US, OR WE'RE GOING TO CRASH AND BURN!"
CYAN PILE
TAKUMU'S CONTROLLED DUEL AVATAR
"....GOOOO!!"
BLACK LOTUS
KUROYUKIHIME'S CONTROLLED DUEL AVATAR
"HEY HARU, ARE YOU ALRIGHT GOING AT THIS SPEED?"
"....HEH."

*Tokyo Metropolitan Government Building

Brain Burst, official name «Brain Burst 2039», is a mysterious game program released seven years ago by an unknown developer. It has already been updated several times. Around 1000 players, represented by Duel Avatars, repeatedly engage into fierce battles while aiming for the top, Level 10.

Legions are groups formed by several Duel Avatars aiming to control territories and secure their profits. They're similar to the guilds or teams found in other games.

There are seven main Legions, each led by one of the «Kings of Pure Color». There's, for instance, the Black Legion, Nega Nebulas, led by Kuroyukihime a.k.a Black Lotus, and the Red Legion, Prominence, led by Nico (a.k.a Scarlet Rain) among others. Haruyuki's Silver Crow and Takumu's Cyan Pile belong to Nega Nebulas.

Territories — The control of an area by a Legion is decided every Saturday evening during the «Territory Battle Time». Multiple battles having two groups of players face each others take place. At the end of the Territory Battle Time, the system gives control of the area to the Legion whose win average is above fifty percent. Members of a Legion controlling an area are given the right to decline battle requests in this area even if their Neuro Linker is connected to the global network.

Глава 1

Возможно, было бы к лучшему, если бы все небо над Токио было утыкано эстакадами.

Так с раздражением думал Харуюки, обходя лужи, не впитавшиеся в водопроницаемый материал тротуара.

Он давно уже ненавидел дождь. Уровень сигнала его нейролинкера падал даже при незначительной мороси, одна из его рук, которые могли бы управлять виртуальным рабочим столом, была занята зонтом, и, будто этого было недостаточно, его тело, и так склонное к потливости, мокло еще больше.

Остановившись на светофоре по пути из школы домой, он глянул вверх из-под края зонта и увидел, что, хотя вроде обещали на первый день месяца отсутствие дождя, небо по-прежнему оставалось свинцово-серым и насыщенным влагой.

На краю поля зрения рядом с заголовками новостей располагалась строка прогноза погоды. Вероятность оставалась 80-90% до завтрашнего утра. Похоже, фронт сезонных дождей не собирался обходить регион Канто стороной.

Хорошо бы сейчас взлететь ненадолго и подняться над облаками. Белоснежное море облаков, тянущееся до самого горизонта, синее-синее небо, яркое солнышко. Такую картину он несколько раз видел на арене «Шторм», но, разумеется, в реальном мире ничего подобного не было.

Ну, по крайней мере он мог это вообразить. Харуюки поднялся на цыпочках, махая воображаемыми крыльями, и –

– Уже синий!

Внезапно кто-то хлопнул Харуюки по спине, и он, почти падая вперед, шагнул на переход. С трудом устояв на ногах, он быстро зашагал через дорогу, чтобы скрыть смущение. Потом повернулся к идущему рядом с ним человеку.

– …Привет.

– Привет.

Ответила Харуюки, крутя в руках свой желто-зеленый зонт, его одноклассница Тиюри Курасима. Она весело плюхала своими непромокаемыми ботинками, словно дождливая погода не навевала на нее уныние, а, наоборот, радовала.

– Ты купила новый зонтик? – поинтересовался Харуюки (этой вещицы он раньше у Тиюри не видел). Его подруга застенчиво моргнула своими кошачьими глазами и кивнула.

– Ага… и не говори больше ничего, я и сама знаю, что ты хочешь сказать! Да, да, я позволяю себе выбирать вещи под цвет своего аватара.

– Это не только у тебя… Я тоже заметил, что всякую мелочь – коробочки для карт памяти, кабели для Прямого соединения – выбираю серебристого цвета.

Броня дуэльного аватара Тиюри «Лайм Белл», которым она обзавелась два месяца назад, в апреле, была цвета лайма, как и намекало название. Тиюри сперва не очень-то любила этот цвет, однако потом незаметно для самой себя сменила некоторые вещички, включая свою фирменную большую заколку, на ярко-зеленые.

– Но тебе лучше бы прекратить, когда дело дойдет до нейролинкера. А то твою реальную личность могут вычислить.

Когда Харуюки сказал это, глядя на светло-сиреневый VR-аппаратик, сидящий на ее тонкой шейке, Тиюри надулась.

– Но Хару, ведь и у тебя, и у Так-куна, и у Черно-семпай нейролинкеры такого же цвета, как аватары?

– Я… я его всегда такой ношу, уже очень давно. В следующий раз, когда я сменю его на новую модель, цвет тоже будет другой.

– На-вер-ня-ка будет лаково-черный, ага?

Харуюки покосился на Тиюри, и его глаза забегали.

Его подруга рассмеялась, на лице ее было написано: «Ну что с тобой делать». Потом она отвела свой новехонький зонт назад и взглянула из-под него на небо.

– Но сейчас правда дождит.

– Ага… Кстати, а что с твоей секцией?

До Харуюки с запозданием дошло, что в норме Тиюри, принадлежащая к секции легкой атлетики, и он, ни в каких кружках и секциях не состоящий, никогда вместе из школы не возвращаются. Он вопросительно склонил голову набок. Тиюри пожала плечами и лениво ответила:

– Когда идет дождь, мы всегда либо качаемся в спортзале, либо плаваем на длинные дистанции в крытом бассейне. Сегодня и там, и там полно народу из других секций, так что я взяла выходной. Вообще нечестно, что у Так-куна и секции кендо есть додзё, которым только они могут пользоваться… Блин, неприятное ощущение в мышцах, когда я их хоть один день толком не упражняю.

– Ээ, значит, и так бывает… – с оттенком восхищения пробормотал Харуюки, всегда гордившийся тем, что является полным антиатлетом.

Услышав эти слова, Тиюри моргнула, будто ей пришла в голову какая-то мысль, потом вдруг пододвинулась к Харуюки, положила ладонь на его руку – и, когда Харуюки мысленно засуетился от внезапного физического контакта, посмотрела ему прямо в глаза и произнесла:

– Знаю, Хару. Поупражняйся со мной.

– Ха… хаааа?!

Выпучив глаза, Харуюки захлопал губами; наконец ему удалось кое-как промямлить:

– П-поупражняться, в смысле… где… как…

– …Что за реакция? А, аа, тебе только что всякие странные мысли полезли в голову, ага!

Пристально глядя на него, Тиюри язвительно ухмыльнулась.

– Я всего лишь подумала подуэлиться в команде. Что же еще я могла иметь в виду, Арита-сэнсэээй…

– Я, я, конечно, тоже это самое имел в виду.

Неестественно откашлявшись, Харуюки изобразил спокойствие и продолжил:

– Я хотел спросить: «Где арена, на которой мы будем драться» и «Как будем драться».

– Хее, хоо, хмм.

К счастью, Тиюри, видимо, склонилась к решению отпустить обвиняемого на поруки; широко улыбнувшись, она ткнула кончиком зонта в эстакаду линии Тюо впереди.

– Сейчас еще рано – давай смотаемся в Синдзюку. Если поднимемся на смотровую площадку Дома правительства, то, может, даже выше облаков окажемся.

– Это вряд ли, но… ладно, давай.

Пожав плечами, Харуюки вновь ощутил вес ладони Тиюри, по-прежнему лежащей на его правой руке.

Харуюки Арита и Тиюри Курасима родились 14 лет назад, в 2033 году, и с раннего детства жили в одном и том же многоквартирном доме в северном Коэндзи. Поскольку их квартиры разделяло всего два этажа, они росли практически как брат и сестра.

Конечно, дом был громадный, и там жило еще множество детей их возраста. Однако лишь один из них до сегодняшнего дня оставался другом Харуюки, помимо Тиюри, – Такуму Маюдзуми, живший в другом крыле. Поскольку он ходил не в ту же начальную школу, что Харуюки и Тиюри, его общение с Харуюки не несло какого-либо оттенка беспокойства. Харуюки и Тиюри ходили в одну и ту же школу, но и их отношения от этого не менялись – скорее всего, из-за искренней доброты и силы Тиюри.

Когда в начальной школе над Харуюки начали измываться старшеклассники, он стал избегать Тиюри, потому что не хотел, чтобы она видела его унижение. Но Тиюри упрямо старалась держаться рядом. Харуюки прекрасно понимал, какое чудовищное испытание в этом возрасте – «дружить с козлом отпущения». И тем не менее до пятого класса она каждый день возвращалась из

школы вместе с ним, и они плюс Такуму вместе играли и дурачились. Эти воспоминания о том, как трое друзей проводили послешкольное время, хранились глубоко в памяти Харуюки, окрашенные в золотистый цвет.

…Для Тиюри эти воспоминания, скорее всего, были еще более бесценны.

Потому что источником способности к псевдолечению, которой обладал ее дуэльный аватар «Лайм Белл», было, видимо…

– Поезд идет.

С этими словами Тиюри пихнула его локтем; Харуюки поднял голову и обнаружил, что они уже добрались до платформы линии Тюо, а он и не заметил. Кинув взгляд на оранжевый поезд, подъезжающий с запада, он кивнул, а потом тихо добавил:

– …сибо, Тию.

– Э, ты что-то сказал?

Подруга Харуюки повернулась к нему, колыхнув короткой прической. Харуюки почувствовал какое-то влажное, удушающее ощущение в груди и лихорадочно замотал головой.

– Не, ничего. Д-давай на поезд!

Харуюки запрыгнул в вагон, провожаемый таким привычным изумленным голосом:

– Эй, вообще-то нам всего две остановки ехать!

От западного выхода станции Синдзюку они добрались до Дома правительства и вошли в лифт, идущий напрямую к смотровой площадке наверху здания.

Ускорение придавило их и тут же отпустило. Номера этажей на настенном индикаторе мелькали с невероятной быстротой. Стена снаружи вскоре из бетонной превратилась в стеклянную; Тиюри тут же прыгнула вперед и воскликнула:

– Уааа… потрясно, все серое…

– Из-за дождя тут почти ничего и не видно…

Как и ожидалось, вечерний городской пейзаж, простирающийся к югу, был скрыт пеленой дождя, и разглядеть что-либо было невозможно. Более того, по мере того как лифт поднимался, на стекло все сильнее налипало что-то вроде тумана, и видимость становилась еще хуже.

Лифт замедлился – Харуюки ощутил легкость во всем теле – и остановился одновременно со звуковым сигналом. По ту сторону открывшихся дверей все было белым-бело.

Токийский Дом правительства, перестроенный в 30-х годах, достигал в высоту 500 метров. Единственное более высокое сооружение в Токио (и даже во всей Японии) – Токио Скай Три[1]

в Сумида-ку. Но там смотровая площадка была на высоте всего 450 метров, второе место; так что на самом деле верхний этаж Дома правительства был ближе всего к небу в центре Токио.

Вылетев из лифта, Тиюри тут же прижалась руками к громадному стеклу.

– Уаааа… супер, а здесь все такое белое…

– Да, дождя тут нет, мы уже внутри облаков.

Грустно улыбаясь, Харуюки встал рядом с Тиюри. От окна исходило молочно-белое сияние, словно с той стороны к нему приложили толстый слой ткани.

– Жаль, что неба не видно, – уныло сказала Тиюри, мрачно глядя за окно. Но вскоре она развернулась, и на ее лице вновь появилась улыбка.

– Ну и хорошо. Зато тут, кроме нас, никого нет.

Да уж, никому в голову не придет подниматься на смотровую площадку в такую мерзкую погоду, да еще в будний вечер; и действительно, здесь больше не было ни одного человека. Тиюри внезапно обвила левую руку вокруг правой руки Харуюки и потянула его в сторону.

– Тут так редко бывает так, что совсем никого, – давай пройдемся вокруг!

– Мм, д-давай.

В последнее время Харуюки более-менее приспособился нормально общаться с Тиюри, как это было в прошлом, но когда она оказывалась чересчур близко, его язык начинал заплетаться. Глядя на Харуюки, Тиюри рассмеялась и направилась по часовой стрелке коридором, идущим вокруг всей смотровой площадки.

Естественно, куда бы они ни пошли, вид за окном нисколько не менялся. За каплями воды на стекле виднелись лишь клубящиеся белые облака. Но Тиюри все равно не делала больше недовольного лица и лишь ритмично передвигала ногами.

Харуюки с трудом понимал, какие у него сейчас отношения с подругой детства. Сразу после абсурдно долгой и полной боли битвы, произошедшей два месяца назад, Тиюри обвила руками шеи Харуюки и Такуму и, плача, заявила: «Я люблю вас обоих».

С того самого времени она, как и говорила, старалась общаться абсолютно буднично и с Харуюки, и с Такуму. Как будто она пыталась вернуть время назад, к тем дням, когда они втроем играли до темноты.

– А, кстати, Хару.

Харуюки поднял голову, когда Тиюри вдруг обратилась к нему.

– Ч-чего?

– Если мы все равно собираемся дуэлиться, давай

подключимся к Глобальной сети. Тогда за окном появятся указатели на разные интересные городские места.

– А… ну да.

Сейчас у них обоих нейролинкеры были отключены от Глобальной сети. Потому что Синдзюку был территорией Синего легиона «Леонидс»[2], и если бы они были подсоединены, другие Бёрст-линкеры могли бы напасть в любой момент.

К примеру, на улице «ждать вызова» было бы опасно, но здесь, на смотровой площадке, где, кроме них двоих, никого не было, никакой проблемы не возникнет, если они автоматически ускорятся при вызове. Харуюки кивнул и, открыв консоль «Brain Burst», в первую очередь пометил себя и Лайм Белл как команду. Теперь в дуэльном списке будет ясно написано, что они вдвоем, и вызывать их будут почти наверняка тоже команды из двух человек. После этого Харуюки и Тиюри одновременно подключили свои нейролинкеры к Глобальной сети.

Тотчас в поле зрения Харуюки возникло множество маленьких голографических указателей. Это были метки с описанием знаменитых мест и больших зданий, которые при ясной погоде было бы видно отсюда вживую. Друзья одновременно повернулись на восток, и в поле зрения возникли указатели станции Синдзюку, Южной террасы и лежащего подальше квартала Кабуки-тё.

– …Я так и думала, когда одни таблички, совсем неприкольно, – с недовольной улыбкой произнесла Тиюри. И тут же, словно бог погоды сжалился над ними, густые облака разошлись, и внезапно перед глазами друзей открылся вид на вечерний Токио.

Радостно завопив, Тиюри подлетела к окну. Харуюки поспешил следом.

Они смотрели невооруженным глазом вниз с высоты 500 метров; под ними расстилался мегаполис, словно гобелен с вытканной на нем полутысячелетней историей. Нити улиц ослепительно сияли, а обрамленные ими национальный парк Синдзюку Гёен и поместье Акасака, точно такие же, какими были в прошлом веке, тонули в сумраке.

А дальше к западу, словно громадная черная дыра в самом центре галактики, было еще более черное пространство – Императорский дворец.

Туда, конечно же, Харуюки и Тиюри не могли попасть в реальном мире, да и виртуальных образов этого дворца они не видели, хоть и были Бёрст-линкерами. Потому что там была своя собственная система безопасности, не подсоединенная к сети Общественных камер, – исключение из исключений в

современной Японии. В результате в «Безграничном нейтральном поле» Ускоренного мира Императорский дворец, в отличие от всех других мест, не воспроизводился по реальным изображениям, а всегда существовал в виде ни на что не похожей зловещей крепости.

Но что если произойдет нечто противоположное?

В настоящее время было точно известно, что программа «Brain Burst» внедряется в японскую сеть Общественных камер и на основе ее данных генерирует поле. Это поле тянется до самой Окинавы, вовсе не связанной с основной территорией страны, и Черноснежка даже покрыла однажды все расстояние от Окинавы до Токио в «Безграничном нейтральном поле». Раз так – что если и за пределами Японии будут места под наблюдением Общественных камер? Смогут ли Бёрст-линкеры «добираться» и туда?..

– …Слушай, Тию, – прошептал Харуюки, рассеянно глядя на восток.

– Мм, чего?

– Насчет недавних новостей об экспорте технологии Общественных камер…

«Ты их слышала?»

Этот вопрос Харуюки так и не успел задать.

БАММ!!! Знакомый звуковой эффект раздался у него в ушах, и перед глазами все почернело. Автоматическое ускорение – иными словами, какие-то Бёрст-линкеры в Синдзюку обнаружили в дуэльном списке Харуюки с Тиюри и тут же вызвали их. Посреди черноты ярко вспыхнула надпись «HERE COME NEW CHALLENGERS!!!».

Восторг от предстоящей дуэли, первой за долгое время вне родной территории, вымел из головы Харуюки все прежние мысли.

Глава 2

Ноги Харуюки в серебряной броне опустились на замшелую ветвь.

Повернув голову, он увидел нечто абсолютно непохожее на скрытые пеленой дождя небоскребы. Небо было окрашено в интересный лавандовый цвет, а небоскребы сменились гигантскими суковатыми деревьями. Между стволами протянулась густая сеть лиан, среди которых виднелись летящие птерозавроподобные силуэты.

Глядя на эти потусторонние джунгли с ветви, расположенной на самой вершине устрашающе высокого дерева, за основу которого был взят Дом правительства, Харуюки проворчал:

– Уээ, арена «Девственный лес». Здесь трудно драться.

Голос рядом с ним тут же ответил:

– О чем ты, здесь же красиво. Куда лучше, чем уродливые «Пустыня» и «Конец века».

Принадлежал голос, естественно, аватару в полупрозрачной изумрудной броне, Лайм Белл. Симпатичные круглые глаза под полями остроконечной шляпы сияли.

– Ну, внешне она красивая, но. Я в полете даже не могу землю разглядеть, слишком много всего ее заслоняет.

– Кончай ныть! Наземные бои ты тоже должен отрабатывать время от времени.

– Да, да, – кивнул Харуюки и похлопал Лайм Белл по здоровенному колоколу на левой руке.

Характеристики арены «Девственный лес» – чрезвычайно плохая видимость из-за густых зарослей и множество случайных мелких животных. Впрочем, не только мелких – в лесу время от времени попадаются и крупные хищники, возможность их вмешательства тоже следует учитывать при составлении стратегии.

Прокручивая в голове свойства арены, Харуюки заодно коротким взглядом проверил две полосы хит-пойнтов в верхнем правом углу поля зрения.

Вызвала их команда, которую составляли «Фрост Хорн» пятого уровня и «Турмалин Шелл»[3] четвертого. Оба этих имени Харуюки прекрасно знал. Бёрст-линкеры, которым они принадлежали, были активными членами Синего легиона.

Поскольку Харуюки был сейчас на пятом уровне, а Тиюри на четвертом, в этом смысле разницы не было. Однако противники, судя по всему, стали Бёрст-линкерами намного раньше них. Можно было бы счесть, что Харуюки и Тиюри сильнее, раз они

быстрее набрали опыт, но на самом деле все не так просто.

Ситуация, в общем, такая. Бёрст-линкеров можно поделить на много типов в зависимости от характера; но даже если у того, кто «не обращает внимания на процент побед и готов дуэлиться с кем угодно, в любом месте и в любое время», и у того, кто «тщательно просчитывает сильные и слабые стороны и участвует лишь в тех дуэлях, в которых точно сможет победить», один и тот же уровень, все равно между ними есть колоссальная, хотя и невидимая, разница.

Это – набранный боевой опыт. Даже если Бёрст-линкер вызвал на дуэль противника высокого уровня, победить которого просто не мог, или того, против кого его аватар изначально слаб, и проиграл, эта дуэль дает ему опыт, не выражаемый цифрами. Тактика, знания, а главное – сердце, которое не дрожит в критические моменты.

Конечно, игровой стиль «всеядных» неэффективен по сравнению с «расчетливыми». Их запас бёрст-пойнтов нестабилен и не всегда надежен, и им приходится трудиться на изматывающих охотах за «энеми» в «Безграничном нейтральном поле».

Но в конечном итоге именно у них больше шансов подняться выше – так Харуюки говорила его наставница Черноснежка. Поэтому Харуюки, когда выходил дуэлиться на улицу, сознательно не привередничал при выборе противников и старался держаться где-то посередине между «всеядными» и «расчетливыми», но –

Парочка, вызвавшая их сейчас, особенно Фрост Хорн, была знаменита как сверхбезбашенные сорвиголовы; по части безрассудства Харуюки до них было далеко. Скорее всего, именно поэтому они без колебаний вызвали Харуюки и Тиюри, как только те появились в дуэльном списке.

По поведению курсоров в середине своего поля зрения Харуюки пришел к выводу, что команда противника движется в их сторону по прямой, и, решив подыграть их стилю, предложил:

– Тию, ничего, если мы тоже спустимся на землю и устроим там маленькую победоносную войну?

Его напарница с ухмылкой кивнула.

– Идет. Мое лечение все равно не работает, если цель не в пределах видимости. И потом, я тоже в последнее время отрабатываю ближний бой!

Она махнула левой рукой с колоколом и разнесла пять-шесть твердых на вид плодов, свисающих рядом с ней.

Харуюки, в прошлом получивший разок по голове этим колоколом, невольно отодвинулся, потом протянул руку

напарнице.

– Ладно, давай нападем на них сверху!

– Окееей!

Тиюри сжала протянутую ей руку, и они оба без колебаний спрыгнули с пятисотметровой высоты. Целясь в далекую, почти не видимую точку в лесу, куда указывали курсоры, они вошли в глубокое пике.

Курсор показывает только общее горизонтальное направление на противника. Поэтому та команда не сразу сообразит, что Харуюки и Тиюри стремительно приближаются сверху. Чтобы ухватиться за этот шанс, торможение придется оттянуть до самого последнего момента. Ветер стонал в ушах, земля приближалась с пугающей быстротой. Даже у Харуюки, привычного к пикированию, перехватило дыхание от инстинктивного стремления избежать встречи с поверхностью.

А вот Тиюри, летящая рядом с ним на точно такой же скорости, даже не пищала – напротив, ее глаза сияли. Вот уж кто действительно сорвиголова, как ни странно, хотя нет, это слово для девушки не подходит…

Пока Харуюки крутил эти мысли в голове, рядом с ним раздался резкий шепот:

– Вон они! Под теми большими красными цветками!

Изо всех сил вглядевшись, Харуюки убедился, что да, в густых зарослях высоких растений вроде раффлезии бежали рядышком два силуэта, большой и маленький. Справа был Фрост Хорн в тяжелой голубой броне и с длиннющими рогами, растущими изо лба и плеч. Слева – Турмалин Шелл в элегантной сине-зеленой броне.

– Я беру правого, ты левого. Вмажем им со всей силы, – быстро произнес он, и Тиюри кивнула.

Оба противника, скорее всего, до сих пор думали, что Харуюки и Тиюри где-нибудь на земле или на дереве Дома правительства. Однако это заблуждение продлится лишь несколько секунд – когда противники окажутся совсем рядом, курсоры исчезнут. Прямо перед тем, как это произойдет, необходимо замедлить спуск, а потом атаковать.

Харуюки расширил глаза и стал сосредоточенно определять расстояние.

– Поехали… Пять секунд до торможения, три, две, одна, ноль!

Он с силой сжал руку Тиюри и, как только отсчет закончился, развернул крылья до предела.

Чтобы внушить противнику мысль, что Сильвер Кроу все еще на земле, он не осмеливался заряжать шкалу спецатаки. Поэтому

его крылья не могли производить тягловую силу, однако использовать их в качестве парашюта было вполне можно. Металлические пластины, поймав набегающий поток воздуха, стали резко замедлять спуск Сильвер Кроу.

Отдачу Харуюки использовал, чтобы изменить ориентацию их тел. Развернулся, вытянул вперед левую ногу, слегка потянул Тиюри за руку, помогая ей принять такую же позу, и заодно подправил ей прицел. И тут же курсоры исчезли из его поля зрения.

В этот же миг противники осознали, что Харуюки и Тиюри неожиданно близко. Они поспешно затормозили, так что у них аж пятки в землю зарылись, и принялись оглядываться по сторонам. Потом задрали головы к небу.

Но было уже поздно –

– Оряаааааааа!

– Тоооооо!

Одновременно с этими воплями левая нога Харуюки и правая нога Тиюри прорвались сквозь лепестки раффлезии и с ошеломляющей точностью врезались в свои жертвы под острым углом.

Момент атаки был выбран столь идеально, что у противников не было ни шанса увернуться, даже если бы они в этом были спецами. Фрост Хорн и Турмалин Шелл скрестили перед собой руки, чтобы принять удары на блок. И все равно пинки, набравшие энергию от пятисотметрового пикирования, сотрясли их обоих.

Арена заполнилась грохотом и световыми эффектами, как от попадания спецатак.

– Мугоо…

– Фунээн!

Хорн и Шелл тяжело застонали. Они подсели, пытаясь удержаться на месте, две пары ног зарылись в поросшую зеленью землю, оставляя в ней четыре канавки.

Однако каким бы мощным телосложением аватар ни обладал, от столь тяжелой атаки полностью защититься невозможно.

Их блоки разлетелись в клочья спустя долю секунды, и Хорн с Шелл откинулись назад. Потом отлетели, прочерчивая борозды в земле, и вмазались в ствол стоящего поодаль дерева. Вновь арена содрогнулась от спецэффектов, и обе полосы хит-пойнтов в верхнем правом углу поля зрения Харуюки сократились почти на 30%.

Успешно завершив первую атаку, Харуюки и Тиюри приземлились с задним сальто, и издалека донеслось множество криков.

Вопли «Круто!», «Такой урон и без спецатак!» исходили от зрителей, кучкующихся на высокорасположенных ветвях и наблюдающих оттуда за полем боя. Как и следовало ожидать от Синдзюку, дуэльной мекки, даже в будний день зрителей было человек двадцать, а то и больше.

Как раз когда гомон поутих, Фрост Хорн и Турмалин Шелл выбрались из густых зарослей и вскочили на ноги. Хотя они по-прежнему не совсем твердо держались на ногах, все же им удалось прийти в себя, и они начали перекрикиваться:

– Бллин, терпеть ненавижу чуваков, которые прыгают со смотровой площадки! Вы ж там все равно ни хрена не видите из-за дождя!

– Это не проблема, Хорн-кун! Свиданка, у этих двоих свиданка, Хорн-кууун!

– Че… че… чего… они дуэлятся на свиданке… в натуре, что ль?!

– Зуб даю, Хорн-кун! Они хотят нас завалить, а потом обжиматься и лизаться, Хорн-кууууууун!!!

– Не… не прощу. В гробу я видал таких Бёрст-линкеров!!!

Наблюдая эту перепалку, которая, судя по всему, была заготовлена заранее, зрители вновь расшумелись. Вместе со смехом посыпались крики типа «Точно, точно!» и «Покажите им, на что годятся непопулярные!».

Обалдело слушая это все, Харуюки наконец принялся лихорадочно мотать головой.

– Э, это не… и вовсе мы не на с-свиданке.

– Вы меня бесите, лучше бы тоже объединялись в команды с девчонками!

Возглас Тиюри явно подлил масла в огонь, и оборона Харуюки потеряла всякий смысл. Фрост Хорн снова покачнулся.

– Н-ну теперь я разозлился конкретно…

Стоящий рядом Турмалин Шелл положил руки на пояс и закивал, потом добавил:

– У нас в «Леонидс» почти нету девчонок-Бёрст-линкеров. Они все как слышат о компании парней ближнего боя, так сразу потеют и отворачиваются.

– Вам этого не понять ваще! Вот, а раз так, нам остается только их издырявить, да так, чтоб у них по пути домой все отваливалось!!!

– Уаа, ну это уже дешевка, Хорн-куун!

– Заткнись! Ща вы все увидите! Как себя ведет! Настоящий мужик! Пааехали…

Пока Харуюки продолжал наблюдать этот цирк, Фрост Хорн вдруг поместил руки по бокам туловища, и грубые рога, торчащие

из его плеч и лба, вдруг резко засияли.

– «Фростед сакл»!!![4]

Как только он объявил название приема, от рогов во все стороны разлетелось кольцо бледного света. Оно прошло сквозь Харуюки и Тиюри и рассеялось сзади.

Все это произошло так быстро и на таком близком расстоянии, что увернуться было невозможно, однако никакого урона свет не нанес. Полосы хит-пойнтов Харуюки и Тиюри даже не шелохнулись.

Однако Харуюки насторожил все чувства и стал ждать, что будет дальше. Он несколько раз дрался с Фрост Хорном в территориальных сражениях, но прямое попадание его спецприема получил впервые. Если Харуюки не подводила память, этот прием не наносил прямого урона противнику, а влиял на свойства арены.

Раздался тонкий треск, и окружающие растения побелели. В воздухе заплясали светлые искорки. Это был «иней». Влага кристаллизовалась на поверхности всех объектов и покрывала их слоем льда.

Наблюдая, как блестящая броня Сильвер Кроу разом стала матовой и ее всю, до кончиков пальцев, обволок лед, Харуюки тихо произнес:

– Белл, я займусь Хорном. Ты сдерживай Шелла, пока я его не прикончу.

– Окей.

Сразу после этого короткого ответа –

– Уо… раааа!

По ту сторону морозной вуали раздался боевой клич, и гигантская туша понеслась прямиком на Харуюки.

Это был Фрост Хорн. На его голубой броне, как и у Харуюки, намерз лед. Похоже, особо толстый его слой был на трех рогах.

Выставив вперед здоровенный рог на правом плече, он атаковал. Чуть согнув колени, Харуюки смотрел во все глаза, выжидая момента, чтобы увернуться и контратаковать.

– …Куо!

С этим выкриком Харуюки отпрыгнул вправо и попытался перехватить живой таран.

Однако из-за намерзшего льда его тело было куда тяжелей обычного, и начальное движение оказалось слишком медленным.

Прямого удара он избежал, но все же рог оцарапал его, и левое плечо содрогнулось от удара. Стиснув зубы, Харуюки вытерпел и нанес удар правым кулаком Хорну в бок, когда тот проносился мимо.

Но из-за лишнего веса он снова плохо рассчитал время. Поскольку кулак Харуюки был весь во льду, его короткий удар нанес бы урон сильнее обычного, если бы попал, но, увы, он лишь вскользь прошелся по туловищу Хорна.

Это и был основной эффект спецприема «Фростед сакл». Он увеличивал вес аватаров, находящихся в пределах радиуса действия, и не давал применять скоростные приемы и связки приемов. С другой стороны, сила тяжелых одноударных атак возрастала. Кроме того, в качестве побочного эффекта сильно ухудшался обзор, и потому стрелять с дистанции было бесполезно. А тепловое самонаведение не работало из-за мороза.

Словом, всем аватарам в пределах радиуса действия приема приходилось уподобляться борцам сумо и применять мощные атаки ближнего боя. В общем, по многим причинам это был ужасающий спецприем. Даже выбежать из зоны его действия было не так-то просто, поскольку лед непрерывно продолжал намерзать на большом расстоянии от Хорна, который находился в центре всего этого.

Сверля взглядом силуэт Хорна, который, отбежав немного, развернулся и встал в позу для следующей атаки рогом вперед, Харуюки мысленно пробормотал:

Ладно, сыграем по твоим правилам.

Сжав в кулаки волю и руки, он покосился на двух других игроков, стоящих друг напротив друга чуть в стороне.

Напарница Харуюки Лайм Белл, как и он сам, была вся белая от льда. Особенно много льда было на колоколе, он выглядел очень тяжелым.

Однако –

На ее противнике, Турмалин Шелле, не было ни снежинки. Гладкая изящная броня, покрывающая его стройное тело, была на вид абсолютно такой же, как в начале боя, – сине-зеленой и влажно блестящей. Нет, она на самом деле была влажной. Лед, пытавшийся покрыть Шелла, мгновенно таял и стекал вниз.

Вот почему Турмалин Шелл и Фрост Хорн любили сражаться в паре.

Его турмалиновая броня, когда по ней что-либо ударяло, вырабатывала электричество и нагревалась[5]. Немногие «электрические» и «тепловые» аватары могли так вот непрерывно генерировать тепло. Шелл был одним из очень малочисленных аватаров, абсолютно иммунных к спецприему Хорна.

Выставив вперед обе руки, по которым бегали электрические искорки, будто собираясь этими руками бить, как мечами, Турмалин Шелл скользнул к Лайм Белл. Он наносил один за другим удары ладонями в китайском стиле. Белл защищалась, используя громадный колокол в качестве щита.

Будучи зеленым аватаром с очень высокой цветовой насыщенностью, Лайм Белл обладала высоченной защитой, сравнимой с аватарами-металликами. К тому же ее руки покрывал слой льда; в результате «электротепловые удары ладонями» Шелла не наносили практически никакого урона. Пока Белл сосредотачивается на обороне, свои хит-пойнты она сохранит.

Однако – наверняка это входило в планы команды противника.

Хорн и Шелл, конечно же, знали, что Лайм Белл обладает чрезвычайно редкой «способностью к лечению». В этом бою, где суммарный уровень обеих команд совпадает, Хорн и Шелл, вероятно, проиграют, если позволят Белл хоть раз воспользоваться этой своей способностью.

Поэтому они применяли такую тактику: Шелл, способный свободно передвигаться даже в пределах кольца, должен сдерживать Белл мелкими частыми атаками, а Хорн тем временем прикончит Кроу. Несмотря на то, что первая атака с высоты принесла Харуюки и Тиюри успех, сейчас, после приземления, бой шел по сценарию противника.

Чтобы выбраться из этого положения, Харуюки придется разобраться с Хорном без помощи со стороны.

…Но мы поняли, что так будет, еще когда решили драться на земле!

Оборвав этим мысленным возгласом ненужные мысли, Харуюки сосредоточился на силуэте набегающего Фрост Хорна.

Во время предыдущего столкновения он уже прочувствовал вес своего ледяного панциря. Теперь ему удастся вовремя увернуться от атаки и нанести контрудар.

…Сейчас!

Он отпрыгнул в сторону чуть-чуть раньше, чем в прошлый раз, и вдруг.

Острие рога вмазалось Харуюки точно в левое плечо.

– Уаа!

Невольно вскрикнув от мощного удара, Харуюки беспомощно отлетел. Перекувырнувшись в воздухе, он шмякнулся о землю и снова подскочил. Если он так и продолжит, то получит дополнительный урон; понимая это, Харуюки кое-как сумел в следующий раз приземлиться на ноги.

Однако его хит-пойнты просели процентов на двадцать от одной лишь атаки рогом. В броне левого плеча появилась глубокая борозда, от которой сыпались искры. По нервам бежала острая боль, характерная для получения большого локального урона; однако сильнее боли было удивление.

Время он рассчитал идеально. Почему же он пропустил этот удар рогом, который должен был быть куда медленнее пули?

Ответ он получил от самого Фрост Хорна, стоящего во весь рост неподалеку.

– У-ха-ха-ха-ха! Офигел, птичка? Ты все время с неба смотришь, так что и не знал небось, что мои клевые рожки внутри «Морозного колечка» умеют становиться длиннее! Они становятся все из себя крутые и мощные!

– …Ч-что ты сказал…

Ошеломленный Харуюки напряг зрение и увидел, что да, конические рога, торчащие из плеч и лба здоровенного аватара цвета воды, были покрыты толстым слоем льда и явно подросли по сравнению с началом боя.

Хуже того, они вроде бы потихоньку удлинялись с каждой секундой. Значит, сколько бы раз Харуюки ни запоминал время и расстояние атак, пользы он из этого все равно не извлечет.

– Во как, понял? Вот оружие! Настоящего! Мужика! У-ха-ха-но-ха-ха!

В ответ на хохот Хорна со стороны зрителей донеслись аплодисменты, смех, крики «ага, ага!» и «как вульгарно».

Слушая все это, Харуюки глубоко вдохнул, потом выдохнул.

Похоже, я ошибся.

Сражаться безрассудно, не выбирая противника, и сражаться, отказавшись от своего стиля, а просто упрямо лезя вперед, – одинаково ошибочно. Считать, что я смогу выиграть на поле противника без какой-либо стратегии, – все равно что недооценивать противника. Я должен был с самого начала драться в полную силу, задействовав все свои способности. И если я не сделаю этого сейчас, у меня нет шансов на победу.

Ну теперь я выложусь на всю катушку!

Сжав руки в кулаки и разведя их в стороны, Харуюки начал разворачивать крылья. После первого урона, который он нанес, и после того, который сам только что получил, его шкала спецатаки заполнилась где-то наполовину. Сперва забрать Тиюри и взлететь. Потом дождаться, пока кончится действие «Фростед сакл», и разделаться с Турмалин Шеллом еще одной двойной атакой с пикирования –

Выстроив в уме такой план, Харуюки вдруг обнаружил нечто неожиданное.

– Гхх!..

Крылья почему-то не раскрывались. Глянув за спину, Харуюки обнаружил, что металлические пластины покрыты льдом, который, похоже, склеивал их, не давая развернуться.

Глядя на Харуюки, который, заведя руки за спину, отчаянно пытался счистить лед, Фрост Хорн провозгласил:

– Ухоо, кажись! У меня есть! Шаааанс!

Он чуть подсел и на этот раз выдвинул вперед самый длинный рог – лобовой.

От удара всего лишь плечевым рогом Харуюки потерял сразу 20% хит-пойнтов. Пропускать атаку, судя по всему, самого убийственного оружия Хорна, было абсолютно недопустимо. Однако даже если он откажется от идеи контратаки и будет просто отскакивать в сторону, его положение будет постепенно ухудшаться. Что-что, что-то, что-то надо сделать…

– Тейяаааа!!!

Ровно в этот миг раздался пронзительный возглас.

Кинув короткий взгляд в направлении источника этого возгласа, Харуюки увидел такую картину: Лайм Белл поймала правой рукой атакующую руку Турмалин Шелла и провела бесподобный бросок через плечо.

Хлоп! Шелл, пролетев метров десять, бухнулся о землю за ее спиной. Однако, увы, эффективность бросков на песчаных и травянистых аренах (таких, как «Девственный лес»), была чертовски низка. Сине-зеленый аватар мгновенно вскочил на ноги, не получив сколь-нибудь серьезного урона.

Но истинная цель этого броска через плечо была, похоже, другая.

Тиюри повернулась, даже взгляда не кинув на своего отброшенного противника, и, подняв над головой колокол, крикнула:

– «Цитрон кооолл»!

Взмах колоколом – и с красивым перезвоном из него вырвался лаймово-зеленый луч света. Луч полетел к Харуюки и –

Миновав его левую руку, исчез в тумане.

– Что…

Ошеломленный возглас Харуюки тут же оказался перекрыт хохотом Фрост Хорна.

– У-ха-ха! В кольце у всех лучевых атак точность на тридцать процентов меньше! Если ты мужик! Дерись! Собственным телом!!!

Белый иней, лежавший возле ног Фрост Хорна, поднялся в воздух. Энергично оттолкнувшись от земли, Хорн понесся на Харуюки. Его громадный лобовой рог остро сверкал.

То короткое мгновение, которое понадобилось противнику,

чтобы сблизиться, мозг Харуюки работал с полной нагрузкой.

Какой бы плохой ни была видимость – неужели Тиюри только что вправду промазала своей спецатакой?

В подобных ситуациях она невероятно осторожна и осмотрительна. Если она воспользовалась способностью к лечению, значит, выждала момента, когда эта способность достигнет цели гарантированно. И потом, полоса хит-пойнтов Харуюки съехала всего на 20%. Применять «Цитрон колл» было слишком рано – с учетом того, что энергию он жрал колоссально.

Иными словами, Тиюри промазала нарочно. Нет – она целилась во что-то другое, не в Сильвер Кроу.

Если вспоминать, какие еще факторы, помимо самих бойцов, могут влиять на ход боя на арене «Девственный лес», то это…

Додумав до этого места, Харуюки мгновенно понял, что ему надо делать.

Расширив глаза, он следил за набегающим Фрост Хорном. Чуть согнув колени, выставив одну ногу вперед, другую назад, он высчитывал, в какую сторону уворачиваться.

– Уо… ряаааааа!

Сделав вид, что напуган боевым кличем Хорна, Харуюки развернулся и побежал на полной скорости, четко следуя по той линии, что прочертила в воздухе спецатака Тиюри. Земля дрожала под ногами все сильнее, спина аж зачесалась от предчувствия удара –

Внезапно Харуюки затормозил и подпрыгнул со всей силы вертикально вверх. Разведя руки в стороны и выгнувшись назад, он задним сальто перемахнул через Фрост Хорна и очутился у него за спиной.

Противник знал, что Сильвер Кроу не может пользоваться крыльями. Значит, и не ожидал попытки уйти от удара вверх. Да, Харуюки ощутил, как что-то острое процарапало броню посередине спины, но в целом Харуюки совершил этот полет, не получив особых повреждений.

На лету он видел в перевернувшемся поле зрения могучий аватар противника, продолжающий нестись по прямой.

Там, куда он бежал, из-за занавеса тумана возник громадный эллипсоид.

– Оуаааа?!

Этот вопль принадлежал Фрост Хорну. Отчаянно размахивая руками, он пытался резко затормозить. Однако полузамерзшая земля под ногами не дала ему этого сделать. Мощно расшвыривая иней из-под ног, Хорн вмазался точно в круглый объект.

Раздался сухой и одновременно влажный звук чего-то бьющегося.

Громадный эллипсоид развалился на части, наружу хлынула слизь. И что-то еще тоже вылезло наружу и сердито заверещало, будто у него разом спина замерзла.

На арене «Девственный лес» всегда надо держать ухо востро и следить за появлением гигантских живых объектов. Они самые разные: хищные звери, динозавры, даже растения-людоеды, но все они традиционно атакуют любые дуэльные аватары, подошедшие слишком близко.

Единственное исключение – когда аватар разбивает яйцо.

Здоровенное чудовище, мирный сон которого оказывается нарушен, будет охотиться исключительно на аватар, который это сделал, в течение 500 секунд. Вот как этот колоссальный жук-олень, который всеми четырьмя сверкающими красными глазами смотрел сверху вниз на Фрост Хорна, щелкая мощными жвалами.

Из зрительного зала дождем посыпались возгласы типа «вот он и нарвался». Хорн поднял руки и обратился к монстру в панцире:

– По-по-по-погоди! …Может, мы это, спокойно перетрем все как мужик с мужиком?

– Гигигиииии!

Увы, это, похоже, оказалась самка. Рогатый жук яростно ринулся на кажущийся маленьким по сравнению с ним аватар, сминая раффлезии своими длиннющими антеннами. Хорн издал вопль «Уиииии!» и кинулся наутек; гигантские жвалы защелкали прямо у него над головой.

…Конечно же, «яйца громадных монстров», способные привести к таким ужасающим результатам, вовсе не раскиданы по лесу для удобства игроков. Если пытаться строить на них свою стратегию, есть большая вероятность, что, даже обшаривая арену на протяжении всего времени дуэли, игрок его не найдет.

Но в данном случае яйцо оказалось там, где оказалось, вовсе не случайно.

Его создала Тиюри. Сражаясь, она тем не менее заметила движущийся сквозь туман силуэт гигантского жука. И применила спецприем, сделав вид, что целится в Харуюки, а на самом деле целясь в насекомое.

«Цитрон колл» – вовсе не способность к лечению. Это способность «отматывать назад время цели». Хит-пойнты этот прием тоже восстанавливает, но также отменяет различные эффекты, связанные с «Усиленным вооружением»; и когда он попадает в объект арены, его состояние тоже отматывается назад. Разрушенные объекты становятся такими же, какими были, – а гигантский жук-олень превращается в яйцо.

Естественно, в нормальной ситуации Фрост Хорн, скорее

всего, заметил бы, что произошло, и не стал бы приближаться к яйцу. Однако парящие в воздухе кристаллики льда ухудшили видимость и скрыли от него истинную цель атаки Тиюри. В результате он был обманут бегством Харуюки и врезался в яйцо…

– Хияаааааа!!!

Пронзительные вопли Хорна и крики разъяренного насекомого удалились в чащу леса на запад, в сторону центрального парка Синдзюку. Замерзшая область переместилась вместе с Фрост Хорном, и все вокруг тут же вернуло свои яркие краски.

Ошеломленно проводив глазами спасающегося бегством напарника, Турмалин Шелл развернулся и, переводя взгляд с Харуюки на Тиюри и обратно, выкрикнул:

– …Я отомщу за тебя, Хорн-кууун! А ну п-подходите!!!

Разумеется, они подошли.

– Отличная работа! – произнесла Тиюри, улыбаясь до ушей. Харуюки стукнул кулаком о ее выставленный правый кулак и сел на одну из скамеек, расставленных по всему коридору смотровой площадки Дома правительства.

Испустив долгий выдох, он отсоединился от Глобальной сети и лег лицом вверх.

Несмотря на то, что это была всего лишь обычная дуэль, в которой на кону стояли только Бёрст-пойнты, почему-то он чувствовал, что страшно устал. Видимо, потому что заставлял себя драться на земле, то есть не в своем обычном стиле.

«Невозможность летать» была для него ужасным стрессом – словно он очутился в пустыне без воды. В начале учебного года он больше недели не мог пользоваться крыльями, но это лишь усилило его жажду летать.

Не прошло еще и года, как Харуюки стал Бёрст-линкером. Вот «она», с ее шестью годами опыта, продолжала скрывать тягу к небу, все больше теряя рассудок. Впрочем, по ее обычным тихим манерам это все равно было незаметно…

– Эй, ты чего отключился!

Хлоп! Получив внезапный удар по голове, Харуюки сконфуженно заморгал.

Сидящая на соседней скамейке Тиюри надулась и глядела на него искоса. Похоже, она сказала что-то, а он не услышал.

– П-прости. Что ты говорила?

– «Может, еще одну дуэль?» – вот что я говорила!

После этих ее слов Харуюки покосился на часы в нижнем правом углу поля зрения и обнаружил, что на смотровой площадке он и Тиюри провели всего лишь несколько минут.

Дуэли Бёрст-линкеров длятся максимум 1.8 секунды, так что это было вполне естественно, но Харуюки, обдумав предложение, ответил:

– Хмм, даже если мы будем ждать нового вызова как команда, сдается мне, нам снова придется драться с теми же Хорном и Шеллом… Хотя это не так уж плохо.

Тиюри закатила свои кошачьи глаза, потом покачала головой.

– Ну да, драться второй раз с той же командой скучно. Но обидно будет дуэлиться соло, когда мы сюда пришли вдвоем…

Тиюри задумалась. У нее было такое выражение лица, что, будь она сейчас в своем кошкоподобном аватаре, которым пользовалась в школьной сети, наверняка ее кошачьи уши шевелились бы. Вдруг она хлопнула в ладоши и произнесла:

– А, знаю! Раз мы уже в Синдзюку, давай позовем сестрицу! Если мне память не изменяет, она учится в Сибуе, значит, ей досюда всего одну остановку проехать.

Услышав эти слова, Харуюки малость удивился. Потому что «сестрица», упомянутая Тиюри, – это была та самая «она», о которой Харуюки думал только что.

Звали ее «Скай Рейкер». Это был опытный Бёрст-линкер, вступивший – нет, вернувшийся в «Нега Небьюлас» всего два месяца назад, – а также давняя подруга Черноснежки.

Причина, почему Тиюри звала ее сестрицей, была проста. Когда они при первой встрече в реальном мире обменялись голографическими визитками, Харуюки заметил, что у них похожие фамилии: у Тиюри – «Курасима», а Рейкер звали «Фуко Курасаки». И он тогда ляпнул: «Вы остров и полуостров[6] – все равно что сестры, ха-ха-ха».

Не дожидаясь ответа Харуюки, Тиюри принялась печатать мэйл этой самой сестрице Рейкер. Глядя на подругу, набивающую текст на голографической клавиатуре чуть неуклюжими движениями, Харуюки колебался, не остановить ли ее. Потому что он интуитивно чувствовал: Рейкер-сан откажется.

Несмотря на то, что в легион Скай Рейкер вступила, она по-прежнему не освободилась от мук совести. До сих пор она глубоко раскаивалась в том, что покинула легион и фактически бросила его командира Черноснежку. Тиюри, конечно же, об этом знала. И, возможно, по-своему пыталась достучаться до запертого на замок сердца Рейкер.

Вот почему Харуюки молча закрыл рот.

Через несколько секунд, закончив составлять мэйл, Тиюри отослала его, предварительно подключив свой нейролинкер к Глобальной сети. Тут же отсоединилась обратно и, подождав немного, подключилась еще раз. Получив ответ Рейкер, она снова

отключилась и прочла текст.

– …«Прости». И больше ничего, – прошептала Тиюри, потом подняла голову и издала почти беззвучный смешок. Харуюки, тщательно выбирая слова, сказал:

– Рейкер-сан учится в старшей школе, наверняка она по будням очень сильно занята. На следующих выходных она будет участвовать в территориальных сражениях, там мы с ней увидимся.

– …Ага, точно.

Подруга Харуюки сделала глубокий вдох, улыбнулась, будто перезагружая эмоции, и уже более задорным голосом предложила:

– Ну что, тогда по еще одной дуэльке соло?

– Хмм, мне, пожалуй, достаточно той… Но, конечно, если ты хочешь еще, Тию, я тебе составлю компанию.

Услышав ответ Харуюки, Тиюри счастливо улыбнулась и кивнула.

– Ага, мы смогли выиграть так интересно и клево – пожалуй, мне на сегодня тоже хватит. Да, было правда здорово!

– Это точно.

Тоже улыбнувшись, Харуюки прокрутил в голове только что завершившийся командный бой.

Просто одержать победу, пересилив противника чисто своим аватаром, конечно, приятно, но вдвойне приятнее одержать стратегическую победу, идеально воспользовавшись свойствами арены. Не говоря уже о том, что они находились в абсолютно проигрышном положении, но сумели выиграть, перевернув все с ног на голову. Это было ясно уже по возбуждению зрителей, когда дуэль завершилась.

Конечно, проигравшим тоже было вдвое обиднее.

Тиюри и Харуюки хором рассмеялись – похоже, они в одно и то же время припомнили великолепную фразу, с которой к ним обратился Фрост Хорн, когда, кое-как удрав от громадного жука, он вернулся на поле боя, прямо под мощные атаки Кроу и Белл.

– Бу-ху-ху… «В следующий раз я вас обоих скину с вершины Токио Скай Три!» Если он нас так заранее предупреждает, мы просто уклонимся, и он сам оттуда навернется.

– Проблема начнется еще раньше – как он туда доберется? Там от смотровой площадки до кончика антенны метров двести, и вообще, туда Общественные камеры… разве… доходят…

Пока Харуюки говорил, в его мозгу вдруг вспыхнула некая идея, и его речь увяла.

Идея имела отношение к той теме, которую он пытался вспомнить непосредственно перед тем, как их вызвали на дуэль.

Первый случай установки сети Общественных камер за пределами Японии.

Наконец-то он вспомнил: он видел это мельком в новостном заголовке.

Глядя на внезапно замолчавшего Харуюки, Тиюри озадаченно склонила голову набок.

– …Что такое, Хару?

– Э, а, н-не, ничего, – покачал головой Харуюки.

Тиюри пожала плечами и вскочила.

– Ладно, давай попьем чайку где-нибудь и поедем домой. Ты наверняка рад, Арита-сэнсэй, что со мной ты возвращаешься не издырявленный, и у тебя ничего не отваливается!

Даже если мы говорим об игре, язычок у нее все такой же острый.

– Д-да не очень. Даже если бы все отваливалось, я был бы не особо против, – пробормотал он, и Тиюри, уже направившаяся к лифту, хихикнула. Вздохнув, Харуюки поспешно засеменил за ней.

За окном, как и раньше, плыли лишь белые клубы облаков.

Глава 3

Попрощавшись с Тиюри на ее этаже и вернувшись в свою пустую квартиру в одиночестве, Харуюки скинул форму, сразу же сел на диван в гостиной и пробежался пальцами по виртуальному рабочему столу.

Сперва он открыл браузер и ввел голосом поисковый запрос.

– Общественные камеры, экспорт.

Поверх результатов поиска тут же вывалилась та самая статья.

«Установка японской системы безопасности на "Hermes Cord"[7]».

«Система безопасности» – это, конечно, имелась в виду технология Общественных камер.

А «Гермес Корд» –

Так назывался космический лифт, который построили в восточной части Тихого океана.

Кликнув пальцем по заголовку, Харуюки принялся читать заметку и одновременно думать.

Вкратце – ту же самую сеть Общественных камер, которую использовали в Японии, приспособили в качестве системы безопасности космического лифта, международного сооружения. Наземная станция лифта располагалась в море возле острова Рождества, это довольно далеко от Японии. Когда там разместят Общественные камеры, сможет ли «Brain Burst» создать там «арену»? И даже если сможет – будет ли возможность туда нырять?

С полминуты Харуюки изо всех сил мусолил эти мысли, потом махнул рукой. Чтобы найти ответы на эти вопросы, ему не хватало знаний. О «Brain Burst», да и о космическом лифте тоже. В такой ситуации следовало бы попросить о помощи своего командира. Да, *она* точно должна много знать по обеим темам.

Закрыв браузер и открыв почтовый клиент, Харуюки остановился в нерешительности.

Он мысленно прикинул соотношение между «искренним желанием расспросить об этом» и «желанием поговорить с ней под предлогом этой темы». Решив «хм, соотношение 6:4!», он быстро набросал текстовый мэйл. Чтобы договориться о разговоре в Полном погружении с талантливой девушкой без слабых мест, одним из опытнейших игроков в «Brain Burst», командиром «Нега Небьюлас», Черным королем – с Черноснежкой.

Ответ он получил мгновенно; время связи – через десять

минут. Харуюки успел прикончить ужин, состоящий из замороженной дории[8] с креветками и улуна; за минуту до назначенного времени он нырнул и сменил стандартную внешнюю среду своей домашней сети на набор объектов, который недавно загрузил с зарубежного сайта.

Когда он в прошлый раз так же вот пригласил Черноснежку в свою домашнюю сеть, он быстро перебрал в голове все наборы, которые у него были, но они оказались слишком бездушными и пропахшими порохом; с тех пор он собирал потихоньку те, что создавали, на его взгляд, хорошую атмосферу. Мать, правда, жаловалась, что он впустую забивает файлохранилище домашнего сервера.

Закончив подготовку, он дождался назначенного времени и тут же нажал кнопку запроса на соединение. Несколько секунд шли гудки – и вот перед Харуюки возник аватар.

Черное как ночь платье с блестящими серебряными оборками. Такой же черный сложенный зонт. Черные с красными разводами крылья бабочки-парусника за спиной.

Лишь чуть-чуть более загадочная, чем в реальном мире, сказочная принцесса сразу улыбнулась, увидев поросячий аватар Харуюки, и лишь потом огляделась.

Ее глаза резко расширились, она с силой вцепилась за столб, и у нее вырвалось:

– Уаааа?!

– Э?! Ч-что не в порядке?!

– Чт-т-то за вопросы, «что не в порядке»? Все не в порядке! Ч-ч-ч-то это за окружение?!

Услышав этот выкрик, Харуюки тоже заоглядывался по сторонам.

Туманно-сиреневая горная гряда вдали. Бескрайние леса и степи, и белокаменный город. Он и Черноснежка стояли вдвоем на вершине высоченной башни, откуда открывался классный вид на всю эту красоту. На узкой – всего в три метра диаметром – площадке не было перил, да и вообще ничего не было, кроме двух кресел и газового фонаря посередине, так что обзор ничего не заслоняло.

– Э-эмм… а разве не к-красиво? Я этот набор нашел в одной немецкой сети, но –

– Ты мне сразу скажи, какая высота у этой тонюсенькой башни?!

Когда Черноснежка с очень бледным лицом задала этот вопрос, Харуюки посмотрел с края башни вниз. Его чувство расстояния подсказало, что здесь примерно так же высоко, как на вершине Дома Правительства, откуда он совсем недавно

спрыгнул во время дуэли. Он честно ответил:

– Э, это… метров пятьсот…

– Это слишком высоко, глупый! Или что, ты рассчитывал на эффект подвесного моста?!

– Ээээ? Это еще что за эффект?

– Эффект подвесного моста – это… когда ты в опасном месте, ну, вроде высокого подвесного моста, чувство страха по ошибке принимаешь за…[9]

Черноснежка вдруг оборвала объяснение на полуфразе, кашлянула и сердито уставилась на Харуюки.

– …В любом случае, эти психологические фокусы со мной не проходят! Ну… поскольку мы не в дуэли, то, видимо, ничего не случится, даже если я отсюда свалюсь, но ты хотя бы предупреждай меня о таких вещах заранее…

Концовка ее фразы растворилась в бормотании; потом наконец Черноснежка выпрямилась и села в стоящее рядом кресло. Харуюки сел напротив нее и чуть уныло спросил:

– Это, прости, что напугал… Мне сменить на другой набор?

– Нет, нормально. Высота высотой, но ты ведь это специально подыскивал.

Увидев наконец улыбку на ее красивых губах, Харуюки вздохнул. Поскреб в затылке левой рукой, заканчивающейся круглым копытцем, и запоздало поздоровался.

– Эээ… добрый вечер, семпай. Прости, что так внезапно тебя позвал.

– Добрый вечер, Харуюки-кун. Ничего, мы же сегодня в школе не смогли пообщаться, так что я рада встретиться сейчас.

В конце июня средней школе Умесато предстоял культурный фестиваль, и студсовет был по уши в делах; большая нагрузка постоянно выпадала в том числе и на его вице-председателя Черноснежку. Припомнив это, Харуюки воспользовался возможностью задать вопрос, который уже несколько раз приходил ему в голову.

– Кстати, семпай, а почему ты пошла в студсовет? Председателя и вице-председателя обоих избирают, значит, ты должна была себя выдвинуть, так?

– Хмм, в общем, так. Вполне логичный вопрос: почему я, кто думает только о том, чтобы стать Бёрст-линкером десятого уровня, этим занялась? Помимо прочего, неизбежны и дуэли прямо посреди заседаний студсовета.

Многозначительно улыбнувшись, Черноснежка продолжила:

– Однако если отвечать честно – я и в студсовет вошла из-за «Брэйн Бёрста».

– Э… эээ?!

– Подумай сам: для нас, Бёрст-линкеров, наша школа – самое знакомое и потому самое опасное поле. Получить доступ ко всей информации, создать себе прочную основу – это, можно сказать, бесценно. А если ты член студсовета, то у тебя практически полный доступ к школьной базе данных. С этой точки зрения, кстати… – тут Черноснежка посмотрела на Харуюки с улыбкой и произнесла нечто неожиданное. – Вряд ли следующие выборы, в которых будут участвовать первые и вторые классы, составят проблему. Как насчет того, чтобы тебе баллотироваться в председатели, Харуюки-кун?

– Что… ч-ч-ч-ч-что-что-что… – Харуюки аж подпрыгнул в своем кресле, его пятачок с дикой скоростью мотался из стороны в сторону. – И-и-и-исключено! Е-е-если я такое устрою, мне высший суд мигом выпишет отставку!

– Хмм, в таком случае, похоже, ты не пойдешь и на компромисс – чтобы Такуму-кун стал председателем, а ты вице-председателем…

– Проблема! Не! В этом!

Решительно отвергнув предложение Черноснежки (при этом невольно подхватив интонации Фрост Хорна), Харуюки затем резко сменил тему.

– В общем, так, я сегодня дуэлился в Синдзюку, и…

– Да, я слышала. Похоже, у тебя было жаркое сражение с ребятами из главных сил «Леонидс».

– Б-быстро новости расходятся, – и Харуюки моргнул.

Улыбка Черноснежки стала чуть более саркастичной.

– Конечно, я знаю и то, что ты сражался в очень тесном контакте с Тиюри-кун.

– Н-нет, это, эмм, эээ.

– Что с тобой? Я же тебя ни в чем не обвиняю, не так ли? Важнее всего, что члены моего легиона отлично работают вместе.

При виде фирменной убийственной черноснежной улыбки Харуюки прошиб холодный пот, и он поспешил снова сменить тему.

– П-перед самым концом дуэли мне противник заявил: «Я тебя сброшу с Токио Скай Три», и тогда я внезапно подумал кое о чем!

Быстренько открыв браузер, он нашел ту самую статью и пододвинул окно к Черноснежке.

– Эмм, семпай, ты знаешь об этом?

– …Японская система безопасности в «Гермес Корде»? Да, кажется, видела в вечерних новостях, но… – глянув в голографическое окно, Черноснежка подняла глаза и озадачено склонила голову набок. – Что здесь такого?

– Ну… в общем, у меня возникла одна идейка… это, правда, может быть совсем мимо, но… нет, мне правда очень жаль, что я тебя позвал ради такой ерунды, но… – кончив мямлить на высокой скорости различные оправдания, Харуюки наконец перешел к главной теме. – Эта система безопасности – это же Общественные камеры, правда? Значит, космический лифт в Тихом океане будет целиком в «зоне камер»? Когда так случится… может, «Гермес Корд» появится и в Ускоренном мире… я так подумал…

Договорив, он увидел, что глаза Черноснежки расширились, и приготовился к тому, что вот сейчас она расхохочется и скажет: «Что за ерунда тебе в голову лезет?»; а может, рассердится и скажет: «Не зови меня из-за таких глупостей».

Однако –

– …Хмммммм.

Протяжно хмыкнув, Черноснежка погладила пальцами правой руки подбородок и вновь уставилась в окно браузера.

Наконец она подняла голову и чуть качнула ей.

– Как бы сказать… странные вещи тебе приходят в голову. Но… это интересно. Да, очень интересная идея…

– Х-хаа, – глупо вякнул Харуюки, не зная, как реагировать. Черноснежка встала с кресла и зашагала взад-вперед по крохотной площадке, словно начисто забыв страх перед пятисотметровой высотой.

– Даже если Общественные камеры там будут стоять… в норме это должна быть закрытая сеть, но… на главной станции «Гермес Корда» найдется ли достаточно места и лишней энергии для крупной системы обработки изображений? Гораздо эффективнее и дешевле для обработки подсоединиться к японскому ЦСОБ через спутник. А если так… не исключено, что «Брэйн Бёрст» даже через тамошние файрволы пролезет…

– Э-эммм, – кое-как воткнув свой голос в монолог Черноснежки, Харуюки отчаянно замахал короткими руками. – Семпай, я совсем ничего не понимаю, что ты сейчас говоришь.

Черноснежка мгновенно остановилась; ее правый указательный палец задвигался взад-вперед, словно она прикидывала, как объяснить. Наконец она заговорила:

– Хмм… в общем, ситуация такая. Поскольку «Гермес Корд» – низкоорбитальный космический лифт, там крайне мало места…

– Что такое «низкоорбитальный»?

– …А, вот где ты застрял.

Черноснежка чуть неловко улыбнулась и снова села в кресло.

Тихо кашлянув, она левой рукой вызвала пустое окно. Кончиком пальца нарисовала в нижней его части кружок и внутри

красивым почерком написала «Земля».

– Ладно, начну с самых основ. Космический лифт, или, как его еще называют, орбитальный лифт – это, проще говоря, суперсверхвысокая башня, идущая от поверхности земли до космоса; люди и материалы поднимаются и опускаются на лифте. Цена на единицу массы полезного груза у лифта намного меньше, чем у ракет и многоразовых шаттлов. Однако… – палец Черноснежки изобразил абсурдно громадную коническую башню, поднимающуюся от круглой Земли вверх. – Если, скажем, пытаться построить лифт до космоса тем же способом, как строили Токио Скай Три, площадь ее основания будет размером со всю Японию. Такую Вавилонскую башню создать просто невозможно. Значит, необходимо думать в другом направлении.

Она быстро стерла башню и взамен нарисовала маленький квадратик в космосе, далеко от Земли.

– Сперва строится станция на геостационарной орбите в тридцати шести тысячах километров от Земли, вот так. Потом оттуда до Земли спускается легкий, но прочный кабель. Скорость предмета на геостационарной орбите почти идеально совпадает со скоростью вращения Земли, поэтому он кажется «стационарным», как и намекает название. Он не движется, всегда находится в небе в одной и той же точке. Значит…

Она провела от квадратика вертикальную линию – между геостационарным спутником и Землей.

– Как только конец кабеля, опущенный на Землю, будет закреплен, появится башня… точнее, лестница, которая ведет с Земли в космос.

– Ааа, понятно! – и впечатленный Харуюки стукнул по колену правым передним копытом.

Однако тут же он нахмурил брови и склонил голову набок.

– Нет, стой, погоди. Материал, конечно, легкий и все такое, но длина этой штуки тридцать шесть тысяч километров, и она должна быть достаточно толстой, чтобы к ней прикрепить лифт, – она же будет офигенно тяжелой? Если кабель натянуть, геостационарный спутник на Землю не грохнется?

– Непременно грохнется! – мгновенно ответила Черноснежка, и Харуюки осел в кресле.

– Что…

– Чтобы это предотвратить, делается вот что.

На этот раз Черноснежка продолжила линию вверх от станции и нарисовала на ее конце черный кружок.

– Надо всего лишь вытянуть кабель еще больше и прицепить груз на его конец, так что станция будет в середине общего веса… то есть в центре масс всей системы. Тогда центробежная сила от

вращения противовеса тянет вверх, и это компенсирует вес кабеля.

– Ааа, понятно! – снова впечатлился Харуюки и тут же снова склонил голову набок. – …А откуда берется этот противовес?

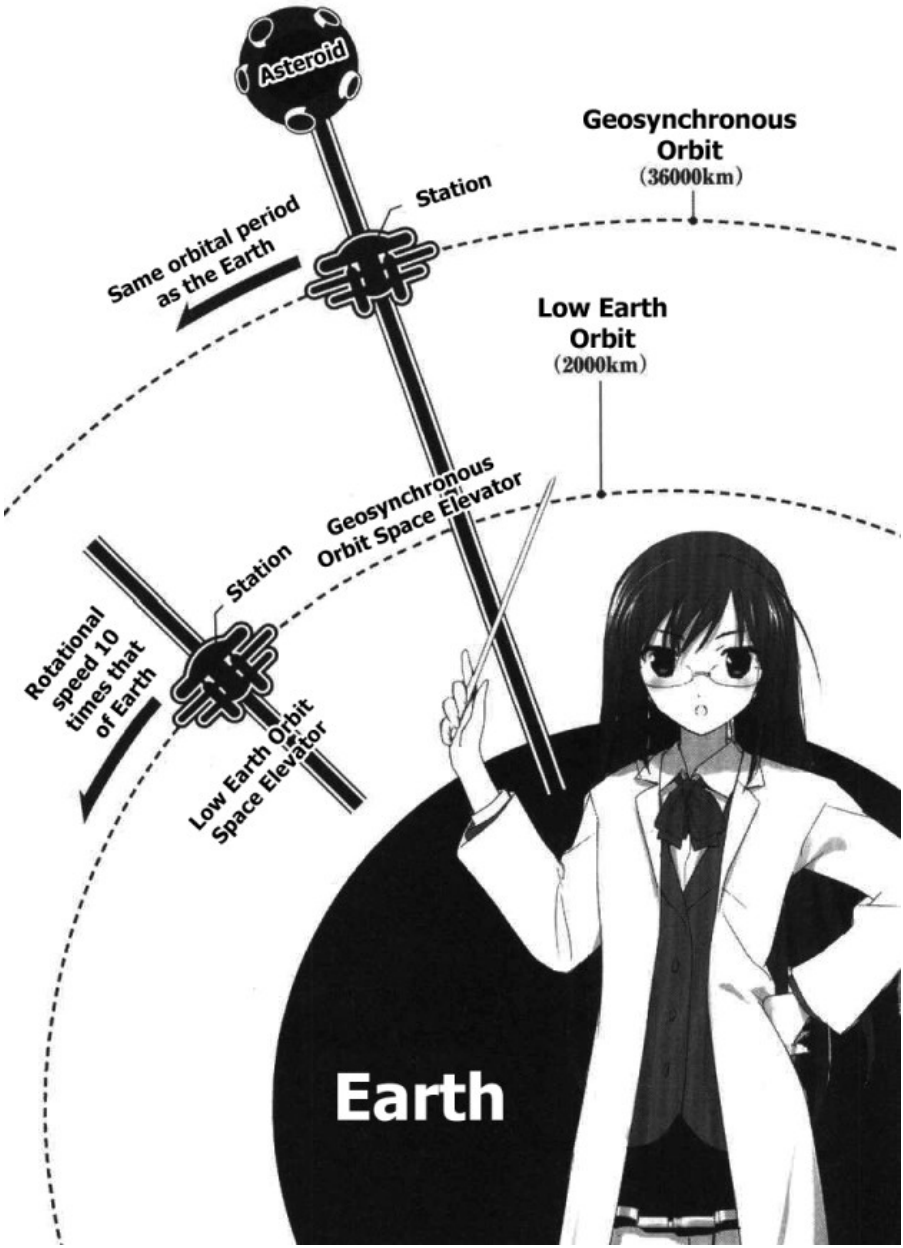
Черноснежка многозначительно ухмыльнулась и резковато ответила:

– …Концепция этого «геостационарного космического лифта» была предложена американцами из NASA сорок семь лет назад, в двухтысячном. Но тогда они предсказали, что построен он будет к 2062 году.

– Эээ?! …Так это что, еще долго ждать?

– Да. Это рассчитано на такое далекое будущее, потому что… в NASA планировали *поймать пролетающий рядом с Землей астероид* и использовать его в качестве противовеса для геостационарной орбитальной станции.

– Хаааа?! Они, они собирались поймать астероид?!



– Именно. Они сказали, что, если подождут шестьдесят два года, то подходящий астероид случайно окажется рядом, а кроме того, к тому времени как раз появится технология, позволяющая его поймать.

– …Еще же пятнадцать лет, да? …Ведь это до сих пор невозможно?

– Да, это невозможно.

Не в состоянии больше что-либо понять, Харуюки лишь

хлопал губами.

– …Н-но… ведь космический лифт «Гермес Корд» уже построили! Насколько я помню, его пять лет назад закончили, в 2042. К-как они его тогда сделали?

– В этом-то все и дело… – ответила Черноснежка, стирая ладонью диаграмму, которую она только что нарисовала. – Потому что, в отличие от «геостационарного космического лифта», про который я только что рассказала и который был, так сказать, изначальной задумкой, «Гермес Корд» – это «низкоорбитальный космический лифт», его спроектировали в более реалистичном виде.

– Низкоорби… тальный.

– Основная идея та же, что в геостационарном. Но структура другая. Центральная станция «Гермес Корда» летает гораздо ниже геостационарной орбиты, в двух тысячах километров над землей… Но это все равно за пределами атмосферы.

– Ээ… эээ, если геостационарная орбита – это тридцать шесть тысяч километров… это разве не чересчур близко?!

– Это близко. Зато кабель гораздо короче и поэтому гораздо легче, а значит, для противовеса не нужны грузы размером с астероид.

– Ааа… понятно…

Харуюки кивнул, потом задал естественный вопрос:

– …А тогда почему они не собирались строить низкоорбитальный с самого начала?

– Потому что тут есть одна загвоздка. Искусственный объект на низкой орбите… то есть на орбите высотой полторы – две тысячи километров должен вращаться гораздо быстрее, чем Земля, потому что сила тяжести намного выше, чем на геостационарной орбите, и для ее компенсации нужна гораздо большая центробежная сила. У геостационарного орбитального лифта нижний конец кабеля можно закрепить на земле, потому что скорость его вращения равна скорости вращения Земли; с низкоорбитальным так не получится.

С этими словами Черноснежка вытянула палец и нанесла маленькое пятнышко рядом с кругом, изображающим Землю.

– Вот центральная станция «Гермес Корда», она на орбите высотой две тысячи километров. Кабель из переплетенных углеродных нанотруб тянется вверх и вниз; этот кабель подсоединен к верхней станции, которая играет роль противовеса, и к нижней станции.

Нижний конец линии, протянувшейся от пятнышка вверх и вниз, остановился возле самой Земли. Показав пальцем на оставшееся пустое пространство, Черноснежка продолжила:

– Нижняя станция находится в ста пятидесяти километрах над землей. Если ее расположить ниже, атмосфера будет слишком плотной, и из-за трения весь лифт начнет снижаться и в конце концов упадет.

– Хааа…

С силой выпустив воздух, чтобы привести мысли в порядок, Харуюки, подергивая пятачком, произнес:

– Значит… эээ, «Гермес Корд» – это искусственный спутник длиной в четыре тысячи километров, который состоит из трех станций, связанных кабелем из нанотруб… так? И он летает вокруг Земли намного быстрей, чем сама Земля вокруг своей оси?

– Именно. Скорость нижней станции относительно земли десять махов[10], поэтому низкоорбитальный лифт еще называют «Сверхзвуковой Скайхук»[11].

– Но тогда как же… то, что его построили в море возле острова Рождества на востоке Тихого океана? Помню, я тогда в новостях видел здоровенный искусственный остров, но… разве башня не оттуда вверх идет?..

– Этот остров – база для взлета и посадки шаттлов, которые будут возить людей и грузы на нижнюю станцию «Гермес Корда» и обратно. Они будут с острова взлетать, стыковаться со станцией на высоте сто пятьдесят километров и там разгружаться. Потом груз будут поднимать на лифте до верхней станции, которая на высоте четыре тысячи километров, а уже оттуда другим шаттлом – либо на геостационарную орбитальную станцию, либо на международную базу на Луне. Кстати, геостационарная станция висит прямо над взлетной площадкой, так что, даже если сказать, что «"Гермес Корд" в восточной части Тихого океана», это не совсем неправильно.

– Хфууу…

В очередной раз выдохнув, Харуюки снова взглянул на окно с диаграммой. Поскольку диаметр Земли 12700 километров, это по сравнению с 4000 километров выглядит как яблоко по сравнению с черешком; но саму идею, что такая штуковина летает над головой на десяти махах, принять было трудно.

– Хмм, как-то страшновато мне, а вдруг он упадет из-за чего-нибудь… – не думая пробормотал Харуюки. Черноснежка слегка пожала плечами.

– Вообще-то его уже пытались уронить.

– Х-хааа?!

– Что, ты не знал? Насколько я помню, где-то в начале весны это было. Туда в числе туристов пролез террорист, который попытался заминировать центральную станцию. Из-за этого и решили усилить систему безопасности «Гермес Корда», и Япония

приняла участие в конкурсе, так что это напрямую связано с новостями о первом экспорте технологии Общественных камер.

– Уаа, вот, значит, почему. Прости, я не очень внимательно новости проглядываю…

Харуюки повесил голову, как будто его в классе вызвали отвечать, а он не знал вопроса. Однако Черноснежка не стала его больше отчитывать, а с неловкой улыбкой продолжила объяснение.

– У низкоорбитального лифта «Гермес Корд» кабель маленький и тонкий по сравнению с геостационарным. И сам он маленький и тесный. Поэтому даже если там взорвется бомба карманного размера, она может вызвать колоссальный урон в зависимости от конкретного места взрыва. Кроме того, там нет ни лишнего места, ни лишней энергии для установки крупномасштабной системы безопасности. Думаю, поэтому они и воспользовались японской технологией Общественных камер… Вот, и теперь мы можем вернуться к первоначальной теме разговора.

Протяжно выдохнув, Черноснежка взмахнула пальцами правой руки и открыла меню управления VR-средой. Материализовала два бокала и один из них протянула Харуюки.

Блин, я должен был что-то такое приготовить, раз сам ее позвал! Несмотря на панику, Харуюки взял бокал и отпил. Похоже, это был какой-то оригинальный напиток с множеством хитро настроенных вкусовых параметров: он не походил ни на один известный Харуюки напиток реального мира. По его вкусовым сосочкам распространился свежий горьковато-сладкий вкус без каких-либо неестественных оттенков.

– Ух ты… вкуснота.

Черноснежка чуть улыбнулась и вытянула левую руку своего аватара.

– Я в последнее время готовить в реале тоже учусь, но… очень трудно учиться, когда ты не можешь просто переделать то, что не вышло. Представляешь, Харуюки-кун, у светлого соевого соуса единственное отличие – то, что он светлый! Он что, просто соленая вода, что ли?!

– Дааа, а я не знал… Слушай, а чего ты вдруг взялась осваивать готовку?..

– Очевидно же. Чтобы когда-нибудь для Ха-… – внезапно Черноснежка закрыла рот, потом громко откашлялась. – …Для хорошего отдыха. Ладно; возвращаемся к нашим баранам.

Довольно настойчиво сменив тему, она продолжила свое стремительное объяснение.

– Как я уже сказала, в «Гермес Корде» нет места для

полномасштабной системы безопасности. И вот пришло время японских Общественных камер. Эта система с помощью отдельной высокоскоростной сети собирает в одном месте изображения, полученные с огромного количества камер, и сверхмощный суперкомпьютер их автоматически анализирует, чтобы обнаруживать признаки преступной деятельности. Скажем, если какая-нибудь камера зафиксирует оружие, система тут же проверит, откуда взялся человек, у которого это оружие, кто он и куда идет. Место, где производится эта обработка данных, называется «Центр слежения за общественной безопасностью», и его местонахождение не разглашается.

– Д-даже ты не знаешь, семпай?

Когда Харуюки на полном серьезе задал этот вопрос, Черноснежка улыбнулась самой широкой из своих смущенных улыбок.

– Эй, ты за кого меня принимаешь? Я всего лишь слабая ученица средней школы, откуда мне знать величайшие государственные тайны! …Ну, правда, кое-какие догадки у меня есть.

– Г-где?!

– Это секрет… Важнее другое: как я объяснила только что, Общественные камеры отправляют изображения в ЦСОБ, так сказать, сердце всей системы, и там происходит вся обработка. Иными словами, для самих камер слежения не требуются ни люди-операторы, ни какое-то громоздкое записывающее оборудование. Если предположить, что именно благодаря этой «простоте» эта система будет установлена на «Гермес Корде»… Неизбежно, что камеры космического лифта и японская сеть Общественных камер окажутся связаны.

Харуюки вслушивался в слова Черноснежки; произнеся слово «связаны», она вдруг подмигнула, словно ждала от него чего-то, и тогда Харуюки наконец вспомнил главную цель своего внезапного полносенсорного вызова.

– Аа… ясно, эээ, то есть то, что они связаны, означает, в общем, ммм… – и, замахав коротки ручками своего поросячьего аватара, он выпалил: – …Мы можем туда попасть?! В «Гермес Корд» в Ускоренном мире!!!

– Хмм… ну, пока что мы можем только утверждать, что это не полностью невозможно.

Черноснежка озорно улыбнулась и продолжила таким тоном, будто обдумывала что-то:

– Во-первых, остается вопрос, распространит ли «Брэйн Бёрст», игра-файтинг, свое влияние на спутник. И даже если сети соединены – как мы туда попадем? Мы, Бёрст-линкеры, ныряем

там, где находятся наши реальные тела. Значит, чтобы добраться до «Гермес Корда» в Ускоренном мире, необходимо попасть на космический лифт здесь. Туристические экскурсии на геостационарную орбитальную станцию уже есть, но они недешевые.

– …Цены жуткие, да…

Харуюки сник. На миг у него мелькнула идея, что Сильвер Кроу с его крыльями мог бы, нырнув на Земле, долететь до нижней станции, но эту идею он отбросил, даже не высказав. Сильвер Кроу мог подняться максимум на полтора километра. А «Гермес Корд» летал в сто раз выше – нижняя точка на высоте 150 километров.

Да и вообще – он, со своими карманными деньгами ученика средней школы, даже на остров Рождества, где была стартовая площадка шаттлов, отправиться не мог.

– Хмм… значит, если только ты не супербогатенький, нырнуть в «Гермес Корде» невозможно…

– Я бы еще добавила: если ты можешь отправиться туда в реальном мире, вряд ли тебе понадобится нырять в воссозданную среду в Ускоренном.

– И это… тоже.

Харуюки снова вздохнул – на этот раз от разочарования, а не от восхищения – и задрал голову к небу.

Даже с вершины пятисотметровой башни виртуальное синее небо казалось бесконечно далеким и бесконечно громадным. Нет, в VR-наборе объектов, свободно распространяемом в сети, «небо» не может простираться выше десяти (ну или, может, ста) высот этой башни. Потому что «за» этим синим небом – ничто. Здесь замкнутый мир, покрытый лишь тонким слоем синей краски.

– …Харуюки-кун.

Неожиданно услышав свое имя, Харуюки опустил голову и встретился с ласковым, но в то же время каким-то непонятным взглядом Черноснежки.

– А почему ты так сильно хочешь попасть в «Гермес Корд»? Ты можешь свободно летать на крыльях, а космический лифт – всего лишь рукотворное сооружение, летающее по заранее заданной орбите.

– Эээ… нуу.

После столь неожиданного вопроса Харуюки понадобилось несколько секунд, чтобы облечь свои туманные мысли в слова.

– Это, ну, конечно, я просто люблю высокие места, есть такое, но… я еще подумал, если, допустим, туда можно попасть, это хоть на чуть-чуть выполнит ее желание. Ну, ее… она же всегда хотела достать до неба Ускоренного мира, нет, «за небо».

Едва Черноснежка это услышала –

Ее глаза распахнулись, потом ресницы опустились.

Слова, сорвавшиеся в конце концов с ее губ, прозвучали так тихо, как будто это были мысли в чистом виде.

– …Ясно, – и Черноснежка подняла глаза к голубому небу. – Это верно… Ее тяга к небу по-прежнему никуда не делась. Она хочет добраться до неба, увидеть, что там, по ту сторону, так же безумно, как я – до десятого уровня, а может, еще даже более безумно…

– …Ага, – кивнул Харуюки и снова задрал голову, как и Черноснежка.

«Она» – активный член предыдущего «Нега Небьюлас», Бёрст-линкер 8 уровня Скай Рейкер.

Долгое время она жила в одиночестве на вершине старой Токийской телебашни в Ускоренном мире, но два месяца назад вернулась в возродившийся после трехлетнего перерыва «Нега Небьюлас».

Однако это было не сказать чтоб полное возвращение к активной деятельности. То, что она отклонила приглашение Тиюри сегодня вечером, было типично: она вовсе не участвовала в нормальных дуэлях, а только лишь в еженедельных территориальных сражениях; более того, она никогда не появлялась на передней линии. Она всегда оставалась в тылу, сосредотачиваясь на обороне.

Конечно, Харуюки вовсе не был этим недоволен; Такуму и Черноснежка, скорей всего, тоже. Потому что Скай Рейкер, передвигающаяся при помощи инвалидной коляски, могла делать это быстро только на дорогах и ровной земле. Кроме того, в обороне она добивалась фантастических успехов благодаря своему оригинальному боевому стилю: свободно управляя коляской, она играла с противниками и при этом наносила убийственные рубящие удары ладонями. Если противники были в основном спецами по ближнему бою, она вполне успешно действовала даже в команде из трех бойцов, в которой всего один отвечал за атаку, а другой был хилером, защищать которого приходилось тоже ей.

По сравнению с минувшими осенью и зимой, когда легион с трудом осиливал часовые баталии, в которых участвовали только лишь Черноснежка, Харуюки и Такуму, боевая мощь «Нега Небьюлас» возросла просто невероятно. В этом сомневаться не приходилось.

Но ясно было и еще кое-что, хоть никто и не решался произнести это вслух.

Если Скай Рейкер снимет печать с «Ураганного двигуна» и

вновь наденет это «Усиленное вооружение», ее атакующие способности вырастут многократно, в десятки раз. Пусть она лишилась ног – Харуюки доказал, сражаясь с опаснейшим врагом, что короткий, но мощный рывок за счет этих двигателей дает колоссальные возможности по части атаки.

Однако даже получив обратно от Харуюки свой «Ураганный двигун», даже проигрывая сражения, Скай Рейкер не пыталась призвать его. Она как будто упрямо отвергала «крылья», созданные ее собственным сердцем.

– …Я, – прошептал Харуюки, сцепив руки перед своим круглым брюшком, – я не то чтобы думал, типа «если она снова будет летать, легион станет сильней». Я просто… если Рейкер-сан не верит в свои крылья, я хочу, чтобы она поняла, что ошибается. Когда я взял у нее «Ураганный двигун», я понял… Конечно, по сравнению с крыльями Сильвер Кроу это «Усиленное вооружение» позволяет гораздо меньше держаться в воздухе, и поэтому высота полета меньше, но его разгон куда круче, чем у любого другого аватара… Поэтому там, внутри, скрыто гораздо больше силы. Я в этом уверен.

Закончив объяснение, родившееся в результате долгих раздумий, Харуюки поднял голову и встретился взглядом с Черноснежкой, глаза которой светились необычайной добротой и в то же время печалью.

Аватар в виде бабочки-парусника медленно кивнул и тихо произнес:

– Если Рейкер попадет в «Гермес Корд», ты сумеешь передать ей все это… ты веришь в это, да?

Харуюки тоже кивнул, прекрасно понимая, что его слова прозвучали слишком уж романтично.

– Ага… эмм, ну если только правильно то, что я думаю.

– Ох уж, когда ты наконец хоть что-нибудь скажешь с полной уверенностью?

Тут же Черноснежка натянуто улыбнулась, потом сделала глубокий вдох и снова заговорила:

– …Как я уже объяснила, «Гермес Корд» в реальном мире вращается по орбите высотой не менее ста пятидесяти километров. Поэтому я уверена, что, даже если новая сеть Общественных камер подсоединена к старой, японской, «Гермес Корд» в Ускоренном мире появится на той же самой высоте. Такое расстояние ни один дуэльный аватар не преодолеет… Однако я полагаю, что возможность добраться туда будет.

– Э… ээээ?! – взвизгнул Харуюки и подался всем телом вперед. Он бы упал, если бы Черноснежка мыском своей туфли на высоком каблуке не поддержала его пятачок.

– Я говорю только о возможности, успокойся немного.

– А-ага…

– Слушай внимательно. Пусть даже происхождение «Брэйн Бёрста» – это одна сплошная загадка, все-таки на поверхности это игра-файтинг. А значит, если к миру добавляется новая арена – не кажется ли тебе совершенно иррациональным, если туда невозможно будет попасть?

Ухмыляясь, она шевельнула указательным пальцем, будто подзывала Харуюки.

– Если исходить из этого, ничего удивительного, если где-то в Ускоренном мире втайне появится какой-то способ передвижения, который найти смогут только те, кто его специально ищет и хорошо думает.

– Втайне… хм.

– Даже в обычных RPG такие вещи есть, верно? Всякие сундуки с сокровищами, которые, на первый взгляд, невозможно достать, но если как следует изучить карту и подключить голову, то способ найдется.

– А, есть такие, есть такие. Очень люблю такие штуки, – изо всех сил закивал Харуюки и снова внимательно посмотрел на диаграмму, нарисованную Черноснежкой.

Космический лифт, вращающийся в 150 километрах от поверхности Земли. Какие-либо способы добраться туда, кроме как на шаттле или ракете, в голову упорно не шли. Если искать место в Японии, откуда можно запустить ракету…

– Эээ… как насчет космического центра на острове Танэга?

Однако эта догадка была отвергнута одним взмахом гривы черных волос.

– Нет, девяносто девять процентов Бёрст-линкеров живут в Токио. Значит, и портал должен быть где-то в Токио.

– Но, но в Токио же нет пусковых площадок для ракет! – запротестовал Харуюки. Черноснежка взглянула на него с усмешкой.

– Если бы наши аватары были настоящими, ракета бы понадобилась. Но это ведь не так, верно? Наши аватары – чистая «информация», просто наборы полигонов в виртуальном пространстве. А устройство для передачи информации, самое мощное во всей Японии, находится в Токио.

– Ах…

Потрясенно вылупив глаза и с трудом дыша, Харуюки выдавил:

– Т-Токио… Скай Три…

– Да. Если «Гермес Корд» действительно станет новой дуэльной ареной, думаю, портал, который туда ведет, может быть

только в Токио Скай Три, больше нигде. А откроется он… когда «Гермес Корд» будет ближе всего к Японии впервые с того времени, как на нем установили Общественные камеры…

Убрав окно с диаграммой, Черноснежка открыла браузер и быстро пошаманила в нем. Открылось окно со сплошным английским текстом – похоже, официальный сайт «Гермес Корда». Однако Черноснежка нажимала ссылку за ссылкой с полной уверенностью.

Наконец на экране появилась волнистая линия. Черноснежка провела по ней пальцем и сказала:

– Это будет раньше, чем я думала, – послезавтра… в среду, пятого июня, в пять тридцать пять вечера.

Глава 4

В среду впервые за долгое время была ясная и приятная погода, словно сезонный дождевой фронт решил сделать передышку.

Лишь отдельные кучерявые облачка висели в небе, когда шесть часов занятий закончились и Харуюки поспешил к станции Коэндзи. Клонящееся к закату солнце светило ему в спину.

Целью его был, конечно же, противоположный край Токио, точнее – новая Токийская телебашня в Осиагэ (Сумида-ку), официально называемая «Токио Скай Три». Примерно через два часа там на смотровой площадке откроются ворота, ведущие в космический лифт «Гермес Корд»… возможно.

Все началось с идеи – почти мечты – Харуюки. Даже когда он ходил среди зрителей во время дуэлей в Сугинами и Синдзюку, никто из Бёрст-линкеров про «Гермес Корд» не говорил. В конце позавчерашнего разговора даже Черноснежка, предположившая время и место открытия портала, добавила: «Ну, не стоит особо расстраиваться, даже если мы совершенно не угадали».

Поэтому Харуюки хотелось бы по крайней мере проделать это все под соусом «путешествия в восточный Токио», куда он и его друзья заглядывали редко, но, к сожалению, Такуму и Тиюри были заняты в своих секциях, а Черноснежка – в студсовете (все ее время отнимала подготовка к культурному фестивалю). Так что Харуюки пришлось набраться храбрости и отправиться в незнакомый район в одиночку, несмотря на риск быть вызванным на дуэль.

– …Если мы на самом деле промазали, ну и ладно – зайду тогда в магазин ретро-игр в Акихабаре.

Таким вот грустным образом себя утешая, Харуюки сел на поезд линии Тюо.

Пересев на линию Хандзомон, он сошел на станции Осиагэ. Ряды домов все сильнее окрашивались в цвета заката.

Покрутившись по тротуарам, Харуюки наконец нашел в небе то, что искал, и облегченно выдохнул.

Несмотря на то, что он сам жил в Токио, ему нечасто доводилось посещать «токийские достопримечательности»; к Скай Три он отправлялся всего лишь второй раз. Сияя золотом с западной стороны, гигантская решетчатая башня вздымалась вверх, словно лестница, ведущая в небо.

634 метра в высоту, 70 метров в основании. Несмотря на то, что возведена была эта телебашня 35 лет назад, она до сих пор

оставалась самым высоким сооружением в Японии. Несколько секунд Харуюки просто стоял и глазел на величественную конструкцию, потом поспешно направился к ней.

Заплатив на входе за билет ученика средней школы, он вошел в скоростной лифт. Лифт начал подниматься, и Харуюки сдавило ускорением – совсем другое ощущение, чем в Ускоренном мире при взлете. Харуюки машинально прилип к стеклянной стене лифта, совсем как позавчера, когда поднимался наверх Дома правительства. Если бы рядом была Тиюри, она бы точно сказала пораженным голосом: «Да ты правда обожаешь высоту!»

Несколько десятков секунд спустя лифт достиг смотровой площадки, и Харуюки вместе с несколькими туристами вышел наружу.

Удержавшись от того, чтобы сразу подбежать к окну, он сперва осмотрелся. Вечером буднего дня детей и подростков здесь было мало. Парочка студенческого возраста – у них, судя по всему, было свидание – и несколько мелких с родителями. На взгляд Харуюки, не было ни одного ученика средней или старшей школы, кто бродил бы в одиночестве без видимой цели, – иными словами, не было «людей, смахивающих на Бёрст-линкеров».

Конечно, он вполне мог подключить нейролинкер к местной сети, ускориться и проверить дуэльный список, однако делать так в столь ограниченной сети – значит идти на небольшой, но риск, что его реальную личность раскроют. Кроме того, если он увидит в списке имена других Бёрст-линкеров, у него не останется выбора, кроме как дуэлиться, а он сюда пришел не за этим.

Поэтому Харуюки прекратил разглядывать большую смотровую площадку и подошел к западному окну.

Хотя по чистой высоте здешняя смотровая площадка не шла ни в какое сравнение с той, что в Доме правительства в Синдзюку, открывающийся отсюда вид на столицу под ясным вечерним небом был таким, что аж дух захватывало. Огромные здания, торчащие вверх то тут, то там, рассыпанные между ними зернышки мелких домов – все это выглядело как какая-то древняя электронная плата.

Посмотрев вперед, он увидел прямо за городом демонов[12] величественные очертания Фудзиямы.

Левее виднелся шар солнца, опускающийся к горизонту. За ним тянулась череда черных облаков; возможно, завтра опять пойдут дожди.

Харуюки задрал голову. Все его поле зрения заполнило небо, цвет которого переходил из красного в светло-фиолетовый. Пролетел самолет, мигая огнями на кончиках крыльев. В стороне лениво парил туристический дирижабль.

…Вот прямо сейчас искусственное сооружение длиной в 4000 километров приближается там, вверху, на скорости в десять махов.

Едва Харуюки так подумал, у него вырвался вздох.

Мир огромный. Просто гигантский. Макроскопический.

Наверняка я потому и люблю так вот смотреть на небо, задрав голову, что мне нравится испытывать это ощущение. Толстый, никчемный, мелкий я по сравнению с этим – просто микроб. Иными словами, это способ временного бегства.

И когда я становлюсь Сильвер Кроу и лечу – это наверняка то же самое. Я тогда всем своим телом ощущаю абсурдно колоссальный размер Ускоренного мира. По сравнению с тамошней «бесконечностью» пространства и времени даже мои беды размером с гору кажутся просто мелкими холмиками. И в это я верю лишь тогда, когда прикасаюсь к небу.

…Но.

Если так, почему ты*стремилась, нет, почему ты даже сейчас стремишься к небу? Как и я, ты, должно быть, тоже желаешь ощутить вкус этого кратковременного освобождения. Если это и есть твоя цель, ты вполне можешь ее достичь и с твоими нынешними способностями. Тогда почему?.. Может, тебе что-то нужно там, в небе?..*

Разумеется, этот вопрос, который Харуюки задал своим сердцем, был адресован его второй «наставнице», Скай Рейкер.

И Харуюки более-менее догадывался, каков ответ на него. Конечно, он понятия не имел, правильный ли этот ответ. Нет, проблема даже не в том, правильный ли он. Когда придет время Скай Рейкер снова взмахнуть крыльями и устремиться в небо, ответ появится сам собой.

Вот почему то, что Харуюки сейчас поднялся на Скай Три и ожидает открытия портала, – вполне возможно, совершенно бесполезная трата времени. Если Рейкер-сан просто улыбнется своей обычной ласковой улыбкой, покачает головой и скажет, что не пойдет, это будет конец.

Но. Какими бы глубокими ни были шрамы Скай Рейкер, она оставалась Бёрст-линкером. А значит, если в Ускоренном мире появится новая арена, да еще и в виде 4000-километрового моста в небо, она просто не сможет не испытать восторг.

Как сам Харуюки, у которого сейчас что-то распирало грудь.

Пока он смотрел на вечернюю панораму центра Токио, время потихоньку подошло к 5.30. Черноснежка вычислила точное время, когда вроде как должен будет открыться портал: 5.34:42. Именно в эту секунду «Гермес Корд», летящий по обвивающей экватор траектории, будет ближе всего к Токио.

Еще несколько минут Харуюки молча дрожал. За пять секунд до назначенного времени он подключил нейролинкер к Глобальной сети.

Три секунды. Он сделал глубокий вдох. Две секунды. Он зажмурился. Одна секунда – и Харуюки прокричал голосом, слышным лишь ему одному:

«Бёрст линк!!!»

БАММ!

Звук ускорения сотряс все его тело.

Медленно открыв глаза, Харуюки обнаружил вокруг себя застывшее синее «начальное ускоренное пространство». Расстилающийся за окном мегаполис, пол и столбы смотровой площадки, малочисленные туристы – все стало прозрачно-кристаллическим и застыло.

Харуюки тихо отделился от своего реального тела – он снова был в розовом поросячьем аватаре. Отступив на пару шагов, он решительно развернулся.

В центральной части смотровой площадки изначально располагались кафешки и магазинчики. Но сейчас все это исчезло, остался лишь пустой пол.

Сколько Харуюки ни вглядывался, нигде даже переключателя не было, не то что портала. Секунд десять простояв в неподвижности, Харуюки вздохнул.

Я так и думал. Идея, что здесь появится «космическая арена», – просто детская фантазия.

Мысленно прошептав эти слова, он попытался усесться на просторный пол, как вдруг.

Все тело аватара Харуюки содрогнулось от мощной вспышки и вибрации; он резко подскочил и поднял голову. В центре пустой площадки появился гигантский объект.

Прямо из пола ступенька за ступенькой поднималась винтовая лестница. На ее вершине возникла вращающаяся круглая площадка, по сторонам правильным шестиугольником выросли шесть тонких столбов.

В этих прозрачных столбах горел синий свет. В такт с пульсацией этого света из них вырывались искры и, прекрасно сверкая, разлетались почти до самого потолка.

– …Это же… портал в «Гермес Корд»… – хрипло прошептал Харуюки и встал. Разочарование секундной давности было забыто; Харуюки крепко сжал в кулак правую руку своего поросячьего аватара. Все-таки его идея оказалась верна. И кто сказал, что это просто детская фантазия?

Харуюки ринулся к лестнице и, не чувствуя ни страха, ни

нерешительности, помчался вверх, стуча копытцами.

Пробежал между столбами, от которых исходила низкая вибрация, и направился в центр круглой площадки.

На последнем шаге он прыгнул обеими ногами вместе. Однако поверхности его ноги не коснулись.

– Уаа?!. – вырвалось у Харуюки, когда он увидел, что его поросячий аватар начал распадаться на множество частичек света. Нет, не распадаться – возвращаться к изначальному виду. Все эти белые частички были наполнены цифровым кодом – доказательством того, что аватар вернулся к своей истинной сущности – информации.

Через миг после того, как Харуюки это понял.

Его посетило ощущение, будто он на огромной скорости летит вверх. Но тяжести, всегда сопровождающей взлет, не было. Превратившись в свет, лишенный массы, он выстрелился сквозь структуру Скай Три, понесся вверх, в небо –

И все перед глазами стало белым.

Несколько секунд спустя пришло ощущение торможения.

Сначала ноги Харуюки прикоснулись к какой-то поверхности, и он услышал жесткий стук. Потом вдруг резко вернулся вес, и Харуюки машинально выставил вперед одну ногу и присогнул колени.

В такой скрюченной позе он робко открыл глаза.

Первое, что он увидел, – полоса хит-пойнтов в верхнем левом углу поля зрения. С мыслью «э? чего?» он поднес к глазам руки. На каждой из них было пять тонких, серебряно сверкающих пальцев. Вне всяких сомнений, эти знакомые руки принадлежали Сильвер Кроу.

Поскольку он превратился в дуэльный аватар, хотя никакой дуэли не было, Харуюки запаниковал было при мысли, что он угодил в «Безграничное нейтральное поле»; но тут же он заметил кое-что. Посреди зеленой полосы хит-пойнтов виднелось английское слово «LOCKED»[13].

Не в состоянии сразу понять, что это значит, Харуюки какое-то время озадаченно думал, потом отложил этот вопрос на время. Сделав глубокий вдох, он наконец поднял голову и посмотрел на то, что было прямо перед ним.

И завопил.

– Уу… уаааааа?!

Резко отдернувшись назад, он по инерции шлепнулся на пятую точку. Даже не думая о своей неуклюжей позе, он уставился на зрелище, открывшееся перед глазами.

Металлический пол, на котором сидел Харуюки, обрывался всего в метре от него. А дальше было – небо. И облака. И под всем

этим – поверхность земли.

Для Харуюки с его способностью к полету картина была знакомая. Но только масштаб отличался разительно. Было слишком высоко. Во сколько же раз… нет, во сколько десятков раз тут было выше, чем полтора километра, предел высоты полета Сильвер Кроу? Небо глубокого ультрамаринового цвета, тонкие струйки и большие вихри облаков далеко внизу, индигово-синее море, туманная коричневая и зеленая земля. Если он упадет с такой высоты, то, скорее всего, сгорит в атмосфере от трения о воздух еще до того, как получит урон от приземления.

Невольно Харуюки отодвинулся назад и, лишь оказавшись метрах в трех от края пола, где не было каких-либо перил, наконец выдохнул. Потом встал, преодолевая дрожь в коленях, и огляделся.

Серая металлическая терраса, похоже, имела вид широкого кольца. Проводя взглядом по ее краю, Харуюки автоматически поворачивался. И –

В центре этого кольца была изогнутая стена.

Не, не стена. Это была колонна. Невероятно толстая колонна, метров, наверно, сто в диаметре, торчала вертикально вверх. И Харуюки стоял на выступе у ее основания.

– Это и есть… «Гермес Корд»?.. – пробормотал Харуюки, ошеломленно глядя снизу вверх на конструкцию, смахивающую на грандиозную башню, где обитают боги. Тускло блестящая, как из нержавеющей стали, металлическая башня уходила в бесконечность, в небо, цвет которого переходил из ультрамаринового в индиговый, и исчезала вдали – вершины совсем не было видно.

В реальном мире космический лифт представлял собой, по идее, несколько переплетенных между собой кабелей из нанотруб. Диаметр его должен был быть метра два максимум, так что это скорее был трос, чем колонна.

Но штуковину, в которую это все превратилось в Ускоренном мире и которая сейчас вздымалась перед глазами Харуюки, уже нельзя было назвать просто «колонной». На колоссальной высоте летела невероятно громадная башня диаметром сто метров и высотой несколько тысяч километров. Зачем, черт побери, ее увеличили до таких немыслимых размеров?

Скорее всего, ответа он не найдет, сколько бы ни раздумывал; но Харуюки решил, что вопрос в любом случае ерундовый. Важнее то, что «космический лифт» реально существует. Нет – то место, где он сейчас стоял, пожалуй, правильнее было бы называть «сверхвысокой ареной». Если так – там, дальше, куда поднималась громадная башня, ждал настоящий космос?..

– Она гораздо больше, чем я думала.

В ответ на раздавшийся справа от него голос Харуюки кивнул.

– Ага… по сравнению с этим даже Скай Три – просто зубочистка…

– С другой стороны, поверхность совсем без деталей. Там внутренняя структура есть?

– Но никакого входа я тоже не вижу… так, стоп.

Все тело Харуюки застыло, потом он шикарным образом подпрыгнул на месте и, прямо в воздухе разворачиваясь на 90 градусов вправо, завопил:

– Уаааааа?! К, к-к-к-к-кто-кто-кто, к-к-к-когдакогдакогда.

Кто это, когда ты здесь!

Он хотел спросить, кто этот собеседник, но изо рта доносился лишь странный набор звуков. Силуэт, бесстрастно глядящий на Харуюки сверху вниз –

Стройное темно-красное тело. Мощные бедра и предплечья. Пальцы с острыми когтями. Гибкий, покачивающийся хвост. И маска с треугольными ушами на затылке и сверкающими золотыми глазами. Вне всяких сомнений, это был сильнейший аватар ближнего боя из всех, кого Харуюки знал лично.

– Па… Па-Па-Па-Па-Пард-сан?! Ч-ч-ч-что ты тут делаешь?!

«Пард-сан», Бёрст-линкер шестого уровня Блад Лепард из Красного легиона «Проминенс», ответила, пожав плечами:

– То же, что и ты.

– Э…

Глядя на абсолютно спокойную и невозмутимую собеседницу, Харуюки наконец-то тоже взял себя в руки, и до него с запозданием дошло.

Телепорт сюда никогда не был привилегией, дарованной только ему. Сюда мог попасть любой Бёрст-линкер, который узнал в новостях про установку Общественных камер в «Гермес Корде», предположил возможность добавления новой арены к Ускоренному миру и угадал время и место возникновения портала.

Немного довольный тем, что нашелся еще один игрок, которому пришла в голову та же безумная идея, что и ему, и который тоже пришел на смотровую площадку Скай Три, Харуюки улыбнулся. Но тут же до него дошло кое-что, и он напрягся всем телом.

Раз так, ничего странного, если прямо сейчас здесь начнут появляться еще аватары. Харуюки лихорадочно заозирался, но вроде никого третьего видно не было.

Лишь сейчас он начал бояться. Пард-сан с веселинкой в

голосе произнесла:

– Ты вошел в портал первым, потому что отважно ускорился на смотровой площадке. Я – в туалете этажом ниже, поэтому пришла чуть позже. Другие, думаю, придут снизу, у них безопасность реальной информации – высший приоритет. У нас есть несколько минут.

– А… да, понятно, верно…

Запоздало испугавшись собственной беспечности, Харуюки снова поздоровался.

– П-привет, добрый день.

Лепард скользящим движением протянула правую руку. Харуюки сделал то же самое и поклонился.

– Эмм, я перед тобой в долгу за тот раз. Прости, что после этого только мэйл тебе послал, а лично не поблагодарил…

Это были слова благодарности за неоценимую помощь, которую ему оказала Пард-сан два месяца назад, когда он влип в колоссальные неприятности. Леопардоголовый аватар пожал плечами и ответил необычно длинно для себя:

– Эн-Пи. Ты тоже очень помог мне тогда. С помощью твоей информации удалось найти дыру в безопасности «Акиба BG». Сейчас важнее другое… – Пард-сан хлопнула Харуюки ладонью по спине, приглашая двигаться. – Мы должны эффективно использовать запас времени, который заработали своим риском. Давай посмотрим, что тут есть рядом с колонной.

– Ке, кей!

Хотя Бёрст-линкер, появившийся здесь следом за ним, принадлежал к другому легиону, Харуюки был очень рад, что это оказалась именно Блад Лепард, с которой он благодаря некоторым обстоятельствам подружился. Будь на ее месте Фрост Хорн, он бы наверняка без лишних слов схватил Харуюки сзади и скинул бы вниз.

Харуюки и Пард-сан пересекли выступ шириной метров двадцать и подошли к колонне «Гермес Корда», но, даже когда они к ней прикоснулись, в блестящей металлической поверхности не произошло никаких изменений. Определенные детали можно было различить – например, швы между металлическими пластинами; однако никаких скоб, с помощью которых можно было бы взбираться, не было.

Пард-сан нажала когтями и убедилась, что поверхность такая твердая, что когти не оставляют и царапины. Тогда она пошла вокруг колонны по часовой стрелке. Харуюки поспешил следом. Поскольку диаметр колонны был метров сто, обойти ее было делом не минутным. Когда Харуюки увидел сторону выступа, противоположную от той, куда его переправило изначально, он

заметил кое-что.

– О… смотри, там что-то есть!

Они вдвоем побежали; звук шагов перешел в грохот.

Объекты, которые там были, смахивали то ли на машины, то ли на корабли. Обтекаемые транспортные средства, каждое метров шесть в длину, стояли в ряд на наклонной площадке носами вверх, к вершине «Гермес Корда». Их было десять.

Крыш у этих штук не было, салоны были абсолютно открытые. В носовой части каждой машины располагался одноместный кокпит с прозрачным ветровым стеклом, позади него – два ряда по два сиденья. В нижней части вместо колес с шинами виднелись четыре больших диска – похоже, какая-то система, создающая тягу. Вытянутые, гладкие контуры вызывали в памяти слово «шаттл».

– Ч-что это за?..

Бормоча эти слова, Харуюки взобрался по наклонной площадке и подошел к одному из устройств – самому левому, с номером «1» на боку. Холодный корпус железного цвета оставался мертвым, двигатели тоже не подавали признаков жизни.

Харуюки неуверенно потянулся рукой вперед. Как только он прикоснулся к гладкой поверхности двери –

Пим-пон! С тихим звоном всплыло фиолетовое голографическое окно. Харуюки от неожиданности вздрогнул, потом изо всех сил вгляделся. Пард-сан тоже придвинулась.

В самой верхней части окна футуристическим шрифтом было написано:

«3D 18H 25M 18S (JST)». Эти цифры, обозначающие, судя по всему, дни, часы, минуты и секунды, явно были таймером.

– Хмм. Если это обратный отсчет, то он закончится через три дня, восемнадцать часов и двадцать пять минут по японскому времени… то есть в воскресенье в полдень.

Когда Блад Лепард прошептала эти слова, Харуюки подхватил, продолжая ее мысль:

– Тогда, значит, что-то произойдет?..

Однако вместо ответа на этот вопрос Пард-сан указала когтистой кошачьей лапой на нижнюю часть окна. Там была короткая фраза. «DO YOU DRIVE ME?»

Под ней была только одна кнопка, «YES». Харуюки понимал, что эта надпись означает «Ты меня пилотируешь?», но все равно колебался, не зная, что делать. Вечно торопящаяся куда-то Пард-сан прошипела ему в ухо:

– Если ты не нажмешь, нажму я.

– Аа, я, я нажму, я нажму! – затараторил Харуюки и, собравшись с духом, поднял правую руку и прикоснулся к кнопке.

Тут же прозвучал короткий фанфароподобный звуковой эффект, и надпись на английском изменилась. «YOU ARE MY DRIVER!» – «Ты мой пилот!»

Несколько секунд спустя надпись снова изменилась – на единственное слово «RESERVED». И тут же из поверхности окна стал словно бы просачиваться какой-то предмет.

Это была прозрачная карточка. На ней был номер 1 и те же цифры обратного отсчета, что и в окне. Как только Харуюки ее взял, произошло следующее и последнее событие.

Раздался еще один звуковой эффект, и цвет обтекаемой машины сменился с холодного железного на ярко-серебряный. Харуюки сразу заметил, что его зеркальный блеск был точно таким же, как броня Сильвер Кроу.

– Ясно, – пробормотала Пард-сан, поняв что-то, и подошла к шаттлу с цифрой 2. Прикоснулась к нему – тут же появилось окошко – и без колебаний нажала кнопку «YES». Как только она взяла двумя пальцами появившуюся карточку, цвет шаттла сменился на кроваво-красный – цвет брони Блад Лепард.

С карточкой в руке Харуюки подошел к Пард-сан и спросил:

– Э, это… мы зарегистрировались в качестве пилотов этих машин или кораблей… это я более-менее понял. Но этот отсчет – он до чего? Осталось еще больше трех дней, но…

– Это очевидно. Шаттлы не сдвинутся, пока отсчет не закончится, – до полудня воскресенья.

Услышав четкий ответ, Харуюки понимающе закивал, но тут же у него вырвался следующий вопрос:

– Х-хаа… но п-почему так долго ждать?..

Пард-сан (нетипично для себя) открыла рот, скрытый обычно под заостренной, как артиллерийский снаряд, маской, и ухмыльнулась – сверкнули клыки.

– Это тоже очевидно. Три с половиной дня даны, чтобы подготовить пилота и четырех пассажиров для каждого из десяти шаттлов. В полдень воскресенья мы все втопим акселераторы и полетим к вершине этой колонны. То есть…

Подняв правую руку и указав ей на исчезающую вдали вершину, темно-красный леопардоголовый аватар почти пропел:

– Мы заслужили право участвовать в «Гонке через "Гермес Корд"».

У Харуюки ушло секунд пять, чтобы въехать в смысл этой фразы.

– Значит… то есть… цель – вершина башни, то есть к-к-к-космос?!

На этот вопрос, который Харуюки задал не своим голосом, Пард-сан кивнула, как будто это было нечто само собой разумеющееся.

Прежде чем Харуюки успел сказать что-либо еще, по ту сторону колонны раздались звуки телепорта. Скорее всего, до портала на смотровой площадке добрались Бёрст-линкеры, ускорившиеся на земле.

Пард-сан колыхнула своим длинным хвостом и, положив руку на спину Харуюки, прошептала:

– Нам лучше исчезнуть, пока нас не нашли.

Разумеется, поскольку шаттлов было всего десять, зарегистрироваться могли еще только восемь человек. Возможны неприятности, если люди, не вошедшие в это число, предложат что-нибудь вроде «решить, кто имеет право регистрироваться, путем дуэли».

– Это… верно.

Харуюки отпихнул в сторону распирающее его удивление и согласился с Пард-сан. И тут же ему в уши прыгнули ее следующие слова.

– Когда прекратишь ускорение, жди на выезде с наземной парковки. Я подброшу тебя в Сугинами на мотике.

– Э…

Он вновь застыл в изумлении. В памяти отчетливо всплыла яростная мощь громадного электромотоцикла с Пард-сан за рулем.

Однако сказать «нет» он, разумеется, не мог и потому кивнул.

– Сп-п-п-пасибо за помощь.

– Эн-Пи.

После чего они хором произнесли команду:

– «Бёрст аут»!

Реальная Пард-сан, которую Харуюки уже давно не видел, к счастью, а может, к несчастью, была не в униформе горничной из кондитерского магазинчика, а в футболке и обтягивающих джинсах.

Взгляд Харуюки сам собой зацепился за приличные выпуклости, распирающие тесную футболку, – когда девушка была в свободном переднике, они не так бросались в глаза. С бесстрастным видом Пард-сан извлекла из отсека для запчастей под сиденьем второй шлем, нахлобучила его Харуюки на голову и оседлала мотоцикл. Закрепив застежку на этот раз самостоятельно, Харуюки неуклюже влез на место пассажира и робко обвил руками тонкую талию перед собой.

Сначала Пард-сан вела мотик сдержанно, но, когда она

выехала с парковки Скай Три, встроенные в колеса моторы взвыли на полную мощь.

– …Аааааа!..

Как и в прошлый раз, Харуюки, вопя, отчаянно цеплялся за Пард-сан. Зато, поскольку все его силы уходили на то, чтобы выдерживать жесткие торможения и ускорения на каждом светофоре, ему было совершенно некогда беспокоиться о том, к чему там он прикасается.

Когда они выбрались из Сумида-ку, проехали Окатимати, Отяномидзу и Иидабаси, Харуюки услышал мысленный голос Пард-сан.

«Сейчас только без пяти шесть. У тебя есть время?»

«Э, аа… есть».

Мать требовала от Харуюки, чтобы он возвращался домой не позже девяти вечера, так что время действительно было. Почему она позволяла ученику средней школы гулять до столь позднего времени? То ли потому что доверяла сыну, то ли потому что не хотела с ним возиться, – Харуюки сам не знал. Возможно, узнал бы, если бы когда-нибудь серьезно нарушил этот «комендантский час» и мать отругала бы его; но такого рода храбростью он не обладал и потому сейчас добавил:

«Но только два часа».

Пард-сан тогда пробормотала нечто неожиданное:

«Если мы так долго будем пить чай, он перестанет растворяться».

Эээ, ч-чай?

Не успел он так подумать, как мотоцикл подъехал к придорожному фастфудному ресторанчику, мигая фарами.

За последние восемь месяцев Харуюки двадцать раз был в таких заведениях с Черноснежкой и один раз со Скай Рейкер. Однако привыкнуть к подобным ситуациям ему так и не удавалось, и его всегда бросало в холодный пот от липнущих со всех сторон взглядов «что за нелепая парочка».

Убеждая самого себя, что все это ему только кажется и что у всех тут свои заботы, он сел в закутке напротив Блад Лепард и, пытаясь выкинуть остальных посетителей из головы, изо всех сил сосредоточился на гамбургере, которым его угостили.

Похоже, получилось. Однако эта мысль задержалась в его голове лишь на миг.

Пард-сан извлекла из поясной сумки красный XSB-кабель и, подавшись вперед, воткнула один из штекеров в нейролинкер Харуюки. Потом с бесстрастным видом вставила второй конец в свой нейролинкер.

Предупреждение о проводном соединении, возникшее в поле

зрения Харуюки, не могло скрыть того, что школьники в кафешке все стали смотреть на него и перешептываться. Харуюки, не зная, куда себя деть, опустил голову; по всему телу проступил холодный пот.

Длина кабеля для Прямого соединения служит мерой близости парочки на свидании – подобного рода условности Пард-сан явно не волновали, но Харуюки не мог быть таким же свободным от земных забот и потому завопил (мысленной речью, разумеется):

«Аа, эээто, п-п-почему Прямое соединение?»

Ответ был прост.

«Так можно говорить и есть одновременно».

«…Это да…» – и на большее Харуюки не хватило.

Пард-сан демонстрировала отточенную технику разговора по кабелю с одновременным поеданием гамбургера – как и заявила только что. Это выглядело простым, но риск прикусить язык при нечаянной попытке сказать что-либо ртом был немалый.

«Ты понимаешь, как нырять для участия в воскресной гонке?»

Услышав этот неожиданный вопрос, Харуюки застыл в

процессе пережевывания ломтика фри.

«Ээ… а разве не опять через портал в Скай Три?»

«Не обязательно. Карточки, которые мы получили, когда зарегистрировались как пилоты, – телепортеры. Каждая переправляет до десяти Бёрст-линкеров, с которыми мы соединимся напрямую».

«Э-эээ… Значит, если мы все соберемся в Сугинами и используем карточку, то сразу попадем в "Гермес Корд"?»

«Йес».

Вот за это Харуюки был признателен. Потому что, если Черноснежка решит участвовать в гонке, будет слишком опасно, если она, Бёрст-линкер девятого уровня, связанный правилом «внезапной смерти», хоть на секунду подсоединится к внешней сети в Сумида-ку, вдали от дома.

Облегченно вздохнув и впившись зубами в гамбургер, Харуюки почувствовал, как к горлу подступает самый первый родившийся у него вопрос. С того момента, как он нырнул в портал в Скай Три, и до сих пор его несло по течению, но –

«…Вообще, почему внезапно гонка? Те машины приготовил не какой-нибудь игрок, а системный администратор… то есть администратор "Брэйн Бёрста". Я уже почти восемь месяцев как Бёрст-линкер, но до сих пор, по-моему, ни одного события, в котором бы участвовали ГМы, не было…»

Пард-сан ответила, потратив на размышления 0.5 секунды:

«Да, признаков присутствия администратора ББ, как правило, нет. Но когда в Ускоренном мире были масштабные обновления, уже происходили различные разовые мероприятия. Например, два года назад, когда открылся "Токийский Великий замок"…»

«Великий замок» – это был громадный парк развлечений, сооруженный в заливе. Насколько знал Харуюки, внешне он представлял собой средневековый европейский город-крепость из натурального камня; идея была сделать нечто «реалистичное» в век расцвета технологий Полного погружения.

«…Когда там заработали Общественные камеры, было объявлено состязание: прорваться через толпу монстров, населявших город, и добраться до тронного зала в замке. К сожалению, на мою команду вместе с синей набросилась громадная стая монстров, и мы проиграли».

Глаза Пард-сан вспыхнули огнем; Харуюки невольно отдернулся, но все же сумел ответить:

«По… понятно. Тогда, значит, эта гонка тоже… так сказать, "мероприятие в честь открытия новой арены"? То есть она будет всего один раз?..»

«Несомненно».

Раз так, ему действительно здорово повезло, что он сумел зарезервировать одну из всего десяти машин. Харуюки мысленно воскликнул «мегалакки!», но тут же поспешно вытряхнул эту мысль из головы. Он хотел попасть в «Гермес Корд» вовсе не для того, чтобы заполучить право участвовать в каком-то там мероприятии. Ему нужно попасть на вершину космического лифта, потому что там он должен во что бы то ни стало сказать кое-что Скай Рейкер.

…Так.

Стремясь заранее приобрести как можно больше знаний, Харуюки нервно спросил через прямое соединение:

«Эмм… Пард-сан. Раз это гонка, значит, тот, кто придет первым или, там, вторым, наверно, там будет, ну…»

«Конечно, – кивнула Блад Лепард, не дав Харуюки договорить. – Скорее всего, дадут бёрст-пойнты. Или другие призы – "Усиленное вооружение" или еще что-нибудь».

«Э… хееее, вот как».

Заметив, видимо, что кадык Харуюки мечется, хоть сам он и пытается выглядеть спокойным, Пард-сан еле заметно улыбнулась. Тщательно складывая обертку от гамбургера, который она уплела с молниеносной быстротой, она абсолютно спокойно произнесла:

«Не надейся на многое. Призы будут не настолько велики, чтобы нарушить баланс между легионами. Важнее другое… – девушка из "Проминенс" сделала короткую паузу и спросила, тряхнув хвостом волос: – От твоего легиона будут участвовать все пятеро?»

«Э?.. Это, ну, шаттл вмещает пятерых, так что…»

Харуюки собрался было кивнуть, но его голова застыла.

Конечно, они с Пард-сан хорошо ладили; конечно, она его подбросила на мотике и угостила гамбургером – но несмотря на все это, она вовсе не была его «товарищем». Она была активным членом Красного легиона, который может когда-нибудь напасть на Черный легион. Можно ли говорить ей о планах и передвижениях Черноснежки, живущей под дамокловым мечом «внезапной смерти»?

Пард-сан, видимо, мгновенно понявшая причину нерешительности Харуюки, быстро покачала головой.

«Я спрашиваю вовсе не для того, чтобы воспользоваться возможностью снять голову Черного короля. Это в принципе невозможно, поскольку хит-пойнты во время гонки зафиксированы».

«З-зафиксированы?..»

Повторив это слово, Харуюки наконец вспомнил. Когда он

перенесся в «Гермес Корд», поверх его полосы хит-пойнтов точно было написано «LOCKED».

«Эээээ… в смысле, во время гонки никто не может получить урон?»

На миг притворившись, что думает, Пард-сан тут же ответила:

«Йес».

«Тогда почему нужно, чтобы в шаттле было еще четверо? Потому что меня одного недостаточно, чтобы атаковать и обороняться от других команд?..»

«Снова йес. Скорее всего, у шаттла тоже полоса хит-пойнтов, и когда она кончится, шаттл разрушится. В Великом замке, о котором я говорила, было так же. Нужно было донести до тронного зала наверху замка драгоценности, выданные командам. Игроки не умирали, но хит-пойнты драгоценностей уменьшались от атак монстров и других команд».

На слова Блад Лепард Харуюки восхищенно кивнул. Если так, гонка наверняка получится жаркой, несмотря даже на скучноватое условие неизменности хит-пойнтов игроков.

«Понятно… вот, значит, как это работает. Тогда я тем более уверен, что из моего легиона все пятеро будут участвовать. Но… почему ты спросила?»

Под вопросительным взглядом Харуюки Пард-сан замялась – редкое для нее проявление нерешительности.

Впрочем, колебалась она всего секунду, после чего –

«В Ускоренном мире есть два дорогих мне человека».

Ее тихие мысли текли по красному кабелю.

«Один из них – король, которому я служу. Которого я хочу защищать любой ценой. А второй – мой вечный противник. Человек, который стал Бёрст-линкером примерно тогда же, когда я, и с которым я сражалась бесчисленное количество раз. Человек, известный как "Страто-шутер" и "МКБР"…»

Кому принадлежат эти два прозвища, Харуюки понял мгновенно.

«…Скай Рейкер-сан?..»

Блад Лепард мягко кивнула.

«Я была счастлива, когда услышала, что она вернулась. Но поскольку она участвует только в территориальных сражениях, я с ней еще не встречалась».

«Ааа… п-понятно. Ну да, правильно».

Сейчас Красный легион «Проминенс» и Черный легион «Нега Небьюлас» находились в состоянии перемирия с нефиксированным сроком. Поэтому, будучи одним из основных членов Красного легиона, Пард-сан не могла участвовать в атаках

на Сугинами.

Харуюки втянул воздух и произнес, нетипично для себя глядя собеседнице прямо в глаза:

«По правде сказать, у меня есть своя причина желать, чтобы Рейкер-сан непременно попала в "Гермес Корд". Поэтому, даже если ее гонка не заинтересует, я сделаю все, чтобы ее убедить. Думаю, ты обязательно увидишься с ней в воскресенье».

«Ясно».

Ответ был короток, но затем Блад Лепард чуть улыбнулась и медленно кивнула.

«Спасибо, Сильвер Кроу. Я рада, что поговорила с тобой… Возможно, сейчас у меня уже не два, а три дорогих мне человека».

…Что бы она ни хотела сказать этими словами, Харуюки в их смысл сразу не въехал. И потому наивно переспросил. Но.

«Э-ээ? А… а кто третий?»

Секрет.

Словно давая такой ответ, Пард-сан быстро отключила свой кабель Прямого соединения.

После того как Пард-сан довезла Харуюки до Сугинами, он проводил взглядом ее заднюю фару и принялся рассеянно размышлять.

Всего Бёрст-линкеров около тысячи. Почти все они живут в центральной части Токио. Их так много, что все имена невозможно запомнить, и отношения между большинством из них сводятся к борьбе друг с другом за бёрст-пойнты, но – тем не менее, если они долгое время сражаются, между ними в конце концов зарождаются какие-то иные отношения, помимо «противников». Если вспомнить – даже Такуму, Сиан Пайл, ныне бесценный партнер Харуюки, сперва был его врагом…

В голове Харуюки одно за другим промелькнули лица его товарищей по легиону, начиная с Черноснежки, его друзей Нико и Пард-сан, его соперников Эш Роллера и предположительно Фрост Хорна.

Идти к десятому уровню – по сути означает постоянно побеждать других Бёрст-линкеров. Скорее всего, именно этого добивался таинственный создатель игры. Заставить тысячу молодых людей сражаться друг с другом и выявить одного-единственного победителя.

Но даже разработчик не может запретить рождаться и распространяться другим чувствам, помимо ненависти. И вот доказательство – то, как Блад Лепард беспокоится о Скай Рейкер, которая ей вовсе не подруга.

Я тоже хочу так.

Харуюки упрямо думал, идя домой.

Даже если я весь избит, даже если я так излуплен, что слезы выступают на глазах, я не буду просто ненавидеть своего противника. Потому что я люблю эту игру… Ускоренный мир. Потому что мне страшно повезло, что я стал Бёрст-линкером.

…Правда? Ты так уверен?

Внезапно какой-то голос задал вопрос.

И тут же еще несколько силуэтов промелькнули у Харуюки перед глазами. Аватар цвета ржавчины, будто склепанный из стальных кусков. Пластинчатый аватар из тонких угольно-черных мембран. И – аватар цвета сумерек с круглой маской и громадными когтями, уже не существующий. Это были члены группы, воспринимающей «Brain Burst» не как игру-файтинг, но как способ ускорять мысли, и стремящейся лишь получать и тратить бёрст-пойнты. «Кружок исследования ускорения».

Последние два месяца они никак себя не проявляли. Однако это не значило, что они исчезли. Наверняка они прячутся где-то в Ускоренном мире и с настороженной враждебностью ждут шанса ударить вновь.

…Этих людей **ты тоже можешь простить? Ты можешь отбросить свою ненависть к ним, жестоко ранившим тебя и твоих друзей, издевавшихся над вами?**

Незаметно для Харуюки голос в его голове перестал быть его собственным, приобрел сумрачное, искаженное металлическое эхо. Середину спины прострелила боль. С искаженным лицом Харуюки продолжил механически шагать к дому.

…Таких гадов вполне естественно ненавидеть. Вполне естественно крушить их своей ненавистью. Выпусти весь свой гнев, негодование, ненависть, уничтожь этих сволочей. Это в твоих силах. В твоих силах оторвать им руки-ноги, сожрать их плоть, выпить их кровь. Да – сожри их. Сожри их. Сожри их. Сожри их. Сож-…

– …Заткнись!!! – сдавленно крикнул Харуюки, низко опустив голову, и остановился перед входом в магазин. Местные жители и покупатели шарахнулись в стороны.

Харуюки казалось, что среди множества туфель, обходящих его, он видит сумрачно-фиолетовые сияющие когти. Он изо всех зажмурился и мысленно заявил самому себе:

Если они снова явятся, я буду драться с ними. Но не потому, что я их ненавижу. А потому что люблю Ускоренный мир. Потому что верю, что в нем есть не только враждебность, но и другие отношения и чувства. Я буду драться, чтобы защитить эти чувства.

Правда?

И голос ушел, оставив позади лишь это единственное слово и скрипучий смех. Боль в спине тоже вскоре утихла, растворилась.

Шумно выдохнув и вытерев потные ладони о брюки, Харуюки на непослушных ногах зашагал в свою пустую квартиру. Головы он так и не поднял.

Глава 5

– Хей-хей-хеееееееей!!! – разнеслось по всей арене.

Одновременно раздался рев двухцилиндрового мотора. Потом пронзительный визг – и еще один возглас:

– Такая паршивая стенка не остановит великого меня!!!

– Чего?!

Харуюки лихорадочно заозирался. Дряхлые, как и полагалось арене «Заброшенный город», здания лежали в руинах, образуя настоящие баррикады. Разнесли их Харуюки и сражающийся поодаль Такуму. Они сделали это специально, пользуясь характеристикой арены «легкая разрушаемость», чтобы завалить дороги обломками.

Так они планировали сковать мотоциклиста Эш Роллера, участвующего в территориальном сражении в составе атакующей команды из трех человек. Им это удалось – не осталось ни одной свободной дороги, по которой Эш Роллер мог бы проехать на мотоцикле от нынешнего переднего края до позиции в тылу, которую защищала Скай Рейкер. Вернее, так должно было быть – но.

– Г-где ты?!

Харуюки вертел головой в поисках ревущего мотора.

Через несколько секунд он его обнаружил. Однако двигаться сразу не стал – просто стоял, разинув глаза и отвесив челюсть.

Американский мотоцикл двигался справа налево по противоположной стороне двухполосной улицы. Однако скорость его была слишком мала. И вовсе не потому, что он объезжал обломки, которыми была завалена дорога, а наоборот, потому что объехать их было невозможно (там громоздились двухметровые кучи), – так что *его несли*.

Громадный мотоцикл вместе с седоком ехал на правом плече аватара-коротышки (более чем вдвое ниже, чем Эш на мотоцикле), который с огромным трудом шагал по баррикаде. Эш Роллер просто сидел в седле покачивающегося мотика и давил на акселератор.

– …Какой смысл так гонять движок!!! – машинально проорал Харуюки, и только потом до него дошло, что вообще-то в этой ситуации он не может просто стоять на месте и смотреть. Противники хотят пересечь груду обломков. Если им удастся, будет плохо.

– Я, я тебя не пущу! – выкрикнул Харуюки и помчался через дорогу. Аватар-коротышка, несущий мотоцикл, кинул на него взгляд и –

– Брат Эш! Забудь про меня и идиииии!

Прокричав эти очень выпендрежно звучащие слова, он метнул мотоцикл вперед. Физическая сила его была просто невероятна, особенно с учетом размера.

Эш Роллер, который, надо же, успел когда-то обзавестись младшим братом, на своем американском мотоцикле перелетел через груду обломков, испуская особенно пронзительный рев.

– Твое харт гига-бёрниииииинг!!![14]

Издав один из своих обычных непостижимых воплей, он приземлился на асфальт и рванулся вперед, выпустив облако дыма из-под заднего колеса.

Суббота, 8 июня, 17.30. Шел бой в формате «три на три» за третий район Сугинами. Черноснежка и Тиюри сделали передышку, так что со стороны «Нега Небьюлас» дрались Харуюки, Такуму и Скай Рейкер. Атакующая команда состояла из трех членов Зеленого легиона «Грейт Уолл»[15] во главе с Эш Роллером.

По уровням между двумя командами был громадный разрыв – у команды Харуюки 8-5-5, а у противника 5-5-3; однако «Brain Burst» – игра, где миг расслабленности может запросто нивелировать подобную разницу. Стиснув зубы и ругая себя за то, что он допустил «такой миг» и позволил Эш Роллеру прорваться через баррикаду, Харуюки кинулся было в погоню за быстрым мотоциклом – но.

– Я тя не пушу!!!

Одновременно с этим воплем, который заставил Харуюки подумать, то ли его тон соответствует отыгрышу какого-то персонажа, то ли он по жизни такой, перед ним прыгнула тень – аватар, тащивший на себе мотик Эш Роллера.

Это был игрок 3 уровня в темно-зеленой броне, звали его «Буш Утан»[16]. Он был на несколько сантиметров ниже Сильвер Кроу, но настолько мощен, что о маленьком росте как-то не думалось. Причиной были очень необычные руки. Когда аватар склонялся вперед, они едва не касались земли, вызывая ассоциацию с неким приматом, но в любом случае этого противника не следовало недооценивать.

Осторожно глядя на нацеленные на него громадные руки, Харуюки ответил:

– …Тем, кто так говорит, никогда не удается никого удержать!

Потом пригнулся и с низкого старта рванулся вперед.

Буш Утан специализировался чисто на силе, весь его потенциал заключался в громадных лапищах. Если Харуюки пропустит прямой удар, то получит неслабый урон, и разница в

два уровня ему не поможет; зато скорость Утана оставляла желать лучшего. Да и вообще – Харуюки в принципе не собирался сейчас сражаться с ним.

Стремительно сократив дистанцию, Харуюки воспользовался тем, что все внимание противника было сосредоточено внизу, и отчаянно подпрыгнул, лишь чуть махнув крыльями, чтобы сохранить шкалу спецатаки. По сути, он не столько перелетел, сколько перескочил через противника.

Утан вскинул руки, но где ему дотянуться. У Харуюки даже было время мысленно дать ему совет: «Тебе следовало бы самому сблизиться и тем самым сократить мои возможности. Не просто ждать, а активно контролировать дистанцию…»

– …Чего, оуаааа?!

Удивленный вскрик, вырвавшийся у Сильвер Кроу, был перекрыт густым мужским возгласом:

– У-хо-хо-хо! Я тя не пущуууу!!!

Что же случилось? Руки Буш Утана внезапно вытянулись. Не просто отстегнулись в локтях – нет, они удлинились раза в три, и громадные ладони крепко вцепились Харуюки в лодыжки…

– Хуннууууууссууу!

Понимая, что сейчас он брякнется на землю, Харуюки рефлекторно развернул крылья на всю ширину и высвободил всю их мощь.

– Нуоооо!

Равновесие сохранилось лишь на долю секунды. При всей своей силе Утан относился все же к легкой весовой категории. Харуюки взлетел вертикально вверх, а обезьяноподобный аватар так и свисал с его ног. Раз так получилось, Харуюки решил вместе с Утаном догнать Эш Роллера и таранить его, но в этот момент.

– Ухооо?! Как страшно!!!

Сразу после этого жалобного вопля Харуюки почувствовал рывок, и его скорость упала. Поспешно глянув вниз, он обнаружил, что Утан разжал левую руку, державшую лодыжку Харуюки, и вцепился ей в перила на крыше здания. Обе его руки были растянуты до предела; со стороны казалось, что обезьяноподобный аватар привязан посередине длинной веревки.

– Ты, а ну отпустил!

– Н-ни фига!

Харуюки отчаянно махал крыльями, но пальцы, сомкнувшиеся на левой лодыжке, не собирались расслабляться. «Пика» Такуму могла бы отсечь руку Утана, но Такуму сейчас отчаянно сражался с третьим членом команды противника где-то в стороне – оттуда периодически доносились звуки боя.

С неохотой продолжив заниматься воздушным

перетягиванием каната, Харуюки взглянул на западную часть дороги. И тут же у него вырвалось:

– Блин!..

Здоровенный американский мотоцикл успел уехать вперед больше чем на сто метров и решительно приближался к небольшой площади в конце дороги. Там, на этой площади, был испускающий лавандовый свет круг с высоким столбом в центре. Флаг черного цвета показывал, что там была «база» команды Харуюки.

Базы – это отдельные точки на арене территориального сражения. Если команда занимает базу, то в пределах этого круга ее шкала спецатаки бесконечна. Территориальные сражения в «Brain Burst» выглядят просто: одна команда наступает, занимает одну базу за другой и при этом атакует базы противника.

Сейчас Эш Роллер нацеливался на базу, защищаемую одной лишь Скай Рейкер. Будучи Бёрст-линкером восьмого уровня, она, конечно, была сильна, но ее уникальный стиль боя мог быть как преимуществом, так и недостатком, в зависимости от конкретного противника.

Согласно выводам Харуюки, Скай Рейкер с инвалидной коляской и Эш Роллер с мотоциклом относились к одной и той же категории, и Скай Рейкер была в невыгодном положении. Ее инвалидная коляска как «Усиленное вооружение» практически по всем параметрам уступала мотоциклу Эш Роллера.

Моточудовище с грозным ревом летело к одиноко стоящей перед площадью хрупкой серебряной коляске с изящным женским аватаром.

– Учитееееель! – завопил черепоголовый наездник почему-то со слезами в голосе. – Сегодня… я… превзойду тебя, учитееееель!!!

Харуюки разинул рот. Конечно же, Скай Рейкер была наставницей и Родителем Эш Роллера, но его слова сейчас были из тех, что говорятся лишь перед решающей битвой, к которой ее участники шли через множество преград и изгибов судьбы. Сегодня команда Эш Роллера участвовала в бою всего третий раз, а между собой эта пара Родитель – Ребенок собиралась сразиться впервые.

Рейкер в своей инвалидной коляске улыбнулась из-под широких полей шляпы и, качнув длинными волосами цвета неба, ответила:

– Только через сто лет, Эш.

После чего вытянула вперед правую руку ладонью вверх и сделала жест «приди и возьми» – поманила к себе пальцами.

– Тооооо!!! – заорал в ответ Эш. Потом вспрыгнул и встал правой ногой на руль, а левой на задний край сиденья. Это была –

оригинальная техника управления мотоциклом наподобие доски для серфинга, которой Эш Роллер лично дал название «Вэ-твин кулак».

Рейкер, даже увидев этот прием, не выказала признаков паники, но Харуюки вновь заскрипел зубами. Теперь Рейкер была в еще более тяжелом положении. Поскольку она встать с коляски не могла, ее руки не дотягивались до Эш Роллера. А атака голыми руками на мотоцикл приведет лишь к тому, что сама Рейкер получит урон.

– Учитель! Гигаспасибо за все, что былоооо!!!

Подошвой он выкрутил полный газ, и мотоцикл, выплюнув язык пламени из глушителя, пошел в последний и решительный разгон. В тот миг, когда громадная серая передняя шина была уже готова врезаться в инвалидную коляску –

Левая рука Рейкер нежно, но немыслимо быстро прошлась по серебряному колесу. Высекая искры из земли, коляска резво покатила спинкой вперед.

Невозможно, так от него не уйти!

Харуюки мысленно крикнул эти слова, обращаясь к Скай Рейкер, которая была и его наставницей. Хотя коляска, передвигаемая лишь при помощи рук, обладала невероятной скоростью за счет сверхмалого веса, длиться долго этот рывок не мог. Вот сейчас мотоцикл ее нагонит и отправит в полет.

Харуюки, забыв дышать, ждал, когда это произойдет, и тут.

С полнейшей непринужденностью Скай Рейкер потянулась вперед, едва-едва избежав контакта с передним колесом мотоцикла, притронулась левой рукой к рулю мотоцикла…

…и легонько нажала на тормоз.

Хотя выглядело это как нечто простое и будничное, Харуюки оценил чудовищную силу, вложенную в нажим – от диска переднего колеса мотоцикла посыпалось дикое количество искр. Что произойдет с мотоциклом, у которого зажат один лишь передний тормоз, да еще с такой силой?

– О-оуаааааа?!

Еще до того, как Эш Роллер успел заорать, американский мотоцикл резко встал на дыбы, упираясь в землю передним колесом. После чего, крутясь, полетел по воздуху и вмазался в стену здания.

Похоже, сила удара превзошла прочность «Усиленного вооружения» – мотоцикл взорвался, раскидав во все стороны шикарные языки пламени.

Однако сам Эш Роллер благодаря тому, что стоял на сиденье, взлетел вверх, и взрывом его не задело.

– Нооооооооооооо?!

С этим воплем он достиг верхней точки траектории, на мгновение застыл и полетел вниз. А прямо под ним была Скай Рейкер, снова направляющая свою коляску вперед.

– Двести лет, – с улыбкой поправилась она и выбросила вверх левую ладонь с такой силой, что аж воздух вспыхнул. Удар пришелся точнехонько в середину спины темной кожаной куртки Эш Роллера, и волна от него докатилась даже до того места, где висел Харуюки (а это было довольно далеко).

Критический удар в середину туловища в сочетании с уроном от падения вышибли хит-пойнты Эш Роллера начисто.

– Чего и ждать от учителя… Прости меня, тера-насинг[17].

Оставив эти загадочные слова, черепоголовый мотоциклист рассыпался на полигоны. Харуюки и Буш Утан, глядя, как Скай Рейкер отряхивает руки, одновременно пробормотали:

– В-вот это сила…

– Слишком крутая…

Потом они переглянулись. Поскольку Рейкер великолепным образом отбила атаку Эша и защитила базу, игра в потягушки потеряла всякий смысл.

Не произнося больше ни слова, Харуюки вдруг заставил крылья заработать в полную силу, поглощая всю шкалу спецатаки. От мощного рывка руки Утана заскрипели.

– Бе-бесполезняк! Жгите, мои бицепсыыыыы!!!

Утан отчаянно напряг мышцы обеих рук – и левой, держащейся за ограждение на крыше, и правой, сжимающей лодыжку Харуюки, – и попытался чисто за счет силы притянуть его к себе. Как вдруг.

Харуюки изменил направление тягловой силы крыльев на 180 градусов и принял позу для пикирования. В результате, естественно, Утан потянул Сильвер Кроу на себя.

– Сто-… пого-… пого-…

Его голос прервался грохотом мощного удара с пикирования.

После чего оба противника полетели на землю. Судя по тому, что Утан от шока выпустил лодыжку Харуюки, ему предстояло еще многому научиться, прежде чем лезть с ним в ближний бой.

Все его хит-пойнты разом испарились, и Утан покинул арену, как и его старший брат, оставив на прощание слова:

– Я, я те завтра отплачуууууууу!!!

…Завтра?

У Харуюки на этот счет почему-то возникло нехорошее предчувствие, но пока что он задвинул его куда подальше и поспешил на помощь Такуму.

Пятнадцать минут спустя по времени реального мира –

Успешно защитив первый, второй и третий районы Сугинами и на этой неделе, пять членов «Нега Небьюлас» собрались в центре арены, на которой прошло последнее сражение, и поздравили друг друга с хорошей работой.

Усевшись на ближайший бетонный обломок, Харуюки протяжно выдохнул, чувствуя приятную усталость, и сказал Скай Рейкер:

– Знаешь… я даже не думал, что мотик Эш Роллера можно вынести *так*…

В прошлом Харуюки однажды победил Эша, подняв заднее колесо его мотоцикла и тем самым заставив его двигатель трудиться вхолостую, но зажим тормоза на полном ходу, заставляющий машину взлететь, был куда умнее, быстрее, а главное – интереснее и круче.

Однако Рейкер смущенно улыбнулась и покачала головой.

– К сожалению, этот прием работает, только когда Эш стоит на своем мотоцикле.

– А… н-ну да…

Обычно ведь руки мотоциклиста не расстаются с рулем. Харуюки задумчиво хмыкнул, и тут в разговор вмешалась Черноснежка. Со смешинкой в голосе она добавила:

– Кроме того, прежде чем дотронуться до мотоцикла на полной скорости, необходимо синхронизировать свою скорость с его, как одна только Рейкер может, а иначе ты сам получишь урон.

– Аа… н-ну да…

Харуюки опустил голову; Тиюри и Такуму расхохотались. Черный как ночь аватар тоже немного посмеялся, потом продолжил:

– Ну, хотя… Возможно, если бы ты летел на полной скорости, то смог бы сделать то же самое, что и Рейкер. Тебе стоит это обдумать.

– Точно!

Харуюки энергично кивнул; командир легиона оглядела своих подчиненных и сказала:

– Если других тем для обсуждения нет, давайте поговорим о завтрашнем дне. Думаю, вы все получили от Харуюки-куна текстовое сообщение с общим описанием, но сейчас я попрошу его рассказать все еще раз.

– П-понятно.

Поспешно вскочив и развернувшись к четверым товарищам, сидящим бок о бок, Харуюки принялся объяснять про завтрашнее большое мероприятие – гонку через «Гермес Корд».

Он объяснил, что вовсе не обязательно отправляться

непосредственно к Токио Скай Три, что если они соберутся дома у Харуюки и все вместе соединятся напрямую, то «карта-телепортер» перенесет их на нижнюю станцию космического лифта.

Объяснил, что сменить пилота шаттла №1 не получится, потому что Сильвер Кроу уже зарегистрировался в этом качестве, и остальные будут пассажирами, задача которых – защищать свой шаттл и атаковать шаттлы соперников.

Объяснил, что во время гонки хит-пойнты участников зафиксированы, а значит, девятиуровневой Блэк Лотус ничто не угрожает.

Барахтаясь в словах, он все это кое-как объяснил, а потом вдруг замялся. Он не мог решить на ходу, стоит ли упоминать, что Блад Лепард из «Проминенс» зарегистрировалась пилотом шаттла №2 и что она очень хочет встретиться со Скай Рейкер.

Но почти сразу же он решил, что лучше об этом пока промолчать. То, что происходит между Лепард и Рейкер, только они и понимают.

Поэтому Харуюки сделал глубокий вдох и закончил словами «вот и все».

– Отличная работа, – похвалила Черноснежка и тут же встала, заняв место севшего Харуюки. – Из мэйла Харуюки-куна вы это тоже должны были узнать, но в позапрошлом году тоже было большое мероприятие – «Гонка в Великом замке». Думаю, Рейкер уже поняла, о чем я, но…

Внезапно оборвав свою речь, Черный король ударила по земле правой рукой-мечом.

– Я тогда была полностью вне Глобальной сети и скрывалась от убийц королей; я была ооооченъ раздосадована тем, что не могу участвовать.

– И я тоже. Я тогда посылала лучи негодования в Великий замок прямо со старой Токийской башни.

Эти слова Рейкер произнесла с милой улыбкой на лице, заставив Черноснежку согласно кивнуть, а остальных членов легиона нервно выпрямиться. Они явно разделяли мысль «блин, Рейкер-сэнсэй опасная» и вовсе не удивились бы, если бы оказалось, что от обиды и гнева, заключенных в «послании» Рейкер, тогда на самом деле несколько аватаров оказались парализованы.

– В любом случае. Я хочу, чтобы завтрашняя гонка рассеяла позапрошлогоднее огорчение. Такуму-кун и Тиюри-кун уже любезно согласились участвовать, а главное, Харуюки-кун приложил столько стараний, чтобы завоевать для нас право участвовать, – он и предположил возможность появления новой

арены, и отправился в такую даль, в Скай Три. Если эти усилия пропадут зря, никаких оправданий я не потерплю.

После речи Черноснежки Харуюки отчаянно замотал головой и замахал руками.

– Не, не, правда, мне всего лишь пришла ерундовая идея… Это семпай угадала, где и когда появится портал…

– Эта идея была очень важной. Хотя все десять мест, судя по всему, заполнились очень быстро, но, похоже, большинство тех, кто зарегистрировался, купили информацию в NPC-магазине в «Безграничном нейтральном поле», причем задорого. Кроме Харуюки-куна, еще один-два человека догадались сами.

– Эээ… вот, значит, как было…

Вполне возможно, что проданная NPC информация о появлении портала содержала время его открытия с небольшой задержкой. И поэтому Харуюки, которому идея пришла в голову с нуля, добрался до «Гермес Корда» раньше тех, кто ее купил. И, возможно, Пард-сан тоже.

В таком случае Харуюки должен быть признателен Тиюри за то, что она в тот день предложила ему пойти в Дом правительства в Синдзюку. Если бы он туда не отправился, то, скорее всего, даже не вспомнил бы ту новость про космический лифт. И, конечно же, он был благодарен Черноснежке за совет, который она ему дала во время разговора в погружении. Как здорово иметь друзей… Пока Харуюки лениво ворочал в голове эти мысли –

– …Погоди секунду, Лотус, – Скай Рейкер приподняла руку, подъехала поближе (колеса инвалидной коляски скрипнули) и развернулась лицом к остальной четверке. – Я тоже очень сильно ждала подобного события. Как человек, надолго оборвавший все связи в Ускоренном мире, я благодарна за каждый день, когда сражаюсь рядом с членами легиона… возрожденного «Нега Небьюлас». Если только возможно, я хотела бы присоединиться к вам всем и вместе сражаться за победу в завтрашней гонке. Однако… – она замолчала, и ее взгляд упал на ноги, скрытые под длинным подолом белого платья. – …По словам Кроу, в шаттле для команды предусмотрены только четыре сиденья, и больше места там нет. Значит, мне придется оставаться прикованной к сиденью без коляски. Если так, мой аватар будет служить лишь украшением. Если я всего лишь увеличу вес шаттла и ничего не буду делать, кроме как тормозить вас, будет лучше, если я с самого начала не пойду.

– Не… нет! – вырвалось у Харуюки, и он попытался было заспорить со Скай Рейкер.

Но –

Будь Рейкер дальнобойным аватаром, она могла бы успешно участвовать в атакующих действиях, даже сидя неподвижно. Но, как и подсказывал ее ярко-небесный цвет, она была аватаром ближнего боя в чистом виде. По-видимому, чтобы аватары-рукопашники могли в этой гонке атаковать, они должны обладать способностью перепрыгивать на другие шаттлы. Скай Рейкер, вместо ног пользующаяся инвалидной коляской, на такое, разумеется, была не способна.

Глядя на стиснувшего зубы Харуюки, Рейкер ласково произнесла:

– Ворон-сан, не беспокойся об этом. Я уверена, даже без меня ты, Лотус, Пайл и Белл сумеете добраться до вершины.

Нет, это неправильно.

Я хотел взять тебя… в первую очередь – именно тебя… на ту колонну, ведущую в небо. Я хочу тебе сказать кое-что в том мире наверху, включающем в себя 4000-километровый космический лифт. Передать тебе одну мысль, которую невозможно передать здесь, на земле, где ее утянет гравитация…

Пока эти мысли метались у Харуюки в голове, Черноснежка с болью в голосе произнесла:

– …Рейкер. Твой аватар, думаю, весит меньше, чем Кроу. Будешь ты с нами или нет – от этого вес шаттла практически не изменится. И потом, даже если ты не можешь двигаться, ты все равно можешь защищать –

– Нельзя, Лотус, – решительно оборвала ее Рейкер. – Вся твоя деятельность… и деятельность «Нега Небьюлас» должна быть в первую очередь направлена на то, чтобы превзойти других королей и дать тебе достичь десятого уровня. Если в завтрашней гонке вы победите, то наверняка получите много бёрст-пойнтов. И это приблизит вас к главной цели. И ты не должна думать обо мне и тем самым даже чуть-чуть уменьшать свои шансы на победу… разве не так?

Ее слова звучали слишком логично и несли слишком много боли. Скорее всего, в душе Скай Рейкер уже четко назначила себе роль из-за своих ограниченных способностей по части передвижения. Она ценит свою силу, когда эта сила помогает легиону. И, напротив, она ни за что не станет участвовать в сражении, где будет обузой.

Иными словами, вот какая была ситуация:

Скай Рейкер уже отказалась от «Brain Burst» лично для себя. Она откликнулась на просьбу Черноснежки и вернулась в легион, но ее единственным мотивом было помочь Черноснежке. Она категорически запретила себе чувствовать восторг и возбуждение от дуэлей, радость общения с помощью кулаков. Как будто она

назначила себе вечное наказание.

Неправильно.

Харуюки вновь мысленно произнес это слово.

Целью Харуюки тоже было помочь командиру легиона Черноснежке подняться на десятый уровень. Он всегда стремился стать рыцарем, который будет защищать своего короля, пока этот момент не настанет.

Более важной цели у него не было; но было желание, не противоречащее главной задаче.

Играть и получать удовольствие от игры под названием «Brain Burst».

Сражаться в дуэлях от горечи и боли нельзя. Их нельзя использовать просто как инструмент для зарабатывания очков. На этом пути – лишь тьма, которая отбрасывает тень даже на реальный мир, как получилось с «Кружком исследования ускорения».

Конечно, Харуюки не верил, что Скай Рейкер может тоже провалиться в эту тьму, – но если она сама себя не простит, то ей никогда не удастся насладиться игрой «Brain Burst».

Однако здесь и сейчас Харуюки никак не мог передать ей все это. И Черноснежка с Такуму, похоже, тоже – оба их аватара застыли, как статуи, и лишь молча смотрели сверху вниз.

Скай Рейкер, чтобы разбить молчание, окутавшее все, кроме тикающего таймера (до исчезновения арены оставалось десять минут), ласково улыбнулась и попыталась заговорить. Но за миг до того, как она издала звук.

– Сестрица Рейкер.

Внезапно Тиюри обратилась к Рейкер именем, которое сама для нее придумала.

– Что, Белл?

– Я… всегда об этом думала, но…

Голос ее звучал так, будто она колебалась, но в то же время уже приняла твердое решение. Лайм Белл поднялась на ноги, сделала несколько шагов вперед и встала перед Скай Рейкер. Сделала глубокий вдох; на ее маске появилось нетипичное для нее серьезное выражение…

– Если хочешь, сестрица, я могу попытаться вернуть тебе ноги с помощью моей способности.

И она это сказала.

Едва услышав ее слова, Харуюки выпучил глаза. Способность Тиюри (Лайм Белл), спецприем «Цитрон колл», позволяла «отматывать время назад». Она возвращала в прошлое аватар или объект, на который была нацелена.

В обычных дуэлях она использовалась только как

«псевдолечение» – для восстановления хит-пойнтов союзников. Но возможности этого приема были гораздо шире, что подтвердил недавний бой с Фрост Хорном и Турмалин Шеллом. Поскольку противник может легко уклониться от этой атаки, применять ее к нему достаточно проблематично, но в случае попадания она способна даже заставить исчезнуть «Усиленное вооружение».

Так что «Цитрон колл» в каком-то смысле был даже более редким, чем настоящая способность к лечению. Но.

– Н-но… Тию, – невольно вмешался Харуюки. – Рейкер-сан потеряла ноги больше трех лет назад. Ты правда можешь вернуть время на так далеко?..

Тиюри склонила набок голову в заостренной шляпе и, покачивая указательным пальцем, словно в раздумьях, ответила:

– В общем… мой «Цитрон колл» может работать в двух режимах. Первый режим съедает половину шкалы спецатаки, он отматывает состояние аватара, в который я целюсь, на сколько-то секунд в игре. Им я обычно пользуюсь, чтобы восстанавливать хит-пойнты.

Затем она выпрямила второй палец и продолжила:

– …Второй режим съедает целиком заряженную шкалу, и он отменяет все статусные эффекты аватара, кроме левелапов… в общем, все индивидуальные постоянные изменения, вызванные какими-то внешними факторами. Вроде покупки «Усиленного вооружения» за очки или кражи у другого аватара… все такие изменения по очереди он и отменяет. Я этим воспользовалась, чтобы вернуть Хару крылья.

– Значит… отменяет постоянные изменения, – прошептала Черноснежка. Потом коротко кивнула и, продолжая сидеть, задумчиво приложила лезвие правой руки-меча к подбородку своей маски. – Звучит просто, но, если подумать… это невероятная сила. Естественный враг – нет, божественная кара для всех, кто специализируется на краже способностей…

– Но он не может накладывать отрицательные эффекты на тех, в кого не нацелен, и поэтому нельзя вернуть цели то, что формально сейчас принадлежит кому-то другому. Поэтому я не могла вернуть Хару его крылья, если бы нацелила прием на самого Хару. И еще, от приема легко увернуться, поэтому применить его в бою против врага очень трудно, Лотус-семпай.

Пока Харуюки пытался осмыслить принципы работы этого приема, оказавшиеся довольно запутанными, заговорил Такуму.

– Ти-тян, а сколько постоянных изменений можно по очереди отменить «Цитрон коллом» во втором режиме?

– Это… Я на самом деле не пробовала, но, судя по тому, как

разряжается моя шкала, думаю, максимум – до трех изменений.

– Три… хм. …Рейкер-сан, у тебя были еще какие-то статусные изменения после того, как ты лишилась ног?

После короткой паузы аватар цвета неба ответил Такуму:

– …Поскольку я обменивалась «Усиленным вооружением» с Вороном-саном… если это считается за два изменения, то потеря ног – это ровно третье изменение в обратном хронологическом порядке.

Едва Харуюки услышал эти слова, у него вырвалось:

– Э-эмм, учитель. А инвалидная коляска?..

Серебряная инвалидная коляска, в которой сидела Скай Рейкер, была «Усиленным вооружением», аналогичным мотоциклу Эш Роллера. Харуюки понятия не имел, считается ли ее приобретение «постоянным изменением».

Но Рейкер качнула головой и произнесла, легонько постукивая по колесам:

– Я ей обзавелась как раз перед тем, как отказалась от ног.

Она ответила совершенно небрежно, однако значение этих слов было колоссальным.

Иными словами: когда Скай Рейкер попросила Блэк Лотус отсечь ей ноги, она уже предвидела, что потеря части тела может стать постоянной, а может, настроила себя на это. Значит, урон, который она получила, был за пределами нормальной игровой системы – он следовал логике более высокого уровня, логике *той системы*…

– Белл.

Голос Скай Рейкер, обратившейся к Тиюри, прервал размышления Харуюки. Под взглядами четырех человек девушка, по-прежнему живущая в ускоренном мире наполовину отшельницей, произнесла с бесконечной ласковостью в голосе:

– Спасибо. Я с благодарностью принимаю твои чувства… Но даже если у тебя не получится, не вини себя. В конце концов, причина и следствие всего этого лежат исключительно во мне.

Харуюки показалось, что эти слова адресованы не только Лайм Белл, но в той же мере и Блэк Лотус. Хрустально-черное тело аватара на миг застыло, потом Лотус чуть склонила голову.

Повисшее над ареной молчание нарушил твердый голос Тиюри.

– Я понимаю, сестрица Рейкер. Но я обязательно верну тебе ноги. И еще. Хару, – внезапно она повернула голову к заморгавшему Харуюки и ткнула в его сторону пальцем. – Думаю, когда я буду применять этот прием, у тебя может появиться диалоговое окно с предложением принять «Усиленное вооружение», но ты должен обязательно отказаться. Иначе потом

могут быть большие проблемы!

– А-ага, понял, – кивнул Харуюки.

Тиюри покосилась вверх-вправо. Видимо, она удостоверялась, что ее шкала спецатаки после территориальных сражений заряжена до упора. Потом снова опустила голову и сделала шаг вперед.

Потом еще шаг. Черноснежка, Такуму и Харуюки отступили.

Остановившись в паре метров от инвалидной коляски, светло-зеленый аватар поднял вертикально вверх левую руку с гигантским колоколом.

Широкополая заостренная шляпа откинулась чуть назад, все тело прогнулось, и Тиюри набрала воздух в легкие.

– Ну, поехали… «Цитрон»…

Начав произносить название приема, она с силой крутанула колокол против часовой стрелки. Прекрасный звон разнесся над ареной. Обычно, когда Тиюри лечила Харуюки и остальных, она делала два оборота; сейчас она сделала на два больше и –

– …«колл»!!!

С этим громким выкриком она махнула левой рукой сверху вниз.

Полилась музыка, как от целого оркестра ангелов; из колокола вырвалась желто-зеленая лента и обвила Скай Рейкер. Длинные небесно-синие волосы и подол белого платья отчаянно затрепетали, обнажив ноги. Ниже шарнирных коленных суставов не было ничего, словно они такими и были созданы.

Скай Рейкер зажмурила красные глаза-линзы и сцепила руки перед грудью; на миг все ее тело охватило лаймово-зеленое сияние.

«DO YOU ACQUIRE ENHANCED ARMAMENT "GALE THRUSTER"?»[18]

Харуюки мгновенно нажал кнопку «NO» в возникшем перед ним окне, которое неровно вспыхивало и гасло – не как обычно. Это показывало, что что-то возвращается к Скай Рейкер. И тут же тело Рейкер вновь охватило ослепительное сияние. Видимо, это значило, что прием Тиюри отменил вторую передачу предмета между Харуюки и Скай Рейкер.

Харуюки в который раз восхитился тем, насколько это все невероятно. Обычно без слов подразумевалось, что в онлайновых играх только ГМы обладают правом отменять передачу денег и предметов. Благодаря этой громадной власти ГМов часто сравнивают с богами. Но поскольку в «Brain Burst» нет никаких ГМов, Тиюри, можно сказать, единственная на весь Ускоренный мир, кто получила божественную силу – пусть только малую ее часть, – если не считать создателя игры.

Эту краткую мысль Харуюки сдуло третьей вспышкой.

– !!!

Трое наблюдателей разом затаили дыхание и уставились во все глаза.

Посреди зеленого сияния они разглядели синие частички света, собирающиеся возле коленей Скай Рейкер. Частичек становилось все больше, они потянулись вниз. Соединились в нечто цилиндрическое, сужающееся книзу, стали плотнее, сформировались во что-то, напоминающее ноги –

ПШШШШ…

И исчезли, растаяли на глазах, как крупицы льда.

Тут же и зеленое сияние ослабло и угасло вместе с колокольчиковым звоном.

Стоящая в центре безмолвной площадки Лайм Белл покачнулась, будто исчерпав всю энергию. Однако Блэк Лотус тут же очутилась рядом и поддержала ее.

Желто-зеленый аватар, бессильно свесив руки вдоль туловища, хрипло прошептал:

– …Почему… почему… почему… они не вернулись?..

Ответила ей Скай Рейкер, тихо разглаживающая подол платья.

– Это не твоя вина, Белл.

Она покачала головой, утешающе улыбаясь.

– Этот результат лишь доказывает, что за исчезновение моих ног отвечает логика системы, которая по приоритету перекрывает обычную игровую. «Система контроля через воображение»… то есть – система инкарнации…

Харуюки со свистом втянул воздух. Блэк Лотус среагировала куда резче: продолжая поддерживать Лайм Белл, она отвела назад правую ногу, и V-образная маска быстро отвернулась.

Глядя на неподвижно застывших Тиюри и Черноснежку, Скай Рейкер спокойно продолжила:

– Поскольку Белл только в общих чертах слышала про систему инкарнации, ей, возможно, трудно понять, но… три года назад я пыталась через силу воображения увеличить предельную высоту своего полета. В обмен на ноги я хотела дотянуться рукой до неба, и я заключила сделку с богом… нет, с дьяволом. Мое желание исполнилось лишь отчасти. Высота полета увеличилась всего на сто метров… а ноги не возвращались, сколько бы раз я ни ныряла на дуэльные арены. Моя собственная сила воображения не дает им вернуться. Даже я сама не понимаю уже, как это можно исправить. Вот почему это не вина Белл, что я не могу вернуться к тому, что было… и уж тем более не твоя вина, Лотус.

«Если гнаться за силой инкарнации, что-то обязательно потеряешь».

Так когда-то сказала Харуюки Блад Лепард из Красного легиона. В тот момент, вполне возможно, в ее воображении был именно образ Скай Рейкер.

В ответ на ее слова Харуюки тогда сказал: «Я хочу верить. В "силу воображения". Нет… в сам "Брэйн Бёрст"».

Нельзя, чтобы эти слова стали ложью. Ни за что. В том числе и ради этого Харуюки обязан доставить Скай Рейкер на вершину «Гермес Корда».

– …Рейкер-сан.

Он позвал тихо, но с решимостью в голосе. Глядя прямо в глаза-линзы, он твердо произнес:

– Я считаю, что сила команды… сила товарищей по команде не зависит только от того, как аватары умеют драться. Глаза, ум… нет, даже не это; главное – чувство, что мы все выкладываемся по полной программе, потому что мы вместе. Ты помогаешь нам, Рейкер-сан. Просто от того, что ты с нами, мы можем стать намного, намного сильнее. Вот почему… вот почему.

Харуюки со своими ограниченными способностями по части общения смог договорить лишь до этого места. Тем не менее ему удалось все же выплеснуть то, что было у него на сердце. Он сжал руки в кулаки – и тут большая ладонь Сиан Пайла хлопнула его по плечу.

– Хару все верно сказал. Рейкер-сан, ты незаменимая боевая единица в нашем легионе.

Тиюри после слов Такуму тоже энергично кивнула.

– Верно, сестрица! Мы сильнее всех, когда все впятером, вместе!

И наконец вперед шагнула Черноснежка.

– Вот так, Рейкер. Все так и есть.

Командир «Нега Небьюлас» говорила тихо, в голосе ее слышалась спрятанная глубоко в душе боль.

– Я уже говорила тебе. Ты нужна мне. Всегда… Я скажу так, чтобы было понятнее: в завтрашней гонке, если тебя с нами не будет, мы не сможем выложиться полностью. Одного этого достаточно, чтобы ты участвовала с нами.

Хотя слова эти и звучали довольно-таки надменно, они несли в себе мощную пробивную силу.

Глаза Скай Рейкер на миг распахнулись; потом она слабо, но грустно улыбнулась – и покачала головой в белой шляпе, будто говоря: «Ну и ну».

– Лотус, твоя манера разговора с нашей первой встречи совершенно не изменилась.

Потом она опустила глаза и погладила коленку правой рукой.

– …То, что потеряно, уже не вернется. Но есть вещи, которые блестят, даже когда испачканы… Возможно, у меня еще осталось право верить в это… нет – право желать, чтобы так было…

Ее шепот, громкий ровно настолько, чтобы он мог считаться звуком, медленно выплывал из-под полей шляпы. И Харуюки показалось, что он увидел маленькую искорку, сорвавшуюся в воздух.

Но когда Скай Рейкер подняла голову, на лице ее была лишь обычная ласковая улыбка.

– …Спасибо вам, Лотус, Пайл, Белл… и Кроу. Я принимаю ваши чувства. …Однако, – тут ее выражение лица стало озорным. – Раз уж я участвую, вам придется выбросить наивные мысли о том, что можно прийти к финишу вторыми или третьими. Мы или победим, или сгорим в небе.

Иишшшш.

Глядя на резко выпрямившегося Харуюки, Такуму с Тиюри весело рассмеялись.

Вы двое ни черта не знаете, какой страшной она может быть!

Так крича в душе, Харуюки наконец тоже сумел изобразить улыбку – хоть и немного натянутую, но совершенно искреннюю.

Глава 6

Произнеся команду «Бёрст аут» и вернувшись с арены в реальный мир, Харуюки тут же ощутил навалившуюся на него силу тяжести. Глаза он открыл не сразу.

Секунд десять он просто лежал, потом наконец поднял голову.

Было шесть вечера, и в гостиной висела такая мертвая тишина, что разговоры и смех, которыми Харуюки только что обменивался с друзьями, казались какой-то иллюзией.

Свет не горел, и в комнате было хмуро. В щель между приоткрытыми шторами виднелся кусочек свинцового вечернего неба. Единственное, что двигалось в поле зрения Харуюки, – секундная стрелка на аналоговых настенных часах, являющихся в наше время не более чем украшением.

Харуюки тихо вздохнул и откинулся на спинку дивана.

Легион старался по возможности нырять для субботних территориальных сражений, собравшись вместе в реале, но когда времени на это не было, они ныряли каждый из своей квартиры (или где кто находился в этот момент). Хотя один бой в «Brain Burst» длится всего 1.8 секунды, но сражаться приходится больше десяти раз подряд, и вместе с перерывами между боями это занимает почти десять минут. Сегодня как раз был такой день, когда все ныряли поодиночке, потому что Черноснежка не могла покинуть комнату студсовета. …Ну, разумеется, Скай Рейкер почти всегда ныряла отдельно, потому что жила рядом с Сибуей.

Харуюки никогда не нравилось участвовать в территориальных сражениях, ныряя из дома, где больше никого не было. Причина была проста. Всякий раз, когда он, выложившись в десятке жестоких боев и разделив с друзьями радость победы или горечь поражения, возвращался в реал и пробуждался в пустой квартире, на него накатывало безумное чувство одиночества.

Это не было сверходиночество, которое он испытывал до прошлой осени, до того, как познакомился с Черноснежкой и получил от нее «Brain Burst». По правде сказать, так было бы лучше. Тогда он каждый день сразу после уроков возвращался домой, будто сбегал, и тут же окунался с головой в мир игр, аниме и манги, заполнявших его комнату. Тогда ему было больно даже говорить с людьми в реальном мире – нет, даже находиться с ними в одном и том же месте.

Почти восемь месяцев.

Всего лишь столько времени он был Бёрст-линкером. И тем

не менее сейчас Харуюки всем сердцем чувствовал, что хочет встретиться с друзьями из легиона, с которыми расстался всего несколько минут назад. Да нет, пусть не из легиона, пусть с Нико, Пард-сан, Эш Роллером, даже Фрост Хорном. Он хотел поговорить языком кулаков на дуэли, хотел пообсуждать с другими зрителями бои, хотел встретиться с другими в реальном мире, поговорить с ними о всякой ерунде.

– …Что со мной стало? – пробормотал Харуюки и зарылся лицом в диванную подушку. Внезапно в центре его поля зрения открылось какое-то окно со звуковым эффектом домашней сети, но он тут же стукнул по кнопке «Да», не взглянув на содержимое. Скорее всего, это автоматическое сообщение от матери, что она опять будет поздно. Тут же выкинув это из головы, он мысленно продолжил думать над вопросом, который только что сам себе задал.

Я стал сильнее или слабее?

Если учесть, что его страх перед другими людьми поутих, можно сказать, что Харуюки стал сильнее. Однако в то же время он стал и больше зависеть от других.

Когда он целыми днями был один, ему было нечего терять.

Но сейчас Харуюки боялся, всем сердцем боялся, что связи, которые у него сложились за последние восемь месяцев, могут разорваться.

Особенно одна нить, которая шла наружу из самой глубины его души, сияя, как черный шелк…

Даже понимая, что думать так опасно, он не мог остановиться. Зажмурившись, он бухнулся лицом вниз на диван в полусумрачной гостиной и продолжил крутить в голове мысли, обхватив затылок руками.

На другом конце той нити была, разумеется, та, кто спасла Харуюки, его Родитель – Черноснежка.

Сейчас Черноснежка училась в третьем классе средней школы Умесато. И половина первого семестра уже прошла. Иными словами, осталось десять месяцев. Всего через триста дней Черноснежка покинет школу Умесато. Харуюки ничего не знал о том, в какую старшую школу она собиралась поступать дальше. Он слишком боялся спрашивать.

Даже сейчас Харуюки ощущал, как время утекает капля за каплей, как будто оно ускорилось в тысячу раз. Если бы только он мог, то провел бы все оставшиеся десять месяцев в Ускоренном мире вместе с Черноснежкой. На той стороне время течет почти бесконечно долго, восемь месяцев равны 820 годам, если простой подсчет не обманывает; но и этого ему казалось мало.

– …Семпай, – прошептал он, еще крепче вцепившись в края

подушки.

– Хмм, что?

Он представил себе, что слышит ее голос здесь, рядом. По-прежнему лежа лицом вниз, Харуюки повторил то же слово, чтобы снова услышать ответ воображаемой Черноснежки.

– Семпай…

– Я уже спросила, что такое, Харуюки-кун?

Голос ее звучал невероятно ласково и так реалистично. Харуюки тяжело развернулся всем телом влево, желая выяснить, насколько далеко зашли его галлюцинации.

Прямо перед его глазами, в полуметре от дивана, обнаружились две ноги в черных чулках.

Несколько раз моргнув, он сдвинул взгляд выше. Там правда оказалась шикарная юбка до колен. Потом влажно блестящая черная блузка с коротким рукавом и бордовый бант.

Тонкая шея с лаково-черным нейролинкером, длинные черные волосы, чарующе спадающие за спиной, даже склоненное чуть набок белое лицо, обладающее неземной красотой; все это заполнило поле зрения Харуюки, создавая непередаваемое ощущение реальности.

…Уааа, как же здорово я навострился обманывать самого себя. Подумать только – такая четкая иллюзия. Или это появилось из памяти моего нейролинкера, пока я был в отключке? Но у меня что, правда есть ее фотка в таком высоком разрешении?..

Одновременно с этими размышлениями Харуюки вытянул руку, схватил край плиссированной юбки и дернул.

Даже реалистичная текстура ткани, даже вес и упругость тела под ней передались его пальцам; едва он успел подумать «так, посмотрим…» –

– Няаааа?!

Раздался вопль, и его правую руку что-то отбросило. И дальше.

– Что… что ты делаешь, ГЛУПЫЙ!!!

Упрек с грохотом обрушился на Харуюки, и одновременно к нему потянулись две тонкие руки, схватились тремя пальцами каждая за его щеки и безжалостно потащили вверх.

– Иии… Хафуэ?!

Испустив этот потрясенный вопль, Харуюки наконец осознал.

Она настоящая. Не иллюзия, не фотка, не образ ДР. Самая настоящая Черноснежка внезапно возникла в гостиной Харуюки и теперь сердито поднимает брови. Но почему, но как? Телепорт, что ли? Или даже квантовая когерентность?

Секунд тридцать Черноснежка тянула его за щеки, потом

плюхнулась на диван лицом к Харуюки и начала читать нотацию.

– Эй, слушай, я, знаешь ли, позвонила в дверь, как положено! И раз ты отпер дверь, даже не поздоровавшись, мне осталось лишь просто войти. Я даже поздоровалась с тобой нормально, голосом, когда стояла в дверях!

– …Хааа?

Ну да, когда он зарылся головой в подушку, закрыл уши руками и думал о том о сем, какое-то окошко там открылось. Он решил, что это мэйл от матери, и нажал кнопку подтверждения, даже не взглянув, что в окне было на самом деле; но, судя по всему, это было извещение от интеркома.

Сделав мысленный вывод, что ставить один и тот же звук по умолчанию на все сообщения было ошибкой и что в будущем следует звуки сменить, Харуюки затем выпрямился и снова раскрыл рот.

– Ээээ… Добро пожаловать, семпай.

– Пфф. Прошу прощения за вторжение, – все еще дуясь и поправляя юбку, ответила Черноснежка. Хорошо, что Харуюки ее потянул вниз, а не вверх – иначе таскaнием за щеки он бы точно не отделался.

Пока Харуюки так размышлял, он вдруг осознал, что его думательные шестеренки по-прежнему крутятся как-то странно. Проблема вовсе не в этом; а также не в том, как Черноснежка оказалась у него дома. В первую очередь следовало выяснить вот что.

– …Т-так, это… почему ты вдруг пришла?.. – робко спросил он.

Судя по школьной форме, а также по лежащей на полу школьной сумке, Черноснежка пришла сюда прямо из школы Умесато. Если бы ей надо было что-то сообщить, она бы это сделала раньше, когда весь легион собрался вместе после территориальных сражений; либо она могла послать ему мэйл, либо позвонить. Значит, это какой-то вопрос, который она не могла обсуждать ни одним из тех способов.

– …Надо… о чем-то поговорить с очень высоким уровнем безопасности? – предположил он. Однако Черноснежка качнула головой и пожала плечами.

– Ничего такого важного… А что, я не могу просто зайти поиграть время от времени? Хотя Такуму-кун и Тиюри-кун, по-моему, к тебе заходят часто?

Щеки Харуюки вновь затеплели, и он отчаянно замотал головой.

– Н-нененене, совсем нет, совсем нет! Я, я, я, я жутко рад. Можешь заходить каждый день, если хочешь, можешь даже

вообще п-п-п-переехать сюда, стоп что я несу а ну да прости я сбегаю принесу чай! Я прямо сейчас сделаю ты пока присядь стоптыжеужесидишьойпрости!

Поскольку Харуюки начал говорить о вещах, которые сами не произойдут, если он так и продолжит говорить, он вскочил – точнее, скатился – с дивана и сбежал в кухню. За спиной раздалось «ничего, ничего» и неловкий смешок; и лишь когда он это услышал, напряжение потихоньку стало его покидать.

Она пришла не для того, чтобы сверхконфиденциально обсудить что-то важное касательно легиона, а всего лишь зашла поиграть по пути домой. Как простая одноклассница, заглянувшая в гости. Как обычная ученица средней школы.

Харуюки с трудом удержал улыбку, которая так и лезла на губы, и, достав пакетик самого дорогого кофе в зернах, купленного матерью, сыпанул из него в перколятор.

Затянутое облаками небо за окном сменило цвет с серого на ночной черный, а Харуюки все продолжал болтать с Черноснежкой, будто в трансе.

О сегодняшних территориальных сражениях. О свежей информации насчет Ускоренного мира. О завтрашней гонке.

Они не ограничились темами, связанными с «Brain Burst»; слухи и события в школе, местные новости Сугинами, даже анонс новых моделей нейролинкеров, которые производители выпустят летом 2047 года, – обо всем этом они говорили, и говорили, и говорили.

– …Но мне кажется, большие и многофункциональные нейролинкеры, которые сейчас выпускают, – это они ставят телегу впереди лошади. Ведь этот гаджет изначально задуман таким удобным, что ты его перестаешь чувствовать на шее! А новая модель «Хитас», которая недавно вышла, даже снабжена съемным внешним контейнером!

– Ху-ху, я понимаю, что ты чувствуешь. Но сможешь ли ты повторить то же самое, когда взглянешь на характеристики? По слухам, вынеся разъем наружу, они смогли поместить туда CPU от стационарных компьютеров.

– Ммм… н-нет, процессор может быть каким угодно крутым, это ведь в дуэлях «Брэйн Бёрста» не дает преимущества, правда?

– Хмм, ну, можно сказать и так. Но еще я слышала краем уха, что у игроков с новыми нейролинкерами обработка эффектов просто шикарная…

– Правда?! Нечестно, это нечестно!

– Ну а что, ведь нельзя сказать, что у них процент побед сразу идет в гору, потому что у них картинка красивее. Кстати, я

решила тоже сменить свой линкер на новую модель от «Ректо», которая выйдет в будущем месяце.

– Уааа, это совсем нечестно! С-семпай, а можно я тоже твоим попользуюсь чуточку?..

– Эй, эй, чужими нейролинкерами пользоваться нельзя. И даже если бы я тебе его одолжила, он бы тебе на шею не налез, ха-ха-ха…

Так здорово.

От одной мысли, что Черноснежка сейчас принадлежит ему одному, сидит напротив него на диване, кивает, смеется, держит одной рукой чашку кофе – Харуюки взлетал на седьмое небо.

Он продолжал без памяти тонуть в радости общения под названием «беседа лицом к лицу в реальном мире». В наши дни такой стиль общения – большая роскошь, а кроме того, еще полгода назад у него от нервов это очень фигово получалось. Вот почему он не замечал. Тень грусти мелькала в глазах Черноснежки время от времени.

Прошло два часа.

Время, которое хорошо бы тянулось бесконечно, оборвалось низким урчанием в животе Харуюки.

– Ой… уже так поздно. Я засиделась, тебе, наверное, пора ужинать.

Услышав эти слова, Харуюки отчаянно замотал головой.

– Не, не, все нормально! Я вовсе не хочу есть.

ГРРРР.

Тело вновь предало дух, недовольно заурчав. С мыслью «вот почему я ненавижу это тело!» Харуюки прикрыл живот руками, но взять под контроль непроизвольное поведение внутренних органов было затруднительно.

– Ху-ху, это вполне естественно. Поскольку ты очень активно участвовал в сегодняшних боях, ты потратил много энергии. Тебе нужно восполнить ее перед завтрашним днем.

Улыбаясь, Черноснежка встала. Больше всего на свете Харуюки хотел сказать: «Тогда, может, хотя бы поужинаем вместе?» – но все, что он мог предложить, это замороженная пицца, замороженная дория и пять вариантов замороженного жареного риса по-китайски. При всем желании он не назвал бы это меню подходящим для гостей.

Пока Харуюки в муках размышлял на эту тему, Черноснежка подобрала с пола сумку и пошла к двери гостиной.

Ее шаги –

На миг ее шаги показались Харуюки чуть тяжелее, чем ее обычная величавая походка. Игла понимания прошила мозг Харуюки.

Неужели она на самом деле пришла, потому что хотела поговорить о чем-то другом?

А я просто болтал о всякой ерунде и забил этим все время? Неужели я так увлекся собственным счастьем и восторгом, что не заметил чего-то важного?..

Мигом забыв про голод, Харуюки раскрыл рот.

Но слова наружу не вышли. Как он мог в такой ситуации спросить, не заботит ли ее что, как будто напоследок? Он должен был заметить это еще час назад, ну хотя бы полчаса. Он должен был захлопнуть свой болтливый рот и ждать, пока Черноснежка что-то скажет.

Не отводя взгляда от спины Черноснежки, приближающейся к стеклянной двери в коридор, Харуюки безмолвно молился. *Господи, пожалуйста, дай мне еще шанс.*

И тут откуда-то донесся низкий раскатистый грохот.

Источником, конечно, был уже не живот Харуюки. Это был гром. Дернув головой, Харуюки выглянул в окно, он увидел, что густые облака, слабо отражающие огни ночного Токио, были в два-три раза белее, чем раньше. И тут же снова раскатился гром, причем ближе, чем в прошлый раз.

Глядя на капли дождя, разом высыпавшие на оконном стекле, и на затуманившиеся неоновые огни, Харуюки сипло выдавил:

– …Это, семпай… там дождь очень сильный.

Черноснежка остановилась и, искоса глядя на Харуюки, прошептала:

– А прогноз говорил, что до двенадцати вероятность дождя не выше десяти процентов… Такие ошибки редко случаются.

– Эммм… у тебя есть зонтик?

– К сожалению, нет, как видишь. Прости, но…

Она развела пустыми руками, и Харуюки поверил, что вот сейчас она продолжит фразу словами: «Можно я у тебя его пережду?» – однако.

– …Можно я у тебя зонт возьму на время?

– Э… ага, да, не вопрос.

Деревянно кивнув, Харуюки с неохотой зашагал к двери, но тут случилось еще кое-что, от чего ноги Харуюки сами остановились.

В левой части поля зрения выпрыгнуло окошко с пометкой в виде желтого восклицательного знака.

– А… предупреждение о высокой вероятности молний и о сбоях в сети в Сугинами и Сэтагае.

– Да. Вряд ли, конечно, в меня ударит молния, но… ненавижу лаги в сети, когда я в дороге…

И Черноснежка пожала плечами. Когда идешь по улице с

интенсивным движением, очень удобно постоянно иметь перед глазами выводимую нейролинкером ДР-информацию – о движении в ближайших окрестностях, об оптимальном маршруте до места назначения и так далее, вплоть до пройденного расстояния и затраты калорий; но когда сеть в плохом состоянии, лаги, наоборот, затрудняют ориентацию.

– Хммм… но уже так поздно…

Черноснежка, которая обычно принимает решения и действует быстро, глядела на виртуальные часы и говорила необычным для себя неуверенным тоном. Харуюки следом за ней тоже глянул в нижний правый угол поля зрения. Было 20.07 – очень деликатное время, которое не назовешь ни ранним, ни поздним вечером.

Двое продолжали неловко стоять посреди гостиной под шум дождя и раскаты грома, приглушенно доносящиеся из-за окна.

Харуюки вдохнул и несколько раз открыл-закрыл рот. Но всякий раз слова отказывались рождаться. Вовсе незачем было держаться так скованно. «Подожди хотя бы, пока дождь не перестанет и тучи не разойдутся». Это же совершенно естественное и безвредное предложение, да? Почему же тогда у Харуюки сердце так дико разогналось?

Он не видел выражения лица Черноснежки, стоящей в двух метрах вполоборота. Там колебание, безразличие, напряжение или, может, ожидание чего-то?..

Пим-пон.

Услышав выставленный по умолчанию звуковой сигнал домашней сети, Харуюки съежился от неожиданности.

На этот раз появившееся в середине его поля зрения окно содержало текстовое сообщение, присланное через домашний сервер. Отправитель – мать. Заголовок – «Вернусь завтра вечером». Содержание – «Сегодня не смогу вернуться, побудь дома один».

Третье чудо подряд. Впрочем, это на «чудо» не очень-то тянуло. Перед выходными мать Харуюки в половине случаев возвращалась домой уже за полночь, а в половине вовсе не возвращалась. Однако для Харуюки главным чудом было то, в какой момент пришло это сообщение. Он закрыл окно и выдавил через непослушное горло:

– Эээээ-это… Ме, меня это совершенно не зат-т-т-труднит. То есть, ээээ, ну…

Харуюки отчаянно пытался придумать, как сказать Черноснежке о мэйле матери, чтобы это не прозвучало как предложение, но тут девушка сама взяла быка за рога:

– Нет, скоро ведь придет твоя мать, и я вам буду мешать. Так

что я все-таки пойду…

Едва Харуюки это услышал, несколько предохранительных клапанов в его мозгу разом лопнули, и слова выскочили изо рта сами собой:

– Не, н-н-не беспокойся! Потому что мать сегодня не в-в-вернется!

В его мозгу тут же проскочила мысль: «О нет, это было слишком прямолинейно, это все равно что я прямо ей сказал, что хочу, чтобы она осталась у меня и переждала дождь», – и он ударился в еще большую панику, но –

Даже когда Черноснежка услышала эти слова, она лишь чуть вздрогнула. Потом развернулась на пол-оборота и, глядя на Харуюки искоса, прошептала:

– …Ясно. Тогда – еще раз прошу прощения за вторжение. Я воспользуюсь твоим предложением.

– Ни-ни-ни-ни-ничего, все в п-п-п-порядке!

Лихорадочно кивая, Харуюки мысленно возблагодарил мать с ее воспитательной политикой суперневмешательства. А затем принялся молиться, чтобы грозовые тучи над головой задержались еще, пусть хоть на лишнюю секунду. Если возможно, хорошо бы на часок, ну хотя бы на полчаса…

Тем временем Черноснежка снова зашагала к двери и чуть быстрее обычного проговорила:

– Если подумать, мы же завтра все равно здесь встречаемся, если я сейчас уйду, это будет просто трата времени.

– Д-да, ага. Это правда было бы жутко неэффективно…

…Э?

Нет смысла уходить, потому что все равно она придет завтра? Стоп, что она имела в виду?

Харуюки застыл как истукан в неудобной позе; а Черноснежка положила сумку на стул и –

– Я тогда прогуляюсь до магазина внизу.

Оставив эти слова, она покинула квартиру.

Дальше, по идее, Харуюки должен был приготовить на ужин лучшую пиццу «Маргарита», которая была у него в морозилке, сделать еще одну чашку кофе и смотреть ночные новости, сидя на диване; но воспоминаний о том, как он все это делал, у него почти не осталось.

Придя в себя, Харуюки обнаружил, что сидит в гостиной один.

Однако, по-видимому, все произошедшее ему не почудилось – из ванной, расположенной через коридор, доносилось слабое гудение фена.

Синапсы в его мозгу, скучавшие последние два часа, наконец-то врубили первую передачу, и мысли Харуюки задвигались, начиная с того самого места, где оборвались.

«Если я сейчас уйду, это будет просто трата времени». Следует ли это понимать так, что она не собирается возвращаться домой до завтрашней гонки? Тогда, значит, это неизбежно приводит к тому, что Черноснежка останется здесь на ночь? Иными словами, она «остается с ночевкой»? Такая ситуация вообще допустима с точки зрения закона и этики, хоть они и всего лишь ученики средней школы? Но по-другому ведь ее слова не интерпретируешь, правда?

…Нет, не смей трястись! Даже в таком положении ты должен сохранять спокойствие! В конце концов, это не первый раз, она уже оставалась с ночевкой, и никаких таких чувств тогда не было; да, но тогда здесь была еще Нико, более того, они спали в гостиной после марафона с древними играми…

– Спасибо, что позволил воспользоваться ванной.

Дверь гостиной внезапно открылась, заставив Харуюки подпрыгнуть на месте и повернуть голову на источник голоса с такой быстротой, что он чуть шею себе не сломал.

Черноснежка была в простой тускло-серой пижаме. Видимо, она ее купила в магазине на первом этаже дома. Растирая полотенцем волосы за затылком, она с легкой улыбкой продолжила:

– Почему-то у меня становится все больше и больше пижам.

– А-ага… ну, тогда тебе лучше просто оставить здесь одну.

Это Харуюки сказал на автомате, и только потом до него дошло, что именно он сказал.

– Не, я, я, я, я вовсе не это имел в виду, я в-в-в-вовсе не хотел сказать, что хочу, чтобы ты еще осталась на ночь из-за грозы, не-не-нет, я не имею в виду, что мне это не нравится или типа того, просто, это, нууу…

Харуюки беспорядочно махал руками и тряс головой. Черноснежка широко (хотя и немного смущенно) улыбнулась и спасла его:

– Может, тоже примешь ванну, пока вода не остыла?

– Да! Точно!

Слетев с дивана, Харуюки на полной скорости сбежал из гостиной.

Приняв ванну (хотя из-за пара в воздухе, оставшегося после купания Черноснежки, его опять охватило замешательство), он вместо пижамы надел тренировочный костюм и начал тщательно раздумывать, какой из нескольких имеющихся вариантов действий выбрать.

Ответ, к которому он в конечном итоге пришел, был –

– Эмм, семпай, пожалуйста, заночуй в комнате моей матери! Дверь в самом конце коридора! Ну и, т-т-тогда, спокойной ночи!

Промямлив это от входа в гостиную, он тут же закрылся в своей комнате и спрятался под одеяло с головой – что, если подумать, было малость… да нет, совершенно постыдно с его стороны.

Он смутно догадывался, что Черноснежка решила остаться на ночь, потому что хотела о чем-то поговорить. Однако Харуюки не верил, что сможет сохранить спокойствие, сидя лицом к лицу с Черноснежкой-в-пижаме. Его мозг и так уже перегрелся – скорее всего, он будет нести околесицу, говорить про сто бессмысленных вещей, вместо того чтобы просто молчать. Мало того – ничего странного не будет, если он сразу же вырубится от гипервентиляции, дегидратации и аритмии.

Если все должно так закончиться, то уж лучше он вместо этого спрячется в своей комнате и спрячет голову под одеяло. По крайней мере тогда у него не останутся на всю жизнь воспоминания, от которых он впоследствии будет орать «уааа!» или «гяааа!».

Впервые за долгое время врубив режим затворника, изо всех сил втопив педаль заднего хода, Харуюки продолжал лежать скрючившись в постели и скрипеть зубами от презрения к себе. *А я еще думал, что стал сильнее. Всего лишь мое воображение.*

Вот почему минут десять спустя, когда он услышал легкий стук в дверь и слова «Можно немного поговорить с тобой?», он был безумно удивлен, что не стал притворяться спящим.

Вместо этого Харуюки сел на кровати и, сделав глубокий вдох, прогнал изнутри себя слабость, после чего хрипло, но отчетливо произнес:

– Заходи.

Черноснежка открыла дверь и беззвучно вошла. Почему-то в руках она держала одну из больших подушек с дивана в гостиной. Окинув комнату взглядом, она быстро подошла к кровати Харуюки и села на краешек спиной к нему.

– Я думала, ты скажешь «нет», – тихо сказала Черноснежка. Харуюки так же тихо ответил:

– …Я тоже так думал.

– Почему ты передумал?

– Хмм… это…

Харуюки был на удивление спокоен. Наоборот, в этой невероятной ситуации он ощущал прилив какой-то безмятежности. Возможно, от облегчения, что он в последнюю секунду не совершил ужасную ошибку.

– …Потому что я уверен, что ты хочешь поговорить о чем-то очень важном, семпай.

– Да, и ты, после того как это заметил, решил быстренько удрать и заснуть?

Увидев, как ее хрупкая спина вздрогнула и застыла, Харуюки заскреб рукой в затылке и извинился.

– П-прости.

– …Ладно, я тебя прощаю, раз уж ты все-таки пустил меня к себе в комнату.

Напряжение ушло из плеч Черноснежки, и она, чуть развернувшись, взглянула на сидящего в середине кровати Харуюки. Лицо ее было ласковым, но, как он и ожидал, тень печали, прятавшаяся в этом лице все последнее время, никуда не делась.

Черноснежка подняла руку и погладила тонкими пальцами лаково-черный нейролинкер у себя на шее. И одновременно тихо прошептала:

– «Те, у кого не остается очков и кто теряет "Брэйн Бёрст", вместе с тем теряют и все воспоминания о нем».

У Харуюки перехватило дыхание. Черноснежка говорила о системе сохранения «Brain Burst» в тайне, в существовании которой и она, и Харуюки убедились без малого два месяца назад. Для проигравших это было спасение, но в то же время и высшая форма наказания.

Опустив голову, Черноснежка улыбнулась; ее улыбка таила в себе смесь самых разных чувств.

– Это раньше были только слухи, но, когда я увидела, что это правило есть на самом деле и никаких сомнений просто не могло оставаться, мне стало очень страшно. Потому что если кто-то из других королей хоть раз меня одолеет, в тот самый момент я полностью забуду, кто я есть. Но, Харуюки-кун. В то же самое время мне… стало легче на душе…

Харуюки пришел в замешательство – смысла этих слов он не понял. Черноснежка с еще большей силой сжала подушку у себя на коленях и продолжила, опустив голову:

– …Два с половиной года назад во время встречи королей я внезапно атаковала одного из них и навсегда изгнала его из Ускоренного мира. С тех самых пор я в самой-самой глубине души боялась. Я думала, что он… тот мальчик, который был когда-то Красным королем первого поколения, Ред Райдером, живет где-то в Токио и ненавидит меня.

Харуюки шумно втянул воздух.

Эту историю он уже несколько раз слышал. Более того, он даже видел однажды запись того, как это было. И он должен был

понимать, какой громадный шрам то убийство оставило на сердце Черноснежки; но он по глупости решил, что она уже перетерпела эту боль.

Невольно подавшись всем телом к сидящей на левом краю кровати Черноснежке, Харуюки быстро сказал:

– Но… даже если внезапная атака… это ведь была законная атака, по правилам? И кроме того, у него ведь тогда еще не было договора о ненападении с другими командирами легионов. Раз так, он не должен был тебя ненавидеть –

Черноснежка мягко, но решительно покачала головой и перебила отчаянное словоизлияние Харуюки.

– Неверно, Харуюки-кун.

– Э… не… неверно?..

– Прием, которым я отрубила голову Ред Райдеру, – моя спецатака восьмого уровня «Дес бай эмбрейсинг». Ее дальность всего семьдесят сантиметров, зато она очень мощная. …Однако, какой бы мощной она ни была, ее не хватило бы, чтобы мгновенно убить Райдера, – он ведь был того же уровня, что и я, и защита его была следующей после зеленого и синего, аватаров ближнего боя. Да… думаю, ты уже понял. Я тогда подключила систему инкарнации. Я применила запретную силу, которую все семь королей поклялись не применять после того, как уничтожили Кром Дизастера четвертого поколения…

Харуюки просто не знал, что сказать.

Высокоуровневый интерфейс, спрятанный в глубине «Brain Burst». «Система управления через воображение». Выход за пределы возможностей игры благодаря умышленному использованию этого интерфейса – и есть «инкарнация». Ее мощь невероятна; но в то же время у системы инкарнации есть и страшная, темная сторона. Все знакомые Харуюки игроки высокого уровня говорили ему, что каждый, кто гонится за этой силой, оказывается поглощен мраком, таящимся в собственном сердце. Сидящая перед ним Черноснежка не была исключением.

Ее худенькие плечи поникли еще сильнее, голос стал звучать еще более безжизненно.

– …Райдер имеет полное право ненавидеть меня – я ведь нарушила клятву, которую мы все дали. Я ничуть не сожалею, что решила сражаться с остальными королями, но все равно мои руки до сих пор запачканы ощущением той самой атаки… Вот почему, Харуюки-кун, я долгое время упрямо не верила в слух, что бывшие Бёрст-линкеры теряют воспоминания об Ускоренном мире. Потому что я не могла позволить себе цепляться за этот слух, не могла позволить себе чувствовать себя лучше. Однако два месяца назад, когда я убедилась, что стирание памяти – не

слух, а правда… у меня как камень с души свалился. Я поняла, что Райдер не помнит, что был когда-то Красным королем и что он перестал им быть из-за моего предательства, и я совершенно искренне радовалась этому. Ох… какая же я безнадежная трусиха…

И Черноснежка еле слышно хихикнула. Сейчас, в пижаме, она выглядела необычайно слабой и беззащитной. Харуюки собрал то небольшое количество смелости, что у него было, и придвинулся к ней еще на пять сантиметров.

Конечно же, брать Черноснежку за руку он не стал, но по крайней мере заговорил, стараясь изо всех сил донести то, что думал.

– Се… семпай. Эмм, по-моему, про это никто не знает – ну, про то, что это стирание памяти существует, – как раз потому, что если знать, оно сильно давит, когда сражаешься. Но… но мы об этом уже знаем. И теперь мы должны драться и при этом понимать, что так может получиться. Поэтому… то, что тебе стало немного легче, – это не трусость… это, я думаю, вполне нормально.

Черноснежка приподняла голову и кинула взгляд на Харуюки. На бледных губах появилась страдающая, но все равно ласковая улыбка.

– …Понятно. Такое логичное рассуждение как раз в твоем стиле. Все верно, ты и должен сражаться и при этом верить, что так и есть… Но у меня, думаю, уже нет такого права…

– По… почему?!

– Потому что… не один только Райдер навсегда потерял что-то от моих инкарнационных атак.

Харуюки заморгал, потом нахмурился и спросил:

– Ты… имеешь в виду четвертого Кром Дизастера? Н-но с ним же по-другому было никак, правда?

– Нет, не его, – Черноснежка слабо покачала головой; влажные волосы колыхнулись.

Несколько секунд спустя она тихим, как вздох, голосом, продолжила:

– Мою… старую подругу. Единственного человека, с которым я была дружна в реальном мире, прежде чем сделала тебя своим Ребенком… Фуко, нет – Скай Рейкер.

– …Э?..

– Ноги Рейкер не восстановились даже от «Цитрон колла» Тиюри-кун после сегодняшних территориальных сражений вовсе не из-за того, что ее прием не сработал. А из-за меня. Скорее всего, моя воля до сих пор въедается в раны Рейкер и не дает им залечиться. Как яд… как проклятие.

– Нет! Нет, этого просто не может быть!!! – вырвалось у Харуюки. Мотая головой, он подался вперед всем телом и отчаянно заспорил: – Рейкер-сан сказала, что она сама тогда настояла, семпай. Ты до последнего пыталась ее разубедить, но Рейкер-сан никак не хотела передумать, и тогда тебе пришлось отрубить ей ноги… разве было не так?!

– Это вроде бы правильно, на первый взгляд… – прошептала Черноснежка, зарывшись лицом в подушку, которую сжимала в руках. – Но… тогда мне было двенадцать лет, и я была гораздо большим ребенком и большей дурой, чем сейчас. Я не понимала ее чувства, когда она выбрала… просто не смогла не выбрать небо вместо того, чтобы сражаться рядом со мной как заместитель командира легиона. В конце концов, когда я поняла, что Рейкер никогда не передумает, мне было грустно… и я сердилась… и все это я зарядила в клинок своей правой руки и отрубила ноги Рейкер. Тогда во мне совершенно точно была мысль: «Ну раз так, то и оставайся без ног навсегда». Это и стало проклятием, которое висит до сих пор. Так же, как глубоко спрятанная ненависть первого Дизастера создала в прошлом «Доспех бедствия»…

Черноснежка сдавила подушку еще крепче. Тихий, надтреснутый голос заполнил сумрачную спальню.

– …Сила воображения, которой пользуетесь вы с Рейкер, – воплощение «надежды». А я другая. Я перезаписываю факты противоположной силой… силой «гнева», «обиды» и «отчаяния». Я ничего не строю, ничего не создаю – я только все режу и все теряю. И мой аватар – это уродливое чудовище, которое это подчеркивает… И все в возрожденном, нет, в «Нега Небьюлас» второго поколения, который ты воскресил, – вы все пропадете когда-нибудь, если и дальше будете оставаться со мной… это наверняка…

Вторая половина ее слов прозвучала еще тише – настолько тихо, что Харуюки казалось, что он не голос Черноснежки слышит, а непосредственно ее самоосуждение.

Неправильно. Неправильно. Совершенно неправильно.

«Отчаяние» и «потеря» просто не могут быть твоей истинной натурой. Потому что меня ты спасла. Ты протянула руку и выдернула меня с самого дна чернющей трясины, в которой я барахтался. То, что ты мне дала, – просто потрясающее «избавление»!

Харуюки прокричал все это мысленно, но облечь ураган своих эмоций в слова он был неспособен. Стиснув зубы, он отчаянно искал, как же ему передать Черноснежке, насколько спасительными для него были она сама и «Brain Burst».

Через пять секунд он додумался до ответа –

– …Семпай, – тихо позвал Харуюки и протянул Черноснежке то, что достал с уголка прикроватной полки.

Это был серебряный XSB-кабель. Сжимая один штекер в левой руке, а другой в правой, протянутой в сторону Черноснежки, Харуюки сказал:

– Семпай, пожалуйста, подуэлься со мной. Тогда ты обязательно поймешь. Поймешь, как… как… – он был не в силах больше сдерживать распирающие его чувства, и на его глазах проступили слезы. Хлюпая носом, он сделал глубокий вдох и дрожащим голосом продолжил: – …Как ты мне дорога.

Черноснежка подняла голову и вгляделась в Харуюки расширившимися глазами. На лице ее сперва был написан шок, потом нерешительность, потом страх – и наконец она улыбнулась легкой, но полной боли улыбкой.

– …Ты постоянно меня удивляешь, – прошептала она и взяла штекер.

Но вместо того, чтобы вставить его в свой нейролинкер, она сдвинулась на кровати и села в сэйдза прямо перед Харуюки. Запах мыла и шампуня защекотал его ноздри, и, несмотря на ситуацию, мысли Харуюки запрыгали.

– Если подумать, мы в первый раз…

Оборвав фразу на этом месте, Черноснежка поднесла свой штекер к разъему на нейролинкере Харуюки.

– …Д-деремся один на один, – закончил ее слова Харуюки и, борясь с дрожью в руке, тоже поднес штекер к нейролинкеру Черноснежки. Сидя голова к голове, они вставили штекеры одновременно. Перед глазами вспыхнуло предупреждение о проводном соединении.

Купаясь в ощущении, что они прикасаются не только к цифровым сигналам, но к самому сознанию друг друга, Харуюки тихо произнес команду:

– «Бёрст линк».

Его тонкие ноги, покрытые серебряной броней, опустились на растрескавшийся мраморный пол.

Дом Харуюки превратился в белокаменный храм. Перекрытия и стены исчезли, и получился один-единственный этаж с громадным круглым атриумом. Потолок был где-то в вышине, его поддерживали греческие колонны, стоящие по периметру. Между колонн вливался бледно-желтый солнечный свет.

Арена «Сумерки», та самая, на которой Харуюки получил от Черноснежки первый урок. Кончив разглядывать окружающее пространство, Харуюки посмотрел прямо перед собой – в

двадцати метрах от него неподвижно стоял красивый обсидиановый аватар.

И руки, и ноги аватара представляли собой длинные мечи. Тонкую талию окружала броневая юбочка, похожая на цветочные лепестки; две плоскости, образующие маску, резко блестели.

Бунтарка Ускоренного мира, Черный король Блэк Лотус, стояла без какой-либо стойки, опустив руки и чуть склонив голову. Но все равно от этой стройной фигуры исходило такое давление, что Харуюки показалось, будто он стоит под громадной гильотиной; тонкое тело Сильвер Кроу невольно вздрогнуло.

Нет, в такой ситуацией нельзя поддаваться страху!

Так он крикнул самому себе под серебряной броней.

Харуюки не просто так вызвал Черноснежку на дуэль. Причина была невероятно проста. Он хотел передать ей некое убеждение, которое поддерживало его как Бёрст-линкера.

«Brain Burst» по сути своей – онлайновая игра-файтинг.

А игры существуют ради того, чтобы получать от них удовольствие.

Ради восторга, ради возбуждения, ради страсти. А сетевые игры – еще и ради чувства солидарности, возникающего, когда сражаешься бок о бок с другими игроками. Все имеют полное право на эти чувства. Игры не существуют ради страдания.

Передать это свое убеждение Черноснежке Харуюки мог лишь одним способом: собрать все силы своего тела и духа, чтобы сразиться с ней здесь и сейчас. Он вызовет ее, считающую, что ее аватар и ее воля создают лишь «отчаяние» и что всех, кто скрещивает с ней клинки, это «отчаяние» в конце концов тоже сожрет. И он напомнит ей, что дуэли приносят радость.

Вот почему я…

– Я буду драться всерьез, семпай!!!

С этим возгласом Харуюки рванулся вперед.

Блэк Лотус по-прежнему стояла неподвижно. Однако Харуюки не стал тормозить и, мигом преодолев двадцатиметровое расстояние, на последнем шаге оттолкнулся от мраморного пола с такой силой, что он треснул.

Первой атакой была его коронка – прямой удар левым кулаком; этот удар он нацелил в середину туловища и довернул поясницу и плечи, чтобы вложить максимум силы. Черноснежка в последний миг шагнула назад одной ногой и едва-едва уклонилась.

Несмотря на то, что она приняла вызов Харуюки, все-таки, похоже, ее сдерживала нерешительность. Движениям не хватало привычной резкости. Хотя она и подняла правую руку-меч для контратаки, Харуюки четко видел движущееся острие, как будто в

замедленном кино.

Выпрямив и сжав пальцы правой ладони, он выбросил руку вперед и попытался ей, как кнутом, отбить удар Черноснежки.

Конечно, они никогда раньше не дрались лицом к лицу – зато уже полгода дрались плечом к плечу в территориальных сражениях, и Харуюки знал каждую мельчайшую уязвимость в рукопашном стиле Черноснежки.

Хотя мечи на четырех конечностях Блэк Лотус были устрашающим оружием, равно пригодным для атаки и защиты, все же это были мечи, а значит, их сила обладала определенной ориентацией и направлением. Конкретно – их мощь была сосредоточена только на лезвиях, а боковины, напротив, были относительно уязвимы.

Конечно, сломать такой клинок одним ударом невозможно, но повреждения могут накапливаться. И это единственный шанс одолеть Черноснежку в ближнем бою, который Харуюки сумел найти.

– …Кк!

С этим выкриком Харуюки воткнул свою правую ладонь в щеку меча, наносящего удар – точнее, попытался воткнуть.

Однако соударения, на которое он рассчитывал, не произошло. Вместо этого.

Харуюки был потрясен, испытав некое мягкое ощущение.

Длинный угольно-черный клинок обтек руку Харуюки мельчайшим движением наружу. Харуюки не мог в это поверить – казалось, клинок превратился во что-то мягкое и остановил его руку, обернувшись вокруг нее. Однако в следующий миг –

– Хха! – резко выдохнула Черноснежка и, шагнув вперед, рубанула правой рукой.

Сила, мощная, как взрыв, прошла по руке, плечу и груди Харуюки.

– Что…

К тому времени, когда он успел прохрипеть это слово, его уже безнадежно отшвырнуло назад. Не в силах сохранить стойку, он ударился спиной об одну из колонн. Колонна с грохотом рассыпалась, но Харуюки и тут не остановился, а прокатился по полу еще немного и лишь затем сумел затормозить, растопырив руки-ноги.

– Что… что это сейчас было?!

Медленно приближаясь к нему, паря у самого пола, Черноснежка слегка пожала плечами и ответила:

– Мягкая техника для противодействия жесткой технике… пожалуй, можно описать так. Когда-нибудь я тебе расскажу о том времени, когда я тренировалась в Чайнатауне в Иокогаме…

Ладно, к делу, Харуюки-кун. Ты хотел мне что-то сказать?

Голос ее звучал спокойно, но Харуюки ощутил в этом тоне удушающее одиночество.

Как он и думал – нынешняя Черноснежка была в плену чувств, сидящих в самой глубине ее сердца. «Мой боевой стиль может создавать только негативную энергию. Я не могу дать своему противнику по дуэли ни радость битвы, ни чувство единения». Вот во что она верила.

Нет, это неправильно!

Прямо сейчас мое тело просто жутко дрожит. И не от страха. Меня трясет от мысли о том, какой сильный человек стоит передо мной… и от того, что этот человек со мной сражается.

Харуюки удержался от желания выкрикнуть это и сжал кулаки.

Словами он не сможет дать ей понять. Потому-то он и попросил о дуэли. И в такой ситуации никак нельзя разваливаться от того, что один разок его отшвырнули. Нельзя останавливаться, пока он не выплеснет себя полностью.

– …Я тебе расскажу кулаками!

С этим возгласом Харуюки вновь ринулся вперед.

Атака, которая только что отправила его в полет, стоила ему примерно 20% хит-пойнтов. Зато взамен подзарядилась шкала спецатаки. На бегу он одну за другой развернул металлические пластины за спиной.

Он отбросил план контратаковать мечи Блэк Лотус с боков. Вместо этого он поставил все на трехмерную атаку с нулевой дистанции, которую втайне отрабатывал уже долгое время.

– Уу… ооооо!

И с этим воплем он нанес еще один дальний кулачный удар. Черноснежка тоже, как и в прошлый раз, махнула правым мечом вперед. По идее, Харуюки должен был бы получить удар первым из-за разницы в длине рук.

Сверкающее острие меча приближалось, оно уже почти прикоснулось к шлему –

Харуюки коротко дернул левым крылом. Тело Сильвер Кроу скользнуло вправо без малейшего предварительного движения, и клинок скользнул по поверхности шлема, лишь раскидав искры.

– !..

Черноснежка коротко ахнула. Однако ее движения не затормозились ни на миг. Она крутанулась всем телом вокруг левой ноги-меча, пытаясь уклониться от удара Харуюки. Но на этот раз Харуюки дернул правым крылом. Вновь скорректировал траекторию удара и –

Доннн! Раздался негромкий, но чистый звук удара, и искры посыпались от брони левого плеча Блэк Лотус. Полоса хит-пойнтов в правом верхнем углу поля зрения Харуюки лишилась всего одной точечки, но все же лишилась.

Сейчас!

– Сеаааа! – выкрикнул Харуюки и выбросил вверх правую ногу. В норме он не смог бы нанести верхний удар ногой, находясь так близко к противнику. Потому что требовалось некое минимальное расстояние между мыском левой ноги, служащей осью вращения, и мыском правой ноги, наносящей удар. Черноснежка, видимо, тоже это поняла и, вместо того чтобы блокировать атаку или уклоняться от нее, попыталась провести встречную атаку локтем.

Однако в этот момент Харуюки вновь на короткое время включил на полную мощь правое крыло. Использовав в качестве оси середину своего склонившегося в сторону тела, он со стоном добавил к своему верхнему удару крохотный доворот, который при обычных обстоятельствах был бы невозможен.

Черноснежка остановила атаку локтем и выгнулась назад, но острые пальцы ноги Сильвер Кроу прошлись по левой боковине маски Блэк Лотус. Снова вылетели искры, снова был нанесен минимальный урон.

Завершив этот смелый прием, Харуюки на миг принял неловкую позу – вполне естественное последствие. Видимо, не желая оставаться так близко к противнику, Черноснежка отпрыгнула назад и слегка пригнулась. Но Харуюки оттолкнулся от пола левой ногой, используя инерцию от удара правой. Вновь он на миг включил правое крыло и, пользуясь созданным им крутящим моментом, нанес задний круговой удар левой ногой.

Черноснежка сблокировала атаку, приняв мощный удар на согнутую левую руку. Оранжевая вспышка окрасила оба аватара и окружающий мрамор.

Заметив, что правая верхняя полоса хит-пойнтов укоротилась еще на две точки, Харуюки подключил на этот раз левое крыло и тем самым еще усилил отдачу от удара. Резко крутанулся в обратную сторону и вложил энергию вращения в удар левой рукой. Его кончики пальцев чуть погрузились в правое плечо Черноснежки. Потом, когда соперники оказались точно друг напротив друга, он махнул крыльями и нанес удар обоими коленями сразу. К сожалению, Черноснежка его заблокировала правой рукой, но арена содрогнулась так, как никогда прежде. Урон – три точки.

…Это был второй спецприем Харуюки с использованием «способности к полету»; он включал в себя непрерывные атаки с

помощью коротких импульсов тяги крыльев. Харуюки посвящал его отработке немало времени взамен предыдущих тренировок по уклонению от пуль. Назывался он «Воздушное комбо». По сравнению с первым приемом, «Атакой с пикирования», выглядел он скромно и какого-то сверхурона не наносил, но зато, в отличие от того, его можно было применять и в закрытых помещениях, причем для запуска достаточно было заполнить шкалу спецатаки всего на 20%. А главное – при первой встрече с этим приемом от него было практически невозможно защититься!

– Ооооо!

Харуюки еще увеличил скорость атак; все его тело охватило ощущение ускорения, разрывающее нервную систему. Продолжая держаться вплотную к противнику, он наносил удар за ударом всеми четырьмя конечностями, практически не касаясь ногами земли. Все его атаки Черноснежка в последний миг блокировала или уклонялась от них, но полоса хит-пойнтов Блэк Лотус продолжала по чуть-чуть укорачиваться.

Даже вкладываясь изо всех сил в движение тела, Харуюки продолжал мысленно вопить.

Семпай, вот такой сейчас я. Вот вся сила, которая сейчас есть во мне, которого ты вытащила из болота и которому дала крылья. Если твоя истинная суть – «отчаяние» и «потеря», рассекающие все… то что тогда этот наш бой?!

Сильвер Кроу незаметно для себя превратился в сгусток серебряного сияния в воздухе. Врубив на полную катушку быстроту реакции, отточенную на площадке для виртуального сквоша в сети средней школы Умесато (благодаря чему он в свое время и привлек внимание Черноснежки), Харуюки продолжал свое Воздушное комбо. Хотя он нанес уже десятки ударов (сколько именно, он и сам не знал), ни один из них не пришелся чисто в цель. Черноснежка полностью ушла в оборону – она лишь молча уклонялась или блокировала непредсказуемые атаки Сильвер Кроу.

Хотя оба соперника не произносили ни слова, через какое-то время Харуюки ощутил некую эмоцию, возникающую между ними всякий раз, когда их аватары соприкасались.

Это было восхищение. Для Харуюки – восхищение невероятным оборонительным мастерством Черноснежки. И, скорее всего, для Черноснежки – восхищение каскадом воздушных атак Харуюки. Оба они испытывали невероятный, глубочайший восторг.

Внезапно Харуюки показалось, что он услышал голос.

«Аааа, понятно… вот оно что.

Это и есть "дуэль". Нужно только забыть все на свете, стать

одним целым со своим аватаром и сражаться досыта. Даже если этот мир рассыплется всего через 1.8 секунды, даже если эта связь распадется через 1.8 секунды… Обычная невинная дуэль обязательно оставит что-то после себя. Она даст тебе что-то…

Райдер и я. Множество дуэлей, которые у нас с ним были, когда мы были младше, тоже наверняка… создали что-то бесценное… то, что осталось даже сейчас в сердцах нас обоих…»

Харуюки не знал, действительно ли он услышал эти мысли.

Потому что этот голос донесся до него в тот краткий миг между секундами, когда к правому кулаку Харуюки, который он уже десятки раз выбросил вперед, притронулась левая рука-меч Черноснежки; летящий миг, который даже временем нельзя было назвать.

В следующий миг эта таинственная сила притянула кулак к Черноснежке.

…*Ох, «мягкая техника»!..*

Харуюки стиснул зубы и приготовился противостоять отталкивающей силе, которая явно должна была последовать.

Однако ее не было. Черноснежка крепко прижала Харуюки к груди обеими руками.

– Э…

Харуюки застыл, не понимая, как реагировать на это неожиданное развитие событий; и на этот раз в его ушах раздался настоящий голос.

– Ты был великолепен, Харуюки-кун.

Э? Дуэль закончилась? Но у нас обоих еще полно хит-пойнтов, и время еще есть, правда?

В замешательстве проверив полосы хит-пойнтов, Харуюки вдруг осознал кое-что важное.

Шкала спецатаки Сильвер Кроу растратилась на постоянные короткие взмахи крыльев, от нее осталось меньше 10%.

В то же время шкала спецатаки Блэк Лотус благодаря бесконечному блокированию заполнилась и сияла ярко-синим

светом от края до края.

– Впервые за два с половиной года я применяю этот прием. Спасибо, Сильвер Кроу. Отличный бой.

И одновременно с этими прошептанными словами руки Блэк Лотус, удерживающие Харуюки с обеих сторон, окутались ослепительным сине-фиолетовым сиянием.

– «Дес бай эмбрейсинг».

Как только Черноснежка произнесла название приема – раздался негромкий звук разрезания. Еще до того, как его эхо угасло, вся полоса хит-пойнтов Сильвер Кроу окрасилась багровым – быстро стала укорачиваться справа налево – и достигла нуля.

…*Правда, какая же она крутая.*

Сильнейшее за все время дуэли чувство восхищения переполнило грудь Харуюки, и одновременно перед его глазами появилась огненная надпись «YOU LOSE». К счастью, все тело Харуюки рассыпалось на серебряные полигоны еще до того, как ощущение от рассечения надвое добралось до его нервной системы.

Выбравшись из темноты, но еще не избавившись полностью от ощущения парения, Харуюки вернулся в реальность.

Открыл глаза, поморгал и посмотрел прямо перед собой – туда, где должно было быть лицо Черноснежки.

Но там его не оказалось. Потому что Черноснежка в какой-то момент прильнула к Харуюки, положила голову ему на левое плечо и обвила руками его спину.

– Аа, эмм, пого-…

Когда ощущение ее волос, щекочущих его щеку, и запах шампуня напрямую стукнули Харуюки по мозгам, он попытался подпрыгнуть на месте из положения сидя. Однако в том положении, в котором он был, провернуть столь ловкий трюк оказалось невозможно, и он просто потерял равновесие и откинулся назад. В панике он попытался восстановить прежнюю позу взмахом крыльев, но, конечно, на спине его физического тела подобного приспособления не имелось.

Харуюки шлепнулся спиной на матрас, и тут же стройное тело Черноснежки мягко приземлилось ему на грудь.

Харуюки застыл до состояния полного одеревенения и выпучил глаза; в комнате слышался лишь тихий гул кондиционера. *Успокоиться, хладнокровно оценить ситуацию, потом действовать!* Эта мысль висела в голове Харуюки, совершенно не схватывающего, что только что произошло.

Одиннадцать вечера, он лежит в своей кровати в

тренировочном костюме. Пока что все нормально. Но на нем лежит Черноснежка в пижаме, обвив его руками, да еще сжимает руки все сильнее – это правда реальность? Для начала – как они вообще оказались в такой позе? Это что, какой-то вирус, заразивший весь город, или что?

– …Ты меня удивил.

Когда прямо в его левом ухе раздался голос, сбивчивые мысли Харуюки окончательно остановились.

– Ты… стал таким сильным, а я и не заметила…

Слушая полный чувств шепот, Харуюки не мог соображать вообще; его губы задвигались сами собой.

– Но, но в итоге ты победила почти вчистую, семпай…

– Это всего лишь разница в уровнях. Этот бой был гораздо более равным, чем тебе кажется. Мне пришлось изо всех сил обороняться против твоих воздушных атак, и это продолжалось невероятно долго.

– Пра… правда?.. – сомневающимся тоном пробормотал Харуюки. Он-то сам был искренне убежден, что разница в силе между ним и Черным королем подобна расстоянию от нижней станции космического лифта до верхней, а может, даже до геостационарной.

Но Черноснежка приподняла голову, посмотрела в глаза Харуюки в упор и слабо улыбнулась.

– Правда. Ааах… как бы мне хотелось, чтобы ты почувствовал, как я сейчас счастлива и тронута!

Ее глаза сияли; в них как будто вихрился и искрился звездный свет. От одного этого зрелища рассудок Харуюки вновь куда-то улетел. Он не знал, чье именно сердцебиение слышал, когда они вдвоем лежали, прижавшись друг к дружке.

Их лица были так близко, что кончики носов почти соприкасались; глаза смотрели в глаза –

Черноснежка тихим голосом продолжила:

– …По крайней мере я буду верить в тот путь, который я для себя выбрала. Я по-прежнему много о чем сожалею, но… то громадное время, что я провела в Ускоренном мире, то огромное количество дуэлей, через которые прошла, – это все было не напрасно. Потому что в конце этого пути я нашла и пригласила тебя…

Убрав правую руку со спины Харуюки, Черноснежка нежно провела пальцами по его щеке.

– Харуюки-кун. Я горжусь тобой.

Как только он услышал эти слова.

Весь страх перед положением, в котором он очутился, разом улетучился.

Что-то горячее полилось у него из глаз, потекло по лицу, закапало на простыню. Капельки текли одна за другой, безостановочно.

Отчаянно моргая и вытирая лицо тыльной стороной правой ладони, Харуюки невнятно заизвинялся:

– А… это, п… прости. Я, эээ, я, я…

Но как он ни старался, голос его дрожал и слова прерывались всхлипами – ну просто как у ребенка. Борясь с собой, Харуюки все-таки сумел продолжить:

– …Это, это в первый раз в моей жизни, когда кто-то… сказал, что гордится мной.

Ненавидя саму мысль, что его уродливое, залитое слезами лицо может видеть кто-то другой, Харуюки попытался спрятать его в простыню.

Но Черноснежка сжала его со всей силы, потом, продолжая гладить по голове правой рукой, прижалась лицом к мокрой от слез щеке Харуюки и вновь прошептала:

– Тогда я буду повторять пропорционально тем предыдущим четырнадцати годам твой жизни. Для меня… то есть для Черного короля, Блэк Лотус… ты единственный Ребенок и лучший партнер, я тобой горжусь больше всех на свете.

Она продолжала гладить Харуюки по голове, и завязавшийся в его груди узел, похоже, начал ослабевать. Харуюки протяжно выдохнул и закрыл глаза.

Еле слышный голос коснулся его ушей.

– Нет, не только. Настоящий ты в реальном мире, Харуюки Арита – тоже… для меня, Черно-…

Дальнейшего Харуюки не услышал.

Потому что в этот момент он совершил, возможно, самую большую ошибку за этот вечер.

Усталость от сражения, в которое он вложил всего себя, сладкая боль, растворившаяся в нахлынувших чувствах,

ощущения ласковой ладони и теплого тела, прикасающегося к нему, – все это слилось вместе и утянуло его сознание в мягкую черноту…

Иными словами, он уснул. Разом, словно свечу задули. Как ребенок.

В последний момент он почувствовал единственную короткую фразу пополам с улыбкой.

«Спокойной ночи, Харуюки-кун».

Глава 7

Пим-пон.

Звоночек прозвучал в мозгу Харуюки, вытащив его из сна.

Харуюки охнул, когда его мозг проснулся на 10%; потом до него дошло, что это непохоже на звук будильника, по которому он всегда встает. И поскольку будильник стоит на прикроватной полочке, звук должен был бы идти сверху. А этот – он звучал так, как будто вообще не проходил через уши Харуюки, а образовывался прямо в его мозгу. А, ну конечно, он имел неосторожность заснуть, не сняв нейролинкер. Оставалось надеяться, что ничто не пролезло в трещины защитной оболочки…

Пим-пон.

Вот опять. Теперь Харуюки точно понял – этот звук не от будильника. И не сообщение о поступившей почте, и не звонок вызова. Этот звук шел от интеркома, и он означал, что за дверью гость. Харуюки неохотно поднял полузакрытые веки и кинул взгляд на настенные часы слева от кровати. Девять утра.

Мать должна будет вернуться только ночью – скорее всего, это какая-нибудь служба экспресс-доставки. На миг у Харуюки мелькнула мысль притвориться, что его здесь нет, чтобы они положили то, что принесли, в почтовый ящик; но все равно ведь придется скоро вставать. Такуму и остальные придут к одиннадцати.

Зажмурившись еще разок напоследок, Харуюки сел в кровати.

Поднимаясь, он вдруг почувствовал, что его голову слегка потянуло вправо. Лениво повернувшись, он обнаружил серебряный XSB-кабель, торчащий из разъема нейролинкера. Кабель блестел в утреннем свете, проникающем в щель между шторами, и другой его конец исчезал под тонким одеялом –

А чуть подальше из-под одеяла слегка высовывалась голова с блестящими черными волосами.

– …Уаа…

Харуюки уже собирался завопить «уаааааа?!», но в последний миг прикрыл рот руками и сдержал крик. От столь могучего шока его мозг проснулся мгновенно и окончательно; у него было ощущение, будто кровь во всем его теле потекла в обратную сторону. Харуюки пялился на картину перед его глазами, отчаянно моргая, однако голова не исчезала. Наоборот – под одеялом можно было четко различить очертания лежащего на боку тела. Места для сомнений не оставалось: кто-то спал всего в полуметре от Харуюки на его кровати, повернувшись к нему

спиной.

– Уу… нн.

Этот кто-то, будто почувствовав ошарашенные дергания Харуюки, перевернулся на другой бок и тихо выдохнул.

– …Чер-…

И вновь ему удалось каким-то чудом удержать рвущееся следом «-но-но-но-но-но-но?!». Эта красавица, которую он так хорошо знал и в то же время словно никак не мог привыкнуть видеть, – несомненно, это была Черноснежка.

Мысленно завопив «Как, блин, это все произошло?!», он наконец-то вспомнил события минувшего вечера. Черноснежка уже почти ночью пришла к нему в комнату, потом они говорили, потом дуэлились через Прямое соединение. Дальнейшее было не совсем понятно, но явно вскоре после той дуэли Черноснежка уснула у него на кровати, причем Харуюки совершенно не помнил, что именно к этому привело. Что за облом. Что за положеньице.

Мысленно приказав себе затвердеть, как камень, и ни за что, ни в коем случае не смотреть на неопрятную фигуру Черноснежки, пижама которой задралась, он –

Пимм… пон.

Снова раздался этот звук, на этот раз более настойчивый, чем раньше. Харуюки кинул взгляд в окошко с изображением посетителя в правой части поля зрения, подумав, что это, похоже, очень терпеливый курьер, но тут же обнаружил, что посетитель звонит не от входа в подъезд, а уже от двери квартиры на 23 этаже. С неохотой решив разобраться с ситуацией у себя в комнате попозже, Харуюки осторожно извлек кабель Прямого соединения и медленно встал. Бесшумно пересек комнату, открыл дверь и помчался по коридору к двери, тихо бормоча: «Да, да, уже иду!»

– Простите, что заставил –

Слово «ждать» так и не покинуло его рта.

За открывшейся дверью стоял вовсе не улыбающийся курьер из службы доставки. Белая широкополая шляпа. Короткая кофточка такого же цвета, под ней голубое платье из шифона. Чулки в рубчик на стройных ногах. Длинные густые волосы, сбегающие по спине, сумочка в руке – словом, это была –

– У… учитель?! Нет, в смысле, Рейкер-сан?!

Когда Харуюки обалдело назвал ее по имени, девушка приветливо кивнула и ответила ясным голосом, еще более мягким, чем когда они общались по сети:

– Доброе утро, Ворон-сан. Когда мы встречаемся в реальном мире, зови меня просто Фуко.

Услышав эти слова от девушки старше его на два года, заместителя командира легиона «Нега Небьюлас» Скай Рейкер (настоящее имя – Фуко Курасаки), Харуюки поспешно закивал.

– А, д-д-да, конечно. Доброе утро, Фуко-сан. Ой, прости, заходи, пожалуйста!

– Спасибо. Прошу прощения за вторжение.

Закрыв за Фуко дверь и доставая ей тапочки, пока она снимала сандалии, Харуюки, все еще плохо соображая, пролепетал:

– Н-но однако… ты рано. До назначенного времени еще долго…

– У-ху-ху, прости. Я опасалась, что могу создать тебе проблемы, но, когда подумала, что смогу впервые зайти к тебе домой, просто не смогла удержаться. Я тебе на всякий случай послала мэйл рано утром, но…

– П-прости. Я спал, только что проснулся, – ответил Харуюки со смущенной улыбкой, и лишь в этот момент до него дошло, что ситуация вообще-то к улыбкам не располагает.

Прямо вот в этот самый момент в комнате Харуюки чуть дальше по коридору на его кровати дрыхнет Черноснежка, командир легиона! Более того, она в пижаме!

Ч-ч-ч-ч-ч-что же делать? Нет, паниковать сейчас нельзя. Думай, думай. Так. В первую очередь отвести Рейкер-сан в гостиную. Потом втихаря забрать сумку семпая, потом заставить ее переодеться у меня в комнате и сделать вид, что она вошла снаружи. Это единственное, что я могу сделать.

Мгновенно составив план секретной операции, Харуюки повел Скай Рейкер в гостиную сразу же, как только девушка переобулась в тапки и аккуратно поставила сандалии возле входной двери.

– П-пожалуйста, сюда, прошу, прошу, прямо вот сюда, пожалуйста!

– А… ага. Прошу прощения за вторжение.

Озадаченно улыбнувшись, Скай Рейкер направилась по коридору вместе с Харуюки. Потом на ходу прошептала, почти пропела:

– Вообще-то, по правде сказать, я пришла так рано, потому что хочу наконец-то поговорить с тобой кое о чем наедине, Ворон-сан. У меня не было возможности встретиться с тобой, кроме как во время территориальных сражений, а я… я хотела тебя как следует поблагодарить хоть… раз…

Причина, почему ее голос увял и прервался, была абсолютно ясна. Но у Харуюки не было времени на то, чтобы осознать это. Потому что ровно в тот же миг он сам застыл на месте, начав и не

закончив делать шаг.

Некто в пижаме теплого серого цвета вышел скользящей походкой из-за угла коридора всего в двух метрах впереди. Этот некто рассеянно посмотрел сначала на Харуюки, потом на Фуко.

Длинные ресницы моргнули. Губы шевельнулись, и голос только что проснувшегося человека произнес:

– Доброе утро, Харуюки-кун.

И следом:

– Доброе утро, Фуко.

Харуюки машинально поклонился и ответил «доброе утро»; Скай Рейкер, подхваченная потоком событий, тоже произнесла:

– Д-доброе утро, Сат-тян.

– Мм.

«Сат-тян», она же Черноснежка, тело и мозг которой еще на 80% спали, кивнула и развернулась лицом в том направлении, куда шла изначально. Вновь просочилась через поле зрения Харуюки и Скай Рейкер походкой, напоминающей скольжение ее аватара, и исчезла влево. Несколько секунд спустя раздался звук открывания и закрывания двери в ванную.

Шиииииин.

Повисшую наэлектризованную тишину нарушил не звук, но движение. Белая рука вылетела на Харуюки откуда-то справа, схватила его за ухо и с силой потянула.

Вынужденно развернувшийся, хоть и съежившийся от боли, Харуюки увидел прямо перед собой лицо Фуко, и на этом лице была улыбка, которой он никогда прежде там не видел. У него возникло смутное ощущение, что это выражение ему уже знакомо, и вдруг он вспомнил. Вот точно так же улыбался ее аватар, когда, чтобы натренировать Харуюки, Скай Рейкер спихнула его со старой Токийской телебашни в Ускоренном мире, в «Безграничном нейтральном поле».

Харуюки в ужасе втянул голову в плечи; Рейкер медовым голосом поинтересовалась:

– Ворон-сан. Что это значит?

– …Это, это не то, что ты думаешь.

Харуюки не мог придумать никакого плана, кроме как замотать головой.

Десять минут спустя.

Фуко молча поднесла чашку с чаем ко рту, глядя на переодевшуюся в форму средней школы Умесато Черноснежку и одетого в домашнее Харуюки, сидящих рядышком на диване.

Потом с тихим клацаньем поставила чашку на блюдечко и подняла голову. Несмотря на безмятежную улыбку на ее лице,

Харуюки был уверен, что, будь они сейчас в VR-мире, над ее лбом висел бы сердитый смайлик.

– …В общем, я поняла ситуацию. Чисто для подтверждения: вчера вечером внезапно случилась гроза, правильно? И в двадцать третьем западном районе произошел отказ сети, правильно? И из-за всего этого возвращаться домой было трудно, правильно?

– Все т-точно. Действительно очень сильно лило, Фуко. Тучи были совсем как в тот раз, когда чертова Фиолетовая слетела с нарезки от ярости…

Черноснежка жестикулировала, чтобы ее слова звучали убедительнее; Фуко продолжала смотреть на нее с улыбкой. Однако эта улыбка содержала в себе атакующую мощь, не уступающую фирменной технике Черноснежки, «Замораживающей черноснежной улыбке». Если ей приписать какую-либо стихию, то это будет «ветер». Точно, она должна называться «Всеразрушающая вакуумная улыбка Рейкер». Хорошо еще, что Тиюри здесь нет. Если ко всему этому еще добавится ее «Сверхиспепеляющий луч Тиюри», вся комната, нет, весь дом аннигилирует к чертовой матери…

Пока Харуюки отвлекал себя этими эскапистскими мыслями, его ушей достигла следующая атака Фуко.

– Как я уже сказала, я все понимаю. Однако если, как сказала Лотус, вы двое не делали ничего такого, из-за чего вы могли бы чувствовать себя виноватыми, мне вовсе незачем помогать вам сохранять это происшествие в тайне, не так ли? Если Белл и Пайл узнают, они, конечно же, будут впечатлены уровнем близости между командиром легиона и Сильвер Кроу…

– Это, это, это, это!..

Протесты Черноснежки утонули в вопле Харуюки:

– Уаааа, учитель, что угодно, только не этоооо!

– Тогда мы вот что сделаем, – Фуко снова улыбнулась «улыбкой Рейкер». – Пожалуйста, в какой-нибудь из дней в этом месяце пригласи меня тоже с ночевкой. Если это условие вас устраивает, я буду молчать, понятно?

– Что… ч-ч-ч-что ты такое говоришь, Фуко?!

– Ай-яй-яй, Ворон-сан ведь уже один раз ночевал у меня, ты в курсе? И ужин, и постель.

– Что… ч-ч-ч-что все это значит, Харуюки-кун?!

– Это, это, это вовсе все не так, это было в Ускоренном мире, а не в реале, и вообще, я спал на полу!

Стремительно мотая головой –

Харуюки думал.

Видел ли он когда-либо прежде, чтобы Скай Рейкер так веселилась, а Черноснежка выглядела так беззащитно? Да, эти

две девушки связаны между собой на очень глубоком уровне. Настоящие лучшие подруги, история которых совсем не такая, как то, что у них обеих было с Харуюки.

Когда-то неизбежная судьба порвала связь между ними. А три года спустя другой поворот судьбы снова свел их, и теперь та связь полностью восстановилась. Он хотел верить в это. Он хотел верить в это – но.

Еще с прошлой осени постоянно и жаждуще глядя на Черноснежку, он понимал. Как бы ни казалось, что стена, ограждавшая ее сердце, исчезла, в глазах Черноснежки, когда она смотрела на живую, настоящую Фуко, оставалась тень боли, которую он не понимал. Скорее всего, за экраном улыбающегося лица Скай Рейкер тоже пряталась не меньшая доля презрения к себе.

Система инкарнации вынуждает игрока, пытающегося овладеть ей в полной мере, прямо смотреть на собственные душевные раны. Потому что сильное воображение может рождаться лишь из сильного желания, а оборотной стороной желания является нехватка чего-либо. Игроку приходится заглядывать в темную дыру в своем сердце, которая лежит в основе его дуэльного аватара и про которую он изо всех сил старается забыть; а если он в какой-то момент отвернется от этой дыры, то не сможет заполучить достаточную силу, чтобы как следует осуществить «перезапись».

Три года назад Скай Рейкер это сделала. Пытаясь с помощью инкарнации превратить «Прыжок», данный ей системой, в истинный «полет», она отрезала себе ноги и довела свою «нехватку» до идеала. Это и к Харуюки относилось: если когда-нибудь он захочет найти силу большую, чем просто базовые боевые навыки, ему, скорее всего, придется разодрать шрам в сердце, который ему только-только удалось заживить, и вновь смотреть на льющуюся оттуда кровь. Шрамом Харуюки была ненависть к себе. Ненависть к себе, толстому и уродливому, неспособному нормально говорить, двигаться, учиться.

Нет, это на самом деле не совсем правда.

Я ведь тогда еще не был таким жирным, как сейчас. Я тогда стоял за дверью этой самой комнаты и подслушивал разговор внутри. Но… эти люди шепотом спорили, они обо мне… Нет, неправда. Неправда. Это потому что я жирный. И потому что всегда трусил. Поэтому они меня никогда –

– …-юки-кун. Харуюки-кун!

Почувствовав, что его хлопают по руке, Харуюки вскинул голову. И наткнулся на озадаченный взгляд Черноснежки. Машинально он тут же опустил глаза.

– …Что с тобой? Ты вдруг замолчал.

– Ты… неважно выглядишь. Ворон-сан?..

Скай Рейкер подключилась к расспросам, и Харуюки отчаянно замотал головой.

– Н-нет, все нормально! Э-это… я просто задумался о системе инкарнации…

Как только он пробормотал эти слова, до него вдруг дошло, что вот именно сейчас это не самая подходящая тема, и он тут же закрыл рот; однако слово не воробей. Черноснежка и Фуко синхронно распахнули глаза, а потом, через несколько секунд молчания, одинаково улыбнулись.

– …Понятно. Ты хотел о чем-то спросить?

Черноснежка легонько положила руку на руку Харуюки, словно прочтя его истинные мысли. Ее пальцы, всегда прохладные, на этот раз были немножко теплыми, и Харуюки тихонько выдохнул. Обращенный на него взгляд Фуко тоже был теплым, и слова сами собой потекли из Харуюки одно за другим.

– Ээээ, эмм… я просто думал. Когда я думал об устройстве системы инкарнации… в конечном итоге благодаря ей Бёрст-линкер тем сильнее, чем больше «нехватка» в его душе… то есть чем он несчастнее в реальном мире?..

– Нет.

– Не так.

Обе девушки ответили мгновенно. Потом сцепились взглядами, словно решая таким образом, кто из них продолжит. Сидящая справа от Харуюки Черноснежка повернулась к нему и сказала:

– «Душевные раны» – это, в конечном итоге, всего лишь то, что определяет свойства дуэльного аватара. В Ускоренном мире есть огромное количество вещей, которые сильнее. Можно расширять свои знания, создавая стратегии и тактики, можно становиться сильнее в бою за счет опыта, за счет связей между друзьями, товарищами и соперниками. Даже в сражении на инкарнации все те силы преобладают. …И вообще: сама идея, что те, кто тащит в Ускоренный мир свои несчастья в реальной жизни, сильнее тех, кто просто получает удовольствие от дуэлей, разве не противоречит тому, во что ты сам веришь?

– Д-да, это… это верно, но –

– Ты правильно веришь. И никогда не сомневайся в этом… Но то, что я говорила до сих пор, это лишь один из главных принципов…

Черноснежка замолчала, но Скай Рейкер тут же подхватила:

– В то же время есть и другая данность, Ворон-сан.

– Д-данность?..

– Да. С точки зрения других людей, они всего лишь наслаждаются дуэлями… Но, к примеру, даже такие Бёрст-линкеры, как мой Ребенок Эш Роллер, – именно то, что они Бёрст-линкеры, означает, что их жизнь в реальном мире почти наверняка не сахар. Потому что необходимые условия успешной установки «Брэйн Бёрста» – «носить нейролинкер с самого рождения» и «обладать высокой скоростью реакции нейронов» – сами по себе не сочетаются со счастьем в реальном мире.

Едва услышав эти слова, Харуюки резко втянул воздух.

В 90% случаев причина, по которой новорожденным сразу устанавливают нейролинкеры, – это, если вкратце, желание сэкономить силы на уходе за ребенком. Раз температура тела, пульс и дыхание отслеживаются постоянно, родители могут спокойно заниматься своими делами; вместо того, чтобы обучать ребенка лично, на словах, можно устанавливать различные обучающие программы; и даже если ребенок плачет ночью, его можно автоматически отправить в Полное погружение. Однако ученых и педагогов невозможно убедить, что все это хорошо для самого ребенка.

То же и с высокой скоростью ответа нейронов. На первый взгляд кажется, что это талант, которым обладают лишь немногие дети, но в реальности все не так. Эта характеристика – по сути, сродство с нейролинкером – формируется с детства исходя из того, как много и как часто ребенок ныряет в Полное погружение. Можно сказать и по-другому: какую часть своего времени в реальном мире он отбрасывает и запирается в виртуальном – как-то так. Как Харуюки, который раньше постоянно сбегал на площадку для виртуального сквоша в локальной сети средней школы Умесато.

Словно прочтя его мысли, Черноснежка спокойным тоном продолжила объяснение.

– …Это может прозвучать неприятно, но… почти всегда дети, у которых выполнены необходимые условия, чтобы стать Бёрст-линкерами, – это те, кто вырос без любви и привязанности со стороны родителей. И наоборот: детям, которые всегда росли под присмотром родителей, которых родители обнимали, с которыми говорили настоящим, физическим голосом, – им не нужны нейролинкеры и виртуальные миры. …Однако мне в детстве они были нужны, и Рейкер тоже.

Харуюки слабо кивнул и пробормотал:

– Ну конечно… и мне тоже. С самого детства… я в этой квартире всегда был один по ночам, мне было так страшно…

Черноснежка вновь притронулась белыми пальцами к руке Харуюки и продолжила мягким голосом:

– Иными словами… почти у всех Бёрст-линкеров есть нечто общее: им всем кое-чего недостает. Недостает настоящей любви и привязанности между родителями и ребенком. Это и есть «данность», о которой сказала Фуко. И Бёрст-линкеры, когда решают воспользоваться своим правом установить единственную копию программы и стать Родителем, интуитивно выбирают в качестве Ребенка того, в ком чувствуют те же шрамы, что и в себе. Именно поэтому мы так цепляемся и так полагаемся на связь «Родитель – Ребенок», которую получаем в Ускоренном мире. Чтобы получить то, чего мы не имели в реальности… Это фактически и привязывает нас к самому Ускоренному миру. И чтобы сохранить эти связи, которые мы получили, мы стремимся поддерживать стабильность и секретность Ускоренного мира. Ох уж… какая продуманная система. Я готова поаплодировать ее разработчику… ху-ху-ху.

Фуко улыбнулась Черноснежке немного неодобрительно.

– Блин, циничная Сат-тян в своем репертуаре. Ворон-сан, хотя я сама только что говорила про «несчастливую реальность», это совсем не то же самое, что настоящее несчастье.

– Ээ… э?

Харуюки удивленно заморгал. Обращенный на него взгляд Скай Рейкер будто воплощал в себе значение слова «привязанность».

– Я вот что хотела сказать. Конечно, система инкарнации использует в качестве своего источника душевные раны, травмы. Поэтому, с одной стороны, правда, что, если ты несчастлив, это может делать тебя сильнее. Но… все Бёрст-линкеры в самой-самой глубине души несут самую глубокую из всех ран – «получение с самого рождения нейролинкера вместо рук мамы и папы». Поскольку они этого не помнят, это никак не отражается ни на форме аватара, ни на инкарнационных приемах. Поэтому эту рану просто бесполезно сравнивать с размерами тех несчастий, которые накапливаются поверх нее позже. Взамен давай сравним ее с размером «надежды». Сила системы инкарнации не определяется только лишь глубиной дыры в твоем сердце. Она зависит еще от высоты дерева, которое в этой дыре укоренилось и выросло.

Голос Фуко дрогнул. Взгляд медленно опустился на стеклянную поверхность стола, разделяющего ее и Харуюки.

– …Я пыталась вытянуть это дерево и обрубила его корни, так что… не мне это говорить…

Ее голос был полон глубокого раскаяния и еще более глубокой обреченности.

Скай Рейкер погрузилась в молчание. Черноснежка тогда

протянула руку в ее сторону и произнесла:

– Подойди сюда, Фуко.

Рейкер встала со своего диванчика и, обойдя вокруг стола, села слева от Харуюки. После чего две девушки, зажавшие Харуюки между собой, сделали нечто абсолютно неожиданное.

Они протянули навстречу друг другу руки по обе стороны от него и обнялись, так его и стиснув. Харуюки съежился от шока – разумеется, серьезный разговор, который был только что, начисто вылетел у него из головы.

Но почему-то паника, которая должна была бы накатывать на него постоянными волнами, быстро растаяла, как лед на солнце. Взамен грудь Харуюки наполнилась теплом, которому он не мог дать названия. Оно было совсем не таким, как горько-сладкое тепло, которое он ощущал прошлым вечером, когда его обнимала Черноснежка.

Шло время; наконец Харуюки услышал шепот Фуко у себя над головой.

– Ху-ху-ху… мы как котята, которые кучкуются вместе в своем гнездышке, пока родители-кошки не пришли.

Черноснежка тут же ответила:

– Это очень хорошо, когда есть с кем кучковаться и есть на кого положиться. И потом, ночь скоро кончится. И тогда мы сможем опять кататься и играть на солнышке.

– Точно… и играть будем всерьез, в полную силу. Что бы там ни ожидал создатель «Брэйн Бёрста»… уж этого-то я никогда не забуду.

Какое-то время девушки сидели неподвижно, потом наконец расцепились. Черноснежка положила руку на голову по-прежнему парализованного Харуюки.

– В первую очередь будем думать о сегодняшней гонке! Это в «Брэйн Бёрсте» разовое мероприятие, так что, скорее всего, не будет ни мануала, ни обучалки, так что проблемы могут возникнуть, но мы рассчитываем на тебя, Пилот!

– А-ага… – изо всех сил закивал Харуюки, и Скай Рейкер хлопнула его по спине.

– Вот именно; я терпеть не могу слов вроде «Зато мы отлично сражались» или «Мы проиграли совсем чуть-чуть». И еще я терпеть не могу слов вроде «неопределенность». Раз уж ты обещал пригласить меня к себе с ночевкой, я обещаю, что, если ты будешь колебаться, я снова столкну тебя со старой Токийской башни.

– Э… эээээ?! Н-н-н-н-но это, это!..

– В-в-в-вот именно, Фуко! Никто ничего пока что не обещал…

– А-ха-ха, вам уже не выкрутиться, потому что в душе мы уже подписали договор!

Слушая довольный смех Скай Рейкер, Харуюки твердо решился.

Они просто обязаны выиграть сегодняшнюю гонку. Ну, как минимум, любой ценой добраться до вершины. Не только ради победы или приза. А ради того, чтобы отрезать шип раскаяния, протянувшийся из прошлого длинной-длинной лианой и до сих пор терзающий этих двух девушек. Если их команда поднимется на 4000-километровую высоту и освободится от земного притяжения, наверняка он сможет это сделать.

И в эту секунду второй раз за день в квартире Харуюки раздался звонок в дверь. Кинув взгляд на часы, Харуюки обнаружил, что время незаметно подошло уже к 11.

– А, кажется, Таку с Тию подошли.

Встав и сделав несколько шагов, Харуюки остановился и робко поднял старую тему.

– Эмм, учитель, насчет них, это…

– Не волнуйся, мы же договорились, так что я сохраню ваш секрет, – с улыбкой кивнула Скай Рейкер, после чего многозначительно подмигнула. – Но секреты всегда порождают новые секреты, не забывай.

Уааа, она серьезно настроена.

Отложив пока что эту мысль в сторону, Харуюки побежал к двери, пока торопыга Тиюри не позвонила еще раз.

– Время пришло, выше нооос!

С этим заявлением Тиюри протянула контейнер. Последовала обычная церемония поклонения голодных друзей контейнеру, точнее, исходящему из него чарующему аромату. И первое, что они все сделали вместе, – позавтракали.

Из контейнера Тиюри извлекла тальятелле[19] с томатным соусом и морепродуктами, искусно приготовленное ее мамой. Еда была уже разделена на пять порций плюс еще немного, чтобы Такуму и Харуюки могли взять добавку. Усевшись за обеденный стол, пятеро воткнули вилки в плоскую пасту, от которой все еще поднимался парок, словно Тиюри метнулась на два этажа вверх, в квартиру семьи Арита, сразу же, как только еда была готова.

– Мм, отлично приготовлено.

– Да, очень вкусно.

Услышав восхищенные слова Черноснежки и Фуко, попробовавших стряпню мамы Тиюри впервые, сама Тиюри застенчиво опустила голову.

– Э-хе-хе, у Хару впервые собралось так много народу, поэтому мама расстаралась…

– Э… эй, Тию, не соглашайся так сразу, – машинально

перебил Харуюки, но он-то знал, что это чистая правда. Глянув на негромко рассмеявшегося Такуму, он еще активнее заработал челюстями.

Тоже улыбаясь, Черноснежка произнесла чуть извиняющимся тоном:

– Если подумать – начиная с той миссии по поимке «Доспеха», мы по всякому поводу собираемся дома у Харуюки-куна. Хотя мне следовало бы подготовить более подходящую штаб-квартиру для легиона…

– Не, не, я совершенно не против, что ты используешь для этого мою квартиру! Все равно мать по выходным сюда практически не заходит.

Поспешно возразив Черноснежке, Харуюки вдруг понял, что тема родителей может быть все еще немного болезненной, и тут же сменил тему:

– А кстати… что вы делали в первом «Нега Небьюлас»? В смысле, в штаб-квартире.

Черноснежка и Фуко, сидящие через стол от Харуюки, переглянулись, и на лицах девушек появилось ностальгическое выражение. Фуко мягко ответила:

– Тогда в легионе было намного больше людей, чем сейчас, но в результате мало кто был настолько близок, чтобы встречаться в реальной жизни. Близки были только я, Лотус и еще один человек. Потому что легион «Нега Небьюлас» держался вместе не на отношениях между его членами, а на сильных чувствах каждого из них к гордому цветку по имени Блэк Лотус. У одних это было влечение, у других восхищение, у третьих даже стремление защищать.

– Ст-тремление… защищать? – сконфуженно повторил Такуму. Харуюки и Тиюри тоже выпучили глаза. Рейкер продолжила с еще более жизнерадостной улыбкой:

– Именно. Потому что Лотус сформировала легион, когда в реальной жизни ей было всего девять лет. Конечно, такого рода информация не в открытом доступе, но по поведению можно более-менее догадаться. Думаю, очень многие Бёрст-линкеры вступили в легион из-за того, что их сердце начинало биться сильнее, когда они видели, как Лотус гордо держится, сознавая свою силу, но в то же время часто обижается совершенно по-детски.

– Э… эй, эй. Ну да, я тогда была еще ребенком, но я не согласна, что была такой уж обидчивой, Рейкер!

– Оо? Тогда, может быть, мне рассказать, как мы с тобой познакомились в реальном мире?

– П-прекрати сейчас же! Я абсолютно, категорически

запрещаю! Если ты расскажешь, я тебя «казню»! – выпалила Черноснежка и принялась дрожащими руками чистить креветку; Харуюки и остальные невольно расхохотались. Черноснежка опустила глаза еще сильнее и пробурчала:

– Тогда даже старшим было по десять-одиннадцать лет…

Плечи Фуко еще какое-то время вздрагивали от смеха, потом она продолжила объяснять.

– …Из-за этого у нас тогда тоже не было большой штаб-квартиры. Хотя, думаю, в других легионах, которыми командуют короли, все то же самое. Если король и его заместители распространят свою реальную информацию даже среди собственного легиона, им может грозить колоссальная опасность…

– Да. Хотя, конечно, совсем другое дело, если они уверены, что сердца всего легиона полностью им принадлежат, – прошептала Черноснежка, продолжая чистить креветку, и ее прежнее выражение лица исчезло начисто. Харуюки вновь озадаченно склонил голову набок. Даже если командир легиона может применять «Меч правосудия», связать всех членов большого легиона одним лишь страхом «казни» очень трудно. Поскольку «казнить» игрока, покинувшего легион, можно не позднее чем через месяц после ухода, предательство возможно, если человек уверен, что продержится столько времени.

Но слова Черноснежки, похоже, намекали, что среди королей есть кто-то, кому удалось подчинить себе легион полностью. Харуюки решил было спросить об этом, но не успел – Черноснежка, отложив вилку, будто насытилась, произнесла своим обычным тоном:

– Да, на самом деле было очень вкусно! Спасибо за угощение, Тиюри-кун. Пожалуйста, передай мою благодарность своей матери.

– А, конечно! Я волновалась, придется ли это по вкусу Черно-семпай, но сейчас я рада, – и Тиюри счастливо улыбнулась.

Черноснежка, вытирая пальцы, тоже улыбнулась, но грустно.

– Ну, знаешь, обычно моя еда приготовлена тяп-ляп и без всякой заботы. На том же уровне, что у Харуюки-куна.

– Эээ, это вредно для здоровья, семпай! – нахмурилась Тиюри; а Скай Рейкер с непроницаемым лицом сказала:

– Тогда, может, Ворон-сан и Лотус вчера вечером ели одну и ту же замороженную пиццу.

Тиюри и Такуму этими словами были явно озадачены. А Харуюки и Черноснежка резко застыли.

– Сейчас уже д-даже замороженная пицца вкусная, если по технологии CAS[20] готовят! Вы знали, что клеточные стенки не

повреждаются, если дать сразу очень большое охлаждение?.. – отчаянно затараторил Харуюки, и тут ему подумалось.

Стоп, а ведь есть такой легион.

«Нега Небьюлас» второго поколения – в точности такой… нет, даже больше. Потому что все его члены знают друг друга в реале и собираются вместе завтракать, вот как сейчас. Никто ни в ком не сомневается, всех связывает полное доверие. Как в настоящей семье.

В плане размера им, конечно, далеко до крупных легионов, в которых по 40-50 человек; но Харуюки чувствовал, что эти связи станут величайшим оружием в битве с другими королями. И он чувствовал – нет, он молился всем сердцем, чтобы эти связи сохранились навсегда. Он на миг закрыл глаза и тут же открыл обратно, неуклюже улыбнувшись, но сразу спрятав улыбку. В его ушах раздались слова, которые Черноснежка сказала недавно.

«Чтобы сохранить эти связи, которые мы получили, мы стремимся поддерживать стабильность и секретность Ускоренного мира».

Нынешнее состояние Харуюки можно было исчерпывающе описать этой фразой.

Но, подумал следом Харуюки. *Даже если моя душа идет тем путем, который задуман создателем программы. Все равно ценность этих связей не снижается ни на чуть-чуть.*

Да, даже если существование «Brain Burst» имеет какую-то скрытую цель.

Я буду защищать эту «семью».

Несколько минут спустя, когда завтрак был закончен и посуда вымыта, все пятеро переместились на диванчики в гостиной. Диванчики были расставлены в виде буквы U, так что друзья сели друг напротив друга, чтобы иметь возможность соединить все свои нейролинкеры.

Когда они быстро установили прямое соединение XSB-кабелями разнообразных расцветок, Харуюки оглядел остальных и произнес:

– Это… Когда вы ускоритесь и прибудете в «начальное пространство», пожалуйста, оставайтесь там в режиме ожидания. Я использую карту-телепортер через ее меню, и тогда нас всех перенесет на нижнюю станцию «Гермес Корда».

Остальные четверо кивнули. Подробности насчет гонки они уже знали из е-мэйла, и сейчас оставалось только ждать. Они смотрели не на аналоговые часы на стене, а на свои цифровые дисплеи в правом нижнем углу поля зрения – там всегда отображалось точное японское стандартное время. До полудня

оставалось 30 секунд.

Обычно время реального мира летит быстро, как струя воды, но сейчас каждая секунда тянулась убийственно долго. Но тем не менее цифры на часах монотонно сменяли одна другую, и, когда осталось всего двенадцать секунд, Черноснежка бодро, отчетливо произнесла:

– Ладно, ребята… Давайте как следует повеселимся в «Гонке через "Термес Корд"»! Начинаю отсчет! Десять, девять, восемь, семь…

Все пятеро глубоко откинулись на спинки диванов и разом закрыли глаза. Шесть, пять, четыре.

И хором выкрикнули:

– «Бёрст линк»!!!

Глава 8

Несясь сквозь тоннель света, ведущий на площадку в 150 километрах от земли, Харуюки по пути превратился из розового поросенка в дуэльный аватар «Сильвер Кроу». Пролетев сквозь особенно яркое кольцо, он со стуком опустился на металлический пол.

Тут же один за другим раздались четыре стука – это опустились ноги его товарищей. Харуюки медленно распрямился и открыл глаза.

В тот же миг –

– Уоооо, смотри, король! Черный корооооль!!!

– Теперь будет весело! «Нега-Бу» круче всееееех!!!

Вопли сыпались отовсюду, так что Харуюки даже слегка подпрыгнул.

– Что?!.

Он лихорадочно заозирался. Увиденное его ошеломило.

Плоская кольцевидная металлическая площадка. В ее центре – стальная башня, поднимающаяся ввысь. Темно-синее небо, стая белых облаков. Это, вне всяких сомнений, величественное отображение космического лифта «Гермес Корд» в Ускоренном мире, которое Харуюки уже видел несколько дней назад.

Однако теперь вокруг башни имелось три колоссальных *штуки*, которых он по прошлому разу не припоминал.

Это, как ни посмотри, были «зрительские трибуны». Напоминающие по форме растянутые по горизонтали на полсотни метров лестницы, они висели чуть выше площадки, на которой стояли Харуюки и остальные. На каждой трибуне было четыре ряда стоячих мест, и эти места занимало множество аватаров всех мыслимых размеров и цветов. На всех трибунах вместе было, на глаз, человек пятьсот как минимум. Иными словами, здесь собралось больше половины всех существующих Бёрст-линкеров.

– Это… просто супер…

– Ага, в жизни не видела столько народу…

Так пробормотали стоящие рядом с Харуюки Сиан Пайл и Лайм Белл, явно тоже находящиеся в полном обалдении. Блэк Лотус и Скай Рейкер сохраняли спокойствие, как и ожидалось, но и они почти наверняка испытывали сейчас целую бурю чувств. Они молча смотрели вверх, в небо.

– …Как они все сюда занырнули?.. – пробормотал Харуюки. Ответ пришел откуда-то сзади.

– Распространялись зрительские карты-телепортеры.

– Аа, понятно… Хех, значит, система и добрые дела время от времени делает… стоп, уаааа?!

Крутанувшись на месте, он обнаружил стройный темно-красный аватар, подошедший совершенно незаметно. Даже не видя маску с треугольными ушами и длинный хвост, Харуюки бы мгновенно узнал члена Красного легиона «Проминенс» Блад Лепард, или, если коротко, Пард-сан. Чуть подальше стояли и тихо переговаривались еще четверо – скорее всего, ее команда. Все они были опытными Линкерами, которых Харуюки несколько раз видел, но алого аватара в виде маленькой девочки среди них не было.

– П-привет, здравствуй, Пард-сан.

– Сап[21], – как обычно, сверхкомпактно поздоровался леопардоголовый аватар. Харуюки тихо спросил:

– Эмм… Нико не пришла?

– Она очень хотела участвовать, но по «Договору о ненападении» шести больших легионов королям запрещено сражаться друг с другом даже в подобных мероприятиях. Она просила тебе передать: «Борись минимум за второе место, и удачи».

– А… ага.

Представив себе раздраженное лицо и голос Нико, Харуюки невольно улыбнулся и задал следующий вопрос.

– Тогда, эээ… может, наши команды будут работать вместе, пока не окажемся у финиша?..

Однако Блад Лепард не ответила. Отведя взгляд от Харуюки, она бесшумно зашагала вперед. Прошла между Такуму и Тиюри, прошла даже мимо Черноснежки – прямо к аватару небесного цвета в серебряной инвалидной коляске.

Два Бёрст-линкера, в прошлом множество раз сражавшиеся между собой, молча смотрели друг на друга. В их взглядах не было враждебности, и тем не менее между ними тут же возникла наэлектризованная атмосфера, так что даже шум вокруг, казалось, поутих.

Через несколько секунд Пард-сан сделала шаг назад, окинула взглядом всех членов черной команды, потом вновь повернулась к Скай Рейкер и произнесла:

– Мы будем бороться за победу в полную силу.

Это заявление означало, по сути, что, хоть между двумя легионами и были дружественные отношения, ни о каком сотрудничестве между ними речи не идет. Нет – Харуюки показалось, что слова Пард-сан имели и другое, более глубокое значение. Поскольку Скай Рейкер не пользовалась «Ураганным двигуном» и не участвовала в обычных дуэлях, две девушки никак

не могли вернуться к своему старому соперничеству. Поэтому, вне всяких сомнений, Пард-сан желала хотя бы сейчас посостязаться с ней всерьез.

Рейкер, скорее всего, это поняла; она энергично кивнула и ответила:

– И я этого хочу.

Слегка кивнув, леопардоголовый аватар гибко развернулся и направился к своей команде. Потом вся пятерка ушла в сторону десяти шаттлов, припаркованных у основания башни-лифта.

Посмотрев туда, Харуюки увидел над наклонной стартовой площадкой с разноцветными шаттлами громадный цифровой таймер обратного отсчета. До старта гонки оставалось десять минут.

– Ладно, пойдемте и мы. Наш шаттл номер один – серебряный слева.

После слов Черноснежки пять членов черной команды тоже зашагали к своему шаттлу. И тут справа к ним приблизилась еще одна фигура. Харуюки понятия не имел, кто этот аватар в массивных ботинках, пока тот не заговорил

– Хей-хеееееей! Холодный лузердог[22], не, лузерворон собственной персоной явился!

– Э, а, Эш-сан?!

– Эй, эй! А кто же еще такой мегакуууул?

Надменный черепоголовый аватар был, несомненно, Эш Роллером, с которым Харуюки сражался не далее как вчера. Сдвинув взгляд чуть в сторону, Харуюки увидел за спиной Эша ярко-пепельно-серый шаттл. Похоже, гонщик прошлого века тоже каким-то образом сумел зарегистрироваться в качестве пилота. Вертя в голове очень невежливые мысли вроде «Самостоятельно заметить появление портала в Скай Три – признак интеллекта, который ни фига не сочетается с твоим персонажем», Харуюки вслух извинился.

– П-прости. Я тебя не сразу узнал, потому что ты без мотика…

– Эй, ты! Обращаться с великим мной как с приложением к мотику – что за булшит[23]!

– Это вульгарно, Эш.

Как только за спиной Харуюки раздался этот голос, аватар прошлого века встал по стойке «смирно», совершенно не вяжущейся с его имиджем, и резко поклонился.

– П-привееееет, учитель! И Лотус-сэнсэй тоже, как поживаете?

Пробормотав приветствие, Эш Роллер тут же поднял голову, будто вспомнив что-то, и внезапно придвинул черепообразную маску к самому лицу Харуюки.

– Т-точно, щас некогда ругаться! Кроу, хочу тебя спросить кое о чем.

– Д-да, о чем?

– Раз ты зарегился под первым номером, значит, ты сюда первый явился, когда арена открылась, ага?

Услышав от Эша столь неожиданный вопрос, Харуюки взглянул на него озадаченно и тут же кивнул.

– Да. Но я пришел почти одновременно с Блад Лепард, которая взяла номер два.

– Ладно, а когда вы оба здесь очутились, вон тот шаттл уже был таким? Или, может, вы видели, кто на него зарегился?

Не понимая, что имеет в виду Эш Роллер, Харуюки склонил голову набок. Тогда черепоголовый аватар нетерпеливо обвил рукой шею Харуюки и в таком виде зашагал мимо выстроенных в ряд шаттлов.

– Стой, эээ, мы куда идем?!

– Просечешь, как только увидишь! …Вот, шаттл номер десять. Он такой с самого начала был?

Последнюю часть вопроса Харуюки почти не расслышал. Как только он увидел *это*, его словно молотком по голове стукнуло.

Самая правая машина в ряду из десяти шаттлов, стоящих через два метра друг от друга, была –

Ржавой.

Весь корпус покрывал слой ржавчины, словно он много лет стоял на соленом воздухе. В отличие от остальных девяти шаттлов, ярко блестящих теми же цветами, что и зарегистрировавшиеся пилоты, номер десять полностью утратил блеск и приобрел красновато-бурую окраску. И не только корпус – сиденья и двигательные диски внизу тоже выглядели изношенными, причем настолько, что едва ли этот шаттл вообще сохранил способность двигаться.

Машинально Харуюки вытянул руку и прикоснулся к шаттлу. Как несколько дней назад, когда он зарегистрировался на шаттле №1. Со звуковым эффектом возникло системное окно. Харуюки вслух прочел, что там было написано.

– Ре… RESERVED? Он что, был зарегистрирован… в таком состоянии?!

– Ага, абсолютно насинг непонятно, правда? Он уже таким был, когда я и парни из других легионов сюда пришли, в среду в полшестого.

– Ээ, странно! – возразил Харуюки, оторвав взгляд от окна. – Мы с Пард-сан ушли сразу, как только зарегистрировались на шаттлах один и два, но мы уже слышали шаги людей, которые сюда бежали. Между тем, как мы ушли, и тем, как прибежали Эш-

сан и остальные, прошло секунд десять, не больше. Просто не мог никто зарегистрироваться, чтобы ни ты, ни я его не увидели… Да, и вообще, – на миг закрыв глаза и вызвав в памяти отчетливую картину, которую он тогда видел, Харуюки произнес: – Когда мы ушли, номер десять не был ржавым. Он был такой же красивый и серо-стальной, как остальные восемь!

– Ну… Верю, что так и было. Значит… стало быть, он сам собой заржавел за десять секунд… или это сделал какой-то тип, который хорошо спрятался…

– Нереально. Тут просто негде спрятаться… и ладно я – Пард-сан-то просто не могла его не заметить…

Они оба поскребли руками шлемы, но, прежде чем они успели прийти к какому-то логичному ответу, что-то громко прозвенело, и восторженный рев толпы усилился в несколько раз, так что даже площадка задрожала. Подняв головы, Харуюки и Эш Роллер обнаружили, что до старта гонки осталось всего три минуты.

– Лана. Филс бэд[24], но, думаю, проехали. Пилот тоже, видать, не явился…

– …Ага. Если это какой-то фокус системы, мы это в гонке узнаем.

– Точняк… лана, в любом случае будем делать зе бест[25].

– Ага, точно!

Харуюки и Эш Роллер слегка кивнули друг другу и побежали к своим машинам. Напоследок между ними произошла их обычная пикировочка:

– Скажу сразу! Я гига-велкам[26] со всем, что с колесами, от трициклов до броневиков!

– У этих шаттлов и колес-то нету!

С этими словами Харуюки добрался наконец до машины №1 и обнаружил, что остальные четверо уже заняли пассажирские сиденья. Тиюри, махая правой рукой, прокричала:

– Тормоз! Что ты там делал?!

– П-простите!

Он поспешно прыгнул на водительское место и схватился за руль. В маленьком окошке перед ним появился текст «HELLO MY DRIVER!»[27], потом высыпали разнообразные индикаторы.

Впрочем, ничего сложного. Всего лишь спидометр, индикаторы расстояния и прочности.

Черноснежка, сидящая в первом пассажирском ряду вместе с убравшей инвалидную коляску Скай Рейкер, подалась вперед и прошептала:

– Кроу, я бегло просмотрела остальных участников – они все очень опытные линкеры, включая членов шести больших

легионов… но все равно – они все в первый раз управляют этими шаттлами. Вначале будь осторожнее, пока не привыкнешь к управлению. Мы будем защищаться от атак остальных команд, так что не беспокойся.

Когда Черноснежка закончила, Тиюри с заднего сиденья подхватила:

– Точно, и даже если мы чуток повредимся, я отмотаю его обратно!

– Нет, Белл, раз у наших аватаров зафиксированы хит-пойнты, вряд ли нам удастся достаточно зарядить шкалу спецатаки, – указал Такуму.

– Ну что за дела! – возмутилась Тиюри. Черноснежка и Фуко рассмеялись.

Глядя через плечо на своих товарищей, Харуюки мысленно прошептал:

Рассчитываю на тебя, семпай. И на вас, Таку, Тию. И… Рейкер-сан. Я обязательно довезу тебя до финиша. Я здесь именно ради этого.

– Так, одна минута! Держитесь крепче! – громко объявил Харуюки, и тут же одна из сияющих цифр над головой обратилась в ничто, и осталось лишь две цифры правее.

Крики, льющиеся сверху, с трех трибун, уже напоминали землетрясение. Харуюки крепко вцепился обеими руками в руль и слегка надавил правой ногой на акселератор. Двигатель издал уверенное «вррррр!», и по всему шаттлу прошла вибрация. Цифровой индикатор, на котором значилось «4000 км», вспыхнул и засиял.

Глядя на потрясающую картину «Гермес Корда» в версии Ускоренного мира – металлическую колону стометровой толщины, пронзающую небо, – Харуюки вдруг подумал:

Интересно, прямо сейчас богатые туристы поднимаются по этому лифту в реальном мире? Даже если поднимаются, им никогда такого не вообразить. Что в другом мире, созданном общественными камерами, понатыканными повсюду в лифте, десятки детей вот-вот пронесутся мимо них.

Конечно, Ускоренный мир в конечном итоге – не более чем фальшивая реальность, созданная нейролинкерами. Но даже если это место нематериальное, истина здесь существует. Потому что –

Мою грудь сейчас так жжет от восторга!

– Го! Го! Го! Го! Го![28]

На восторженные крики зрителей наложился звон, одновременно с которым вспыхнули красные огни – линия ярких точечек над головами, подсветившая десять машин. И ровно в этот же миг одна из трибун заслонила солнце, и стартовая

площадка окуталась густой тенью. Когда ряд огней перекрасил в багровые тона все шаттлы, вновь раздался звон. Двигатели разом взвыли еще громче. Из четырех дисков, установленных вместо колес, вырвались ослепительные струи огня и опалили стальную площадку.

– …Пошеоооооол!!!

Как только отсчет дошел до нуля и огни из красных превратились в синие, Харуюки втопил акселератор до упора.

Мощнейший рывок – и машина оторвалась от площадки. Десять шаттлов мгновенно преодолели короткий стартовый уклон и понеслись вертикально вверх, против силы тяжести, вдоль слегка изгибающейся поверхности циклопической башни. По-видимому, между башней и машинами существовала какая-то сила притяжения: несмотря на то, что угол подъема был 90 градусов, ощущения возникли примерно такие же, как при езде по ровной дороге.

Продолжая давить на акселератор, Харуюки кинул взгляд на спидометр. Яркие цифры на дисплее менее чем за десять секунд взлетели до 200 км/ч и продолжали расти.

– Э… эй, Хару, ты с таким быстрым стартом управишься?!

Услышав вопрос Такуму с заднего сиденья, Харуюки крикнул в ответ:

– Нет проблем! Я в разных игровых гонках разбил десять тыщ машин!

– …Это…

– Аатлично, врубай полный гаааааз!!!

Полный восторга вопль Тиюри заглушил хриплый голос Такуму. Покосившись на дисплей заднего вида в верхней части ветрового стекла, Харуюки увидел, что Черноснежка и Фуко сидят неподвижно с сосредоточенным видом. Это придало Харуюки уверенности, и он еще сильнее вдавил в пол левую ногу. 250 км/ч. 300 км/ч. Будь это гонка на автомобилях в реальном мире, такая скорость была бы уже почти предельной, но тут виртуальные линейные двигатели шаттла лишь заревели еще громче и где-то нашли еще скорость. Детали структуры стального пола расплылись, комочки облаков, появляющиеся время от времени, уносились назад в мгновение ока.

Когда цифровой спидометр окрасился багровым, а потом поверх него замигала красная надпись «MAX», скорость достигла уже 500 км/ч. Похоже, для шаттла это был предел. Выпустив наружу дыхание, которое Харуюки все это время сдерживал, он наконец принялся смотреть, что происходит снаружи его машины.

Серебряный шаттл №1 команды «Нега Небьюлас», как и раньше, мчался левее всех. В десятке метров справа от них сияла, испуская яркие алые искры, машина красной команды, пилотируемая Блад Лепард.

Следом несся шаттл с четырьмя членами Синего легиона «Леонидс». Пилотировал его Турмалин Шелл. Оба задних сиденья занимала громадина Фрост Хорна. Еще правее свое обычное «хей, хееей!» орал Эш Роллер из шаттла Зеленого легиона «Грейт Уолл».

Эти четыре шаттла боролись за лидерство, летя практически ноздря в ноздрю. Сразу следом шла команда Желтого легиона «Крипт космик саркус». Желтого короля там, естественно, не было, но Харуюки увидел несколько аватаров, с которыми ему довелось яростно сражаться.

Мысленно зарубив себе на носу «За этими надо приглядывать!», Харуюки вновь оглядел участников. Похоже, кроме тех команд, которые он уже видел, больше от легионов, руководимых королями, никого не было; четыре шаттла, летящие в хвосте, все были из средних легионов… хорошее название с учетом того, что все эти легионы были крупнее «Нега Небьюлас».

Всего шаттлов было девять. Иными словами, тот, ржавый насквозь, так и не стартовал. Хотя сомнения и неприятные предчувствия насчет него не исчезли, Харуюки быстро выкинул их из головы. Даже если шаттл заржавил кто-то, на ход гонки это все равно уже никак не повлияет.

Закончив изучать состояние участников, Харуюки вернул было взгляд вперед – и малость удивился, заметив в небе позади гигантский силуэт. Три парящих трибуны, под завязку набитые шестью сотнями зрителей, летели следом за шаттлами. Лишь тут Харуюки услышал ураган криков, смешивающийся с ревом линейных двигателей.

– …Ху-ху, похоже, они там делают ставки.

Скай Рейкер, услышав слова Черноснежки, тут же кивнула:

– Да, я видела Матчмейкера, он там бегал.

Матчмейкер – это был загадочный Бёрст-линкер, управляющий игровой зоной с тотализатором «Акихабара BG». Похоже, и сюда он пролез.

– Хе… хех, значит, ты тоже заглядывала в «Акиба BG», Рейкер-сан? – спросил Харуюки, осторожно подправляя положение руля. В ответ раздался сухой смешок и голос не самой Рейкер, а Черноснежки.

– Не только заглядывала. Рейкер раньше –

Однако дальнейшего Харуюки не услышал. Потому что вопли зрителей вдруг стали вдвое громче, но и их заглушила серия

пронзительных звуковых эффектов. Харуюки резко крутанул головой вправо; его лицо застыло, и он выкрикнул:

– Уаа, Пард-сан уже начала!

Источником звуков было оружие четырех Бёрст-линкеров, сидящих на пассажирских сиденьях шаттла красной команды. Судя по всему, единственным аватаром ближнего боя там была пилотесса Блад Лепард, а остальные четверо были стрелками. Дула их автоматов с энтузиазмом выплевывали пули.

Целились они в шаттл синей команды, летящий справа от красного. Весь экипаж синего шаттла, напротив, состоял из аватаров ближнего боя, так что тяжелобронированный Фрост Хорн и еще один из команды свесились наружу и отчаянно прикрывали шаттл от ливня пуль собственными телами. Поскольку хит-пойнты обоих аватаров были зафиксированы, сами они не помрут, сколько бы попаданий ни получили, но, похоже, имелся еще эффект отталкивания – периодически их тела отдергивались назад, и в эти краткие моменты выстрелы поражали шаттл.

– Вы, засранцы! Я! Вас! Не прощу! Тур, тарань их!!!

На этот вопль Хорна Турмалин Шелл воскликнул: «Окей, Хорн-куууун!» – и крутанул руль влево. Синий шаттл быстро сблизился с красным. Похоже, синяя команда решила расправиться с противником в ближнем бою. «Любимая пиратская тактика Фрост Хорна», – подумал Харуюки, восхищенно наблюдая за развитием событий. Толпа зрителей на летящих следом трибунах разразилась воплями «Мочи их!» и «Стоять!».

Чем больше сближались два шаттла, тем чаще попадали пули. От левого борта синего шаттла сыпались искры, но прочность машины, похоже, была выставлена на приличном уровне, и снижать скорость шаттл не собирался.

– Так! Получите! Кулак! Настоящего мужика!!!

С этим возгласом Фрост Хорн встал и поднял свой громадный кулачище.

В это самое мгновение Блад Лепард, управляющая красным шаттлом, крутанула руль с такой скоростью, что он словно расплылся у нее в руках. Линейные диски дернулись, и шаттл занесло. Его задняя часть с силой врезалась в борт синего шаттла. От сотрясения Фрост Хорн, готовящийся нанести кулачный удар, потерял равновесие и –

– А! Ра! Раааааааа?!

Завопив, он вывалился наружу. Все-таки шаттлы летели со скоростью 500 км/ч. Как только он соприкоснулся с поверхностью башни, раздался адский грохот, посыпалась уйма искр, и Хорна подбросило обратно. Потом его подбросило еще раз, и еще –

через несколько секунд громадный аватар со своими хриплыми воплями остался далеко позади и исчез из виду.

Пард-сан тем временем стабилизировала свой шаттл, будто ничего и не произошло, и слегка отвела его от синего. Пальба началась вновь. Синяя команда отчаянно пыталась сблизиться вновь, но, похоже, прочности их машины все-таки пришел конец. Внезапно оба линейных диска с левой стороны охватило пламя, и шестиметровая машина закрутилась, как волчок. Под вопли и визги оставшихся трех членов команды двигатели ревели все выше, и –

Грандиозный взрыв.

Наблюдая, как разом обуглившаяся машина и три аватара под непрекращающиеся крики зрителей стремительно исчезают вдали, следом за Фрост Хорном, Харуюки машинально пригнул голову от страха. Черноснежка и Фуко принялись обмениваться мнениями, явно впечатленные.

– Ясно. Похоже, если ты выпадаешь из шаттла, то для тебя это конец. Однако атака «Проми» была великолепна…

– Да уж. Как и ожидалось от Лепард – ее способности и по части подбора команды, и по части управления машиной нисколько не заржавели.

– Се-се-сейчас некогда восхищаться, сестрица! Мы следующие!

Одновременно с этим возгласом Тиюри четверо стрелков красной команды перезарядили оружие и почти синхронно развернулись влево. Их стволы нацелились точно на шаттл №1 – точнее, чуть выше носа машины, поскольку стрелки принимали в расчет искривление траектории пуль.

– Угеее! – пискнул Харуюки и отчаянно крутанул руль влево. Однако Пард-сан со своим блестящим навыком пилотирования сохранила ровно то же расстояние между машинами. Зрители восторженно следили за параллельным пилотажем двух шаттлов, несущихся по спирали вокруг колонны в сто метров толщиной и, стало быть, 314 метров в окружности; однако это было отчаянное преследование, совсем не похожее на обычные коммерческие гонки. Один из стрелков отдал приказ, и все четыре ствола открыли огонь.

– !..

Считая, что уклониться невозможно, Харуюки машинально втянул голову в плечи, но – услышал он вовсе не звук соударения пуль с корпусом машины, а визг рикошетов. Ничего не понимая, он глянул вправо и увидел нечто невероятное.

Перегнувшись наружу с правого борта, Блэк Лотус размахивала руками-мечами с немыслимой быстротой и отбивала

бОльшую часть сыпавшегося на шаттл ливня пуль. Сидящий за ее спиной Сиан Пайл тоже защищал машину, используя свой громадный пикомет в качестве щита.

Очень мало пуль прорывалось сквозь оборону этих двоих, и уровень прочности на индикаторе почти не уменьшался, но если так пойдет и дальше, ситуация будет становиться только хуже. Даже если они попытаются приблизиться и вступить в ближний бой – Харуюки сомневался, что сумеет победить Пард-сан в пилотаже; более вероятно, что его драгоценная команда вывалится из шаттла, как это случилось с синими.

– Блин, из-за того, что у нас нет красных, они нас просто расстреливают как котят! – возмущенно воскликнула Тиюри с заднего сиденья. Ну да, «отсутствие стрелков» – главный недостаток «Нега Небьюлас» с момента его повторного образования. Почти всякий раз, когда они проигрывали в территориальных сражениях, это было из-за сильных красных в команде противника.

Однако сейчас плакаться на тот счет было бесполезно. Харуюки решился навязать Пард-сан ближний бой и попытался крикнуть это своим товарищам. Однако на миг раньше –

– Я сойду, – тихо произнесла Скай Рейкер.

– Э… учитель, что ты говоришь?!

– Это просто вопрос сложения и вычитания. В команде «Проми» пять человек, и четверо из них тяжело вооружены. Если я сойду, у нас останется четверо, и вы их стряхнете за счет более высокой скорости.

– Это, это нельзя, сестрица! – воскликнула Тиюри, однако Рейкер остановила ее, спокойным голосом продолжив:

– Я уже говорила. Раз я участвую, мы должны стремиться к первому месту, прикладывая для этого все силы. Сойти сейчас – мой способ «приложить все силы». Если я этого не сделаю, мне нечем ответить Лепард, она-то выкладывается полностью!

И аватар цвета неба схватился левой рукой за край борта и без колебаний попытался выброситься.

Харуюки мгновенно крутанул руль вправо. Машина резко дернулась, и Рейкер упала на свое сиденье.

– Неправильно… неправильно, учитель!!!

Сосредоточив всю свою нервную систему на работе рулем и акселератором, отчаянно пытаясь вернуть шаттлу устойчивость, Харуюки все же сумел выдавить:

– Выпрыгнуть – это вовсе не «приложить все силы»! Если ты не дерешься на той же арене, ты никому ничем не сможешь ответить, разве нет?!

– Кроу правильно говорит, Рейкер! – подхватила

Черноснежка, с устрашающей точностью продолжая защищать шаттл. – Мы команда! Мы сражаемся вместе, все пятеро, и вместе победим!

– Но… но я! – закричала в ответ Фуко. – Я же не могу сражаться! Я не могу атаковать, я не могу встать и защищаться! Я ничего не могу, кроме как сидеть тут, как украшение!..

– Можешь кое-что!!!

Этот крик вырвался из горла Харуюки.

– У тебя… есть крылья, которые ты сама создала, которые нужны тебе!

Он колебался, стоит ли это произносить. Скай Рейкер, скорее всего, не просто так отказывалась пользоваться собственной силой даже после возвращения в легион. Харуюки совершенно не хотел насильно лезть ей в душу. Именно поэтому он пытался доставить Скай Рейкер на вершину «Гермес Корда» – у него была причина верить, что это единственное место, где ему разрешено говорить об этом.

Однако если Рейкер сейчас выбросится из шаттла, этот шанс будет потерян навсегда. Поэтому у Харуюки не осталось иного выхода, кроме как кричать и молиться, чтобы его слова достигли сердца Рейкер.

– Шкала спецатаки здесь почти не заполняется… поэтому я не могу лететь. Но твои крылья другие. Твоя шкала заряжена сразу, как только ты их достаешь, а значит, ты можешь лететь!

Харуюки обернулся и, глядя Рейкер прямо в глаза –

– …Пожалуйста. Пожалуйста, дай силу своих крыльев нашему шаттлу… нет, нам всем! И тогда мы сможем уйти от огня «Проми»!!!

На миг воцарилось молчание.

Уши Харуюки не слышали ни рева пальбы, ни звуков, с которыми Черноснежка и Такуму отбивали пули, ни воплей, сыплющихся с трибун. Он напряг слух, чтобы чувствовать только лишь слабое, полное печали дыхание Скай Рейкер.

«…Я ранила Сат-тян.

…Я ранила ее своими словами, своим поведением, своим сердцем. Каждая слезинка, которую Сат-тян пролила тогда, содержится в топливе моих крыльев. Вот почему я никогда больше –»

– Неправда, Рейкер!!!

В этот миг Черноснежка прекратила махать руками и тоже развернулась к Скай Рейкер лицом.

Пули тут же начали безжалостно впиваться в борт машины и в спину Блэк Лотус. Несмотря на то, что ее стройное тело пошатывалось под ударами, Черноснежка говорила твердо.

– Я… это я была дурой! Я не пыталась понять всю тяжесть, которую ты несла! Я просто хотела, чтобы ты посвятила себя только мне, и я думала, что ты меня предаешь, и поэтому я ни за что на тебя рассердилась и обиделась! Я не имею права ничего от тебя требовать… но!

Голос Черноснежки наконец начал дрожать, будто его затуманивали чувства. Из глаз под угольно-черной маской вырвались яркие сине-фиолетовые лучики света, похожие на слезы, и Черный король прокричала:

– Но сейчас тебе пора лететь! Не ради меня, не ради легиона… ради себя самой, Рейкер!!!

Одновременно с этим возгласом пуля, выпущенная из чего-то крупнокалиберного, ударила Блэк Лотус в спину. Скай Рейкер обеими руками поддержала пошатнувшуюся подругу. Ее тонкие руки слегка дрожали, словно она не решалась приблизиться к Черноснежке больше, чем сейчас.

Учитель… нет, Фуко-сан.

Отчаянно борясь с шаттлом, Харуюки мысленно взывал к ней.

Два месяца назад на Южной террасе Синдзюку Черноснежка-семпай сделала шаг вперед. Поэтому сейчас, пожалуйста… прижми семпая к себе своими собственными руками. Это последнее расстояние не могу уменьшить ни я, ни кто-то еще другой. Это можешь только ты!

Вряд ли он донес эти слова до Фуко.

Но в следующий миг ее ладони перестали дрожать. Она медленно обвила руками Черноснежку – и крепко прижала ее к себе.

Среди ливня пуль раздались тихие, но ясные слова:

– …Спасибо, Лотус. Я наконец-то поняла. Мои крылья… в них не твои слезы, а твоя надежда, твоя доброта, твоя любовь.

Скай Рейкер опустила Черноснежку обратно на сиденье справа от своего и отчетливо кивнула.

– Поэтому мне теперь нечего бояться… я полечу. Именно сейчас, я уверена, я снова смогу полететь!..

Лишь тут до Харуюки дошло.

Скай Рейкер вовсе не сдалась. Она просто боялась. Она боялась, что, даже если воспользуется «Усиленным вооружением», все равно не сможет летать, как летала раньше, – что из-за «минус-инкарнации» «Усиленное вооружение» тоже станет бессильным, как уже случилось с ее ногами.

Однако сейчас в ней не чувствовалось ни тени страха. Выпятив грудь, Скай Рейкер подняла руки.

Темно-красные глаза взглянули в бескрайнее небо над головой –

И она произнесла, почти пропела, заранее заготовленную голосовую команду:

– «Вызываю ураган»!!!

В бесконечной ультрамариновой синеве над головой, прямо по ходу движения шаттла, Харуюки увидел замерцавшую голубую звездочку.

Затем она превратилась в два лазерных луча, устремившихся вниз, и, хотя шаттл несся с головокружительной скоростью, эти лучи с убийственной точностью попали в Рейкер. Тут же все ее тело окутало сияние, которое сгустилось на ее спине и превратилось в элегантное «Усиленное вооружение» – «Ураганный двигун». Шляпа и платье Рейкер, видимо, мешавшие правильно расположиться новому снаряжению, испарились, распавшись на искорки света, и все стройное тело Рейкер оказалось открыто глазу.

– Рейкер… – Учитель! – Сестрица! – Рейкер-сан! – вырвалось одновременно у всей четверки. Скай Рейкер уверенно кивнула и проворно спрыгнула со своего сиденья. Конечно, она не выбросилась из шаттла. Опершись на руку Лайм Белл, она переместилась в заднюю часть машины и крепко ухватилась за маленький задний спойлер.

– Кроу, стабилизируй шаттл, чтобы он смотрел точно вперед!

Харуюки мгновенно выполнил приказ Рейкер. Поняв, видимо, намерения шаттла №1, красная команда в машине №2 еще усилила огонь, но Черноснежка вновь принялась отбивать летящие пули.

– Поехали! Три секунды до пуска! Две, одна, ноль!!!

Раздался безумный грохот. Харуюки стиснул зубы, когда его вдавило в спинку сиденья.

Что за невероятное ускорение. Отчаянно удерживая на прямой шаттл, пытающийся рыскать в стороны, Харуюки кинул взгляд в окно заднего вида и обнаружил, что от спины Скай Рейкер назад идут два огненных хвоста, похожие на кометные. Они были гораздо мощнее, чем когда «Ураганным двигуном» пользовался Харуюки. Необычного светового эффекта под названием «оверрей» видно не было – значит, прирост мощности был не благодаря системе инкарнации. Это была квинтэссенция трудов и усилий Скай Рейкер, в течение многих лет вкладывавшей в «двигун» безумное количество берст-пойнтов.

Вновь устремив взгляд перед собой, Харуюки увидел, что спидометр на правом краю ветрового стекла показывает 650 км/ч – больше максимума. Ливень пуль от шаттла №2 уже прервался, красная машина в окне заднего вида стремительно уменьшалась в размерах.

Остановив волну восхищения, распирающую грудь, Харуюки сосредоточился на пилотаже. На такой скорости, если он хоть чуть-чуть расслабится, машина мгновенно разобьется. Препятствий на поверхности «Гермес Корда» не было, по крайней мере пока, но Харуюки не мог позволить себе пропустить малейшую вмятинку.

Всего через полсекунды Харуюки понял, что его страхи обращаются в реальность.

Странные объекты возникли на пути шаттла впереди. Вдоль поверхности башни через приличные интервалы выстроилось несколько колец, сияющих всеми цветами радуги. Диаметр колец был метра три, и если шаттл пролетит сквозь одно из них, то наверняка врежется в какое-нибудь из тех, что за ним.

– …Я, я уклоняюсь! Рейкер-сан, вернись на свое сиденье! – отчаянно выкрикнул Харуюки. Однако еще до того, как он закончил –

– Нет, ныряй прямо в него, Кроу! – отдала немыслимый приказ Черноснежка.

– Э… н-но?..

– Все нормально, давай!

Как бы там ни было, запас энергии «Ураганного двигуна», похоже, иссяк, так что Скай Рейкер, вновь опершись на руку Тиюри, вернулась на свое место. Удостоверившись в этом, Харуюки решился и крепко вцепился в руль.

– П-понял, ныряем внутрь! Ребята, держитесь!

Всего две секунды спустя.

Не снижая скорости ни на чуть-чуть, шаттл №1 нырнул точно в центр радужного кольца.

Глава 9

Вспышка, удар, потом взрыв… всего этого не было.

Вокруг машины начались какие-то чудеса. Темно-синее небо исчезло, повсюду вспышкой разлились те же радужные цвета, в какие были окрашены кольца. И одновременно с этим рев линейных дисков оборвался, лишь высокочастотный звук заполнил пространство.

Испытывая какое-то странное ощущение в ушах из-за прекращения рева и вибрации, звуков гонки, Харуюки робко спросил:

– А… эмм, семпай, это что?..

– *Подпространство.*

На уверенный ответ, который мгновенно дала Черноснежка, Харуюки испустил лишь «э?!» и обернулся.

– По, подпространство?! В гонке что, может быть такая штука?!

– А, ясно… Хару, это только естественно, что оно тут есть, – кивнул Такуму и, подняв палец, принялся объяснять в «режиме профессора». – Подумай сам. Полная длина «Гермес Корда» четыре тысячи километров, так? А максимальная скорость шаттла пятьсот километров в час. Простая арифметика подсказывает, что, даже если ты будешь постоянно жать на акселератор, на гонку все равно уйдет как минимум восемь часов. Это была бы гонка на выносливость, не более того. Покрывать все расстояние всего с одним пилотом – просто неразумно.

– Ааа… ну да, если так посмотреть…

Поняв мысль Такуму, Харуюки взглянул на индикатор оставшегося расстояния и обнаружил, что четырехзначное число стремительно уменьшается. Похоже, они срежут пространство и вынырнут где-нибудь в тысяче километров от финиша.

– Тогда, значит, плохо получилось бы, если бы мы тогда не вошли в кольцо… – произнесла Тиюри, и ее заостренная шляпа задрожала. Черноснежка улыбнулась и ответила:

– Эй, эй, Белл, тогда бы мы просто развернулись и все, не так ли?

– А, ну да… ммууу, в таких играх если возвращаешься назад, чувство такое, будто признаешь поражение!

– Ну, с этим я совершенно согласна.

Две девушки хором рассмеялись. Когда смех угас, Черноснежка сказала:

– …Рейкер, спасибо тебе. И… прости. Тебе долгое время приходилось очень тяжело из-за моей ужасной трусости…

Она попыталась низко поклониться, однако это движение было остановлено правой рукой Скай Рейкер.

– Лотус. Я тоже… я тоже много за что должна перед тобой извиниться. Но не думаю, что мы все это сможем друг другу передать одними словами. Поэтому… когда-нибудь, когда я смогу дуэлиться в полную силу – давай тогда и скажем все друг другу.

– …Да. Давай… давай так и сделаем… – прошептала в ответ Черноснежка и, закрыв глаза, с легкой улыбкой продолжила: – Если мне не изменяет память, наш дуэльный счет – тысяча двести тринадцать моих побед… и сколько поражений, напомни?

– А, так ты забываешь только неудобные цифры!

Вновь тихий смех наполнил подпространство. Купаясь в этих мягких звуках, Харуюки мысленно пробормотал:

В конечном счете, может, мне и не потребуется влезать. У этих девушек очень прочная связь где-то там, в самой глубине их душ. Да… и эта связь родилась и окрепла благодаря Ускоренному миру, где время бежит в тысячу раз быстрее.

Закрыв глаза, он попытался как следует поразмыслить на этот счет –

Но тут.

Середину спины прострелила боль. И в то же время в голове Харуюки чей-то голос – не его собственный, чужеродный – произнес холодные слова.

«Тогда верно и обратное, не так ли?

За все эти часы тысячекратно ускоренного времени должна родиться и вырасти уродливая ненависть. Возможно, и во мне тоже.

Дааааа. **Семя ненависти уже укоренилось в тебе и не исчезнет. Оно лишь терпеливо ждет, когда придет пора ему прорасти.**

Ты уже забыл тех, кто измывался над тобой? Ты уже забыл ту боль, которую они нам причиняли своей бессмысленной жестокостью и злобой? Ответь злом на зло. Силой на силу. "Семя", которое позволит тебе сделать это, всегда с тобой».

И пока этот черный, искаженный голос шептал ему, на экране зажмуренных век возникли лица.

Одноклассники, которые смеялись над Харуюки и дразнили его, когда он учился в начальной школе. Хулиганы, которые вытрясали из него деньги и разные вещи и издевались над ним в старших классах. Потом их лица исчезли, сменившись масками дуэльных аватаров. Их было мало, но тем не менее – все Бёрст-линкеры, которых он открыто ненавидел, смотрели на него свысока и открыто насмехались.

«Этих гадов ты тоже можешь понять? Можешь общаться с ними? Нет. Немыслимо».

Да. Это правда. Я ведь одного из них навсегда изгнал из Ускоренного мира. Так что я не могу общаться с ними. Но это… это уж неизбежно. Вполне естественно так поступать с такими, как они!

Так Харуюки мысленно простонал, и боль в спине тут же стала сильнее. Однако, как ни странно, это боль уже не была просто неприятной. Чем сильнее она становилось, тем большее облегчение Харуюки предвкушал, когда она высвободится вся. И, словно поторапливая его, словно искушая его, голос продолжал говорить.

«Вот именно, раздавить таких – вполне естественно. Ты уже обладаешь силой, позволяющей сделать это. Надо всего лишь произнести одно слово, назвать одно имя. Только лишь это – и ты сможешь раздавить их всех, ни одного в живых не оставить. Разрежь их на части, разорви на куски, сожри их полностью. Сожри. Сожри. Со-…»

– Во… Ворон-сан?!

Одновременно с этим возгласом левое плечо Харуюки кто-то сжал, и он резко открыл глаза. На миг все его тело задеревенело, потом он неуклюже развернулся.

Руку на его плечо положила Скай Рейкер, сидящая слева в первом пассажирском ряду. Она пристально глядела на Харуюки, в темно-красных глазах-линзах плескалась тревога. Потом она еле слышным, сухим голосом спросила:

– Ворон-сан… что ты сейчас делал?..

– Э… ч-что… я ничего…

Чувствуя себя виноватым за то, что у него возникли такие неприятные мысли, Харуюки замотал головой. Но он вовсе не пытался врать. Его тело действительно просто сидело в пилотском кресле и сжимало руль. Он ничего не делал – это была правда.

Однако следом и Черноснежка тихо произнесла:

– …Я тоже… видела. На секунду… твое тело осветилось оверреем инкарнации?!.

– ?!.

Харуюки ахнул; его пробрало шоком до самого нутра.

Он совершенно точно не применял систему инкарнации. В этом он готов был поклясться. С его уровнем тренировки он никак не мог включить способность к «перезаписи» бессознательно.

– Это… это нет! Я не пользовался инкарнацией! Я правду говорю!!! – прокричал он, лихорадочно тряся головой. Фуко

сдавила плечо Харуюки еще крепче, но потом убрала руку и тихо вздохнула.

– …Да. Это… не мог быть оверрей. У Ворона-сана оверрей серебристый. А… этот свет сейчас был…

Голос Фуко увял; вместо нее продолжила Черноснежка.

– …Да, это была ошибка. Скорее всего, какие-то окружающие световые эффекты отразились от металла Кроу. …Да, прости, что напугала тебя. Но ты тоже виноват, что у тебя аватар такого цвета.

Эти слова она произнесла уже на 70% своим обычным голосом, и атмосфера в летящем на сверхвысокой скорости шаттле разрядилась. Тиюри и Такуму на задних сиденьях одновременно выдохнули с облегчением.

– Блин, не пугай нас так, сестрица! …Ну вообще-то это правда, что аватар Хару иногда так блестит, что прямо слепит.

– Точно, точно. О, знаю: давайте обкурим его серой, чтобы серебряная броня окислилась?

– А-ха-ха, классная идея, Так-кун!

Слушая разговор своих друзей детства, Харуюки невольно улыбнулся. Он ощутил, как из его натянутого как струна тела постепенно уходит напряжение; однако холод, впитавшийся в его сердце, так просто исчезать не желал.

Харуюки уже не один раз за последние несколько месяцев слышал этот голос с металлическим эхом. Он считал, что голос исходит откуда-то из глубины его самого. Из его второй половины, которая и создавала все отрицательные эмоции, накапливавшиеся в нем. С раннего детства проводя много времени в одиночестве, Харуюки выработал странную привычку иногда разговаривать сам с собой.

Но – что если дело не только в этом? Что если это не просто некая ментальная метафора, а настоящий голос, исходящий от кого-то другого, не от Харуюки?

Но в таком случае владелец голоса был не в Ускоренном мире, а в нейролинкере Харуюки. Потому что он нашептывал что-то Харуюки, даже когда тот был не в погружении. Тогда, может, это какой-то вирус или программа-ИИ? Или… чье-то сознание, блуждающее в памяти его линкера? Но такого ведь не бывает, правда?..

Харуюки показалось, что вдалеке кто-то хихикнул. Он усиленно заморгал и выкинул ненужные мысли из головы. Сейчас о таких вещах некогда беспокоиться. «Гонка через "Гермес Корд"» приближалась к кульминации, и эту гонку надо было выиграть любой ценой.

Распахнув глаза, он увидел впереди кольцо синего света.

Скорее всего, это был выход из подпространства.

– Ребята, мы возвращаемся на трассу! Держитесь! – крикнул он, сделав глубокий вдох. Сзади раздалось четыре коротких возгласа.

Крепко сжав руль, Харуюки нацелил нос шаттла в центр синего кольца. Выход стремительно приближался, вот он уже заполнил все поле зрения – и, как только машина его коснулась, все потонуло в световом вихре.

– …Уаааа!!!

Первой воскликнула Тиюри.

Дальше последовали восхищенные возгласы остальных, включая Харуюки.

Все небо было абсолютно черным. На этом фоне красивой дугой собрались вместе бесчисленные световые точечки. Это был Млечный путь – Галактика. Однако и число звезд, и их яркость были совершенно не такими, как на аренах «Лунная ночь» и «Пустыня». Несмотря на то, что мир был холоден и неподвижен, казалось, что от скопления звезд исходит некая чистая мелодия.

Гигантская стальная колонна орбитального космического лифта «Гермес Корд» пронзала этот звездный мир и тянулась еще дальше ввысь. Яркий солнечный свет лился слева, освещая изогнутую поверхность. Свет падал и на корпус несущегося шаттла, отражаясь от серебряных бортов; машина отбрасывала вправо густую черную тень.

– …Вот, значит, какой он, космос… – прошептала Черноснежка, вытянув правую руку-меч в сторону Млечного пути. Потом тихо продолжила: – Интересно, это цифровой задник, нарисованный сервером «ББ»… или…

– …Скорее всего, настоящие кадры с Общественных камер. Расположение звезд слишком точное… – так же тихо ответила Фуко.

Конечно, даже если это настоящая картинка, она прошла через камеры, сеть и нейролинкер, так что, скорее всего, отличается от той, что видят невооруженным глазом астронавты и туристы. Но все равно Харуюки (как наверняка и четверо его товарищей) продолжал смотреть на Галактику, с трудом сдерживая эмоции.

Хотел бы я, если только это возможно, восхищаться этим безмолвным, холодным, но все-таки живым миром до бесконечности. Так желал Харуюки; увы, эти торжественные секунды быстро закончились.

Сзади раздался рев множества двигателей. Конечно, будь это настоящий космос, никаких звуков слышно не было бы, но,

похоже, в Ускоренном мире предпочтение отдавалось маленьким удобствам. Отчаянно завертев головой, Харуюки увидел несколько машин, вынырнувших из подпространства.

Впереди мчался багрово-красный шаттл, пилотируемый Блад Лепард. Чуть сзади был шаттл темно-серого цвета – команда Эш Роллера. Еще чуть позади – машина Желтого легиона.

После короткой паузы из подпространства вывалились два шаттла средних легионов. Похоже, участников осталось шесть, включая команду Харуюки. Судя по всему, кроме Фрост Хорна, выбыли еще две команды, ну а ржавого не было изначально.

Вдруг пространство сотряслось от грохота, перекрывшего рев двигателей шаттлов. Над головами в пространство ввинтились три гигантских трибуны. Более шестисот Бёрст-линкеров вскидывали руки и топали ногами. Купаясь в радостных воплях, шесть шаттлов продолжали мчаться вдоль поверхности башни.

– Отлично! Соперников осталось всего пять! – голос Черноснежки вдруг изменился, приобрел командные нотки. – Хотя они сильны, победа будет за нами! Давайте оставим их глотать пыль!

Харуюки и остальные выбросили вверх кулаки с решительным «дааа!» Проверив индикатор расстояния, Харуюки обнаружил, что до цели осталось меньше тысячи километров. Подсчет показывал, что, если они так и продолжат лететь на скорости 500 км/ч, им понадобится еще два часа; однако территориальные сражения по выходным длились вдвое дольше. Если ты полностью поглощен каким-то занятием, такой временной промежуток пролетает мгновенно.

Так, теперь нельзя допустить ни единой ошибки! Я не дам команде Пард-сан снова подобраться на расстояние стрельбы!

Харуюки с удвоенной силой сжал руль и пристально вгляделся в нечто напоминающее зону препятствий далеко впереди.

Однако –

В следующий миг.

Рядом с правым бортом их шаттла произошло нечто совершенно неожиданное.

Густая тень шаттла, созданная солнечными лучами. Из самой ее середины донесся тихий водянистый звук, а потом оттуда выплыло нечто странное.

Это была громадная тонкая пластина. Прямоугольная пластина, в длину и ширину такая же, как шаттл, летела параллельно машине №1 в двух метрах от нее. Несмотря на то, что она тоже неслась на скорости 500 км/ч, от нее не исходило ни единого звука, ни малейшей вибрации. И она была матово-

черная, всасывающая весь свет.

Внешность и текстура пластины взбудоражили память Харуюки. Ему даже не пришлось очень уж стараться, чтобы вспомнить.

Два месяца назад, вскоре после начала учебного года – таинственный Бёрст-линкер вмешался в дуэль, происходившую в «Безграничном нейтральном поле» во дворе средней школы Умесато. Несомненно, сейчас это был тот самый аватар – обладающий способностью превращать свое тело в сверхтонкую пластину и в таком виде незаметно передвигаться в тенях. Но что он здесь делает?

Потрясение Харуюки вместе с роящимися в голове вопросами выплеснулись из горла в виде имени.

– «Блэк Вайс»!!!

И, будто отвечая на этот возглас –

Гигантская пластина беззвучно расщепилась пополам. Две пластины разошлись, а потом быстро исчезли, словно растворившись в вакууме космического пространства.

То, что появилось на их месте, обрушилось на Харуюки еще большим шоком.

Это был шаттл. Точно такой же формы, как тот, на котором летела команда «Нега Небьюлас», только другого цвета. На его поверхности был словно небрежно рассыпан красноватый порошок. Ржавчина, одним словом. Вне всяких сомнений, это был ржавый шаттл №10, стоявший без экипажа на правом краю стартового ряда. Хоть он и выглядел совершенно неспособным двигаться, однако четыре его линейных диска ярко сияли, и он летел на максимальной скорости.

Стало быть, шаттл №10 вовсе не был разрушен коррозией. Он всего лишь приобрел цвет аватара, который зарегистрировался в качестве его пилота.

Харуюки сместил взгляд на кокпит шаттла №10, абсолютно убежденный в том, что он там увидит.

На месте пилота сидел, молча сжимая руль –

Дуэльный аватар того же ржавого цвета, что и его машина, с тонким телом, словно бы состоящим из металлических пластин, скрепленных заклепками. Харуюки и с ним не впервые встречался. Два месяца назад он сражался с этим аватаром – на подпольной арене «Акихабара BG» в локальной сети игрового центра в Акибе.

Тише, чем раньше, Харуюки произнес второе имя.

– …«Раст Джигсо»…

Однако и после того, как Харуюки назвал имя, аватар цвета ржавчины сохранил молчание и даже не повернулся к нему. Он

сидел, слившись с сиденьем, будто став одним целым со своим шаттлом.

Взглянув на четыре кресла сзади, Харуюки обнаружил там всего одного пассажира. Нет, правильнее сказать – «один набор пластин». Лишь тонкая тень сидела на заднем ряду. Эта ни на что не похожая внешность – черные пластины в форме человека –

могла принадлежать только лишь Блэк Вайсу.

Эти два Бёрст-линкера принадлежали к организации, называющей себя «Кружком исследования ускорения». И размер этой организации, и ее состав оставались практически полной загадкой. Единственное, что Харуюки про них знал, – что все они обладали нелегальным устройством под названием BIC (Brain Implant Chip) и пользовались им, чтобы разными способами обходить ограничения «Brain Burst».

Вот почему Харуюки ощутил такое потрясение, встретив этих двоих в гонке через «Гермес Корд», праздничном мероприятии. Он обалдело смотрел на шаттл, остолбенев от шока. Внезапно ливень голосов хлынул сверху.

– Э… эй, эй, откуда взялся этот шаттл?!

– Разве номер десять не сошел?!

– Если этот выиграет, что с нашими ставками?!

Зрители, видимо, тоже были ошеломлены столь неожиданным развитием событий. Голоса, доносящиеся с трибун, были полны замешательства, а не восторга, как раньше.

И тут Харуюки услышал тихий, словно проскользнувший в общий гомон, разговор двоих в шаттле №10.

– …На этом моя работа завершена?

Этот спокойный голос, как у учителя, принадлежал Блэк Вайсу. В ответ раздался мальчишеский, но словно нарочно приглушенный голос:

– Ага, достаточно. Можешь идти.

– Тогда я позволю себе откланяться, Джигсо-кун… До свидания, Черный король. И остальные члены «Нега Небьюлас».

– …Ах ты мерзавец, – прошептала Черноснежка; но она успела лишь чуть двинуть правой рукой, а человекоподобная тень, сидевшая в заднем пассажирском кресле, уже спрыгнула с шаттла. В мгновение ока эта тень унеслась назад, будто всосавшись в угольно-черное небо – и исчезла.

К этому времени Харуюки догадался, каким образом шаттл №10 так неожиданно возник из тени шаттла №1.

Блэк Вайс, обладающий множеством странных способностей, мог, по-видимому, сжимать в черную пластину и прятать в тени не только себя самого, но и другие аватары и предметы.

В полшестого вечера среды, когда на верхнем этаже Скай Три открылся портал, первыми прошли в «Гермес Корд» не только Харуюки и Пард-сан. На самом деле там были и Блэк Вайс с Раст Джигсо. Но они наверняка прятались в тени башни; а как только Харуюки и Пард-сан разлогинились, они оттуда вышли и зарегистрировались. Вот почему их не заметил ни Харуюки, ни Пард-сан, ни Эш Роллер, ни остальные, пришедшие позже.

Маскирующая способность Вайса была использована не только при регистрации.

Перед началом гонки стартовая площадка утонула в тени громадных зрительских трибун. Скрывшись в этой тени, Вайс и Джигсо пролезли в шаттл, после чего укрыли и машину тоже. И с самого старта, оставаясь невидимыми, перебрались в тень шаттла №1. Так они и летели совсем рядом с Харуюки и остальными, затаив дыхание. В общем, способность Вайса позволяла ему «свободно передвигаться или оставаться неподвижным в любой тени».

Пока Харуюки мысленно рассуждал, Раст Джигсо, единственный теперь аватар в шаттле №10, вновь погрузился в молчание и крепко сжал руль.

Харуюки, хотя и не ухватил в полной мере ситуацию и испытывал по этому поводу нехорошие ощущения, обратился к аватару цвета ржавчины:

– …Раст Джигсо, почему ты вышел именно сейчас? Ты ведь мог бы, если бы захотел, прятаться в нашей тени до самого финиша, а потом в последний момент выйти и победить.

Джигсо не только не ответил – даже не дернулся. Но Харуюки, чувствуя, что что-то не сходится, продолжил нажимать:

– Раз ты этого не сделал, а выбрался из тени сейчас, значит… ты хочешь нормально гоняться с нами, так? Но я тоже именно этого хочу. Я буду честно состязаться с тобой всю оставшуюся тысячу километров –

– …Тихо.

Это единственное слово оборвало реплику Харуюки. Голос Раст Джигсо, который Харуюки услышал впервые, звучал холодно и сухо, но тем не менее в нем чувствовалось что-то кипящее.

– Э?..

– Не болтай. Не говори мне всякие глупые слова – «гонка», «состязаться».

Безразлично произнеся эти слова, Раст Джигсо впервые за все время повернул голову и посмотрел на Харуюки и остальных красными глазами, холодно горящими под маской, склепанной из тонких железных листов. Харуюки помнил внешность Раст Джигсо только по тому разу, когда Блад Лепард жестоко расправилась с ним в «Акиба BG», но тогдашнее впечатление начисто вылетело у него из головы от этого ледяного взгляда ржавого аватара.

Джигсо прищурился и произнес, будто приказывая:

– Вам должно быть стыдно. Вам всем должно быть стыдно за себя, что вы упрямо отворачиваетесь от истинной цели «Брэйн Бёрста».

– …Хооо? В таком случае позволь спросить. Какова же эта истинная цель?

Черноснежка, до сих пор молчавшая, заговорила угрожающим тоном. Даже услышав этот вопрос, Раст Джигсо не выказал ни малейших признаков замешательства. Он развернул голову обратно вперед и выплюнул:

– Ты должна понимать. «Брэйн Бёрст» – всего лишь грязный лайфхак.

– Лайф… хак?!.

Этот голос, полный сдерживаемой ярости, принадлежал Такуму. Крупный синий аватар попытался было перегнуться наружу, но сидящий рядом желто-зеленый аватар дернул его обратно.

– Слушай, ты! Это только твое личное мнение! Даже если для тебя это просто штучка, которая облегчает жизнь, для нас все по-другому! Для нас «Брэйн Бёрст» – лучшая из PvP-игр[29]!

– Вот именно, – подхватила Скай Рейкер. – И потом, ты сам себе противоречишь. Если это всего лишь инструмент, почему ты участвуешь в гонке? Почему ты показался на полпути? Если ты хочешь сражаться и состязаться, это доказывает, что и для тебя «Брэйн Бёрст» не инструмент, а игра.

Услышав эти резкие слова –

Раст Джигсо сильнее съежился в пилотском кресле.

Харуюки показалось, что в Джигсо сейчас идет какая-то внутренняя борьба. И тут же несколько догадок о том, что бы это могло быть, сами собой возникли у него в голове.

Неужели Джигсо сам хотел бы отвергнуть собственные слова? Может, он сам хотел бы сражаться как Бёрст-линкер – ощущая вкус восторга и возбуждения от дуэлей, чувствуя связь с другими игроками через дуэль? Иными словами, он хотел бы покинуть ту организацию… «Кружок исследования ускорения», связывающий его?..

Припомнив грабителя цвета сумерек, который принадлежал когда-то к той же организации и, когда у него был шанс сделать такой выбор, не сделал его (а может – не смог сделать), Харуюки на автомате спросил:

– Т… ты… на самом деле… хочешь перейти на *эту сторону*?..

Молчание.

После чуть затянувшейся паузы Раст Джигсо медленно поднял голову, которую до того пригнул к самому рулю, и снова взглянул на Харуюки.

В этот самый миг Харуюки понял, что со своей догадкой попал пальцем в небо.

Чувством, одолевавшим Джигсо, была ярость. Хаотичная,

кипящая ярость, не имеющая ничего общего ни с остротой, ни с чистотой. Ненависть, направленная не на какую-то конкретную цель, а сразу на всё, во всех направлениях. Подобно, так сказать, гигантской ржавой пиле, беспорядочно размахиваемой во все стороны.

– Пожалейте, – проскрипел Раст Джигсо. И тут же, убрав правую руку с руля, крепко прижал ладонь ко лбу. Выглядело так, будто он сражается с невыносимой болью; но его слова постепенно начали пропитываться каким-то безумным фанатизмом, и голос повышался, пока не превратился в крик.

– Пожалейте о своей наивности, что не атаковали меня сразу, как только увидели. И почувствуйте цену, которую заплатите за это. Кричите от ужаса! Ваши глупые игры сегодня закончатся! И придет время желаний и драк, разрушений и смертей! Нет… оно уже пришло!!!

И сразу после этих слов Харуюки увидел.

От всего тела Раст Джигсо стали исходить лучи тускло-красного света.

Они принялись клубиться вокруг него, изгибаясь и извиваясь, как клубок змей. Мощная вибрация сотрясла шаттлы и громаду космического лифта. Стальная «трасса», два шаттла и даже беспросветно черный космос вокруг – все это ярко засияло.

Это не был какой-то спецприем. Поскольку в гонке полоса хит-пойнтов зафиксирована, шкала спецатаки не может заполняться. Значит, это была сила воображения, рожденная в сердце Джигсо…

– Плохо, это оверрей! – выкрикнула Черноснежка. – Кроу, отводи машину! Будет атака инкарнацией!!!

К этому времени Харуюки уже вывернул руль влево. В последний миг еле заметным движением руля стабилизировал шаттл, не дав ему закрутиться, и повел машину прочь от №10.

И он услышал голос, который будто преследовал их шаттл, пытающийся сбежать на противоположную сторону башни.

– Смотрите, имбецилы! Вот истинная форма «Брэйн Бёрста»!!!

В окне заднего вида Харуюки увидел, как Раст Джигсо встал в кокпите, вскинул руки – и заорал.

– «Ржавый мир»!!!

Все вокруг сотряслось.

…Это оверрей?!

Втопив акселератор до упора, Харуюки содрогнулся. Лавина красного света, испускаемая шаттлом №10, достигла размера небольшой звезды, и в мгновение ока ее край оказался уже на

хвосте у шаттла №1.

– Де… держитесь!

С этим выкриком Харуюки чуть довернул обратно руль. Светящееся энергетическое облако охватило всю башню стометровой толщины. Пытаться уйти вдоль башни по диагонали было бесполезно. Теперь шаттл снова летел прямо вперед, и свет мчался в считанных сантиметрах от его хвоста.

Цепко удерживая на месте руль, Харуюки оглянулся. Увиденное заставило его ахнуть.

Поверхность лифта, всего несколько секунд назад красивая и серо-стальная – гнила со страшной скоростью!

Харуюки словно смотрел на быстрой перемотке на железную плиту, оставленную у кромки воды на берегу океана. Там, куда попадал свет, появлялись пятна ржавчины. Они стремительно росли, сливались друг с другом – и вот они уже покрыли всю поверхность лифта. Вскоре то тут, то там стали появляться трещины, кроваво-красная ржавчина посыпалась внутрь, оставляя облачка пыли. Образовывались кратеры, как от попадания метеоритов.

– Это… это просто ерунда какая-то… – просипел Харуюки, мотая головой. – Даже если это инкарнация… Когти Пард-сан даже поцарапать не могли этот лифт… и в-вообще, какая же у нее дальность!

Насколько Харуюки знал, все инкарнационные техники сводятся к явлениям, так или иначе воздействующим на автора приема. Даже дальнобойные атаки работают по принципу усиления атакующей мощи самого аватара через инкарнацию.

Но воображение Раст Джигсо, который явно был в ярости, уничтожало все, что было вокруг, в том числе на громадном расстоянии, без каких-либо ограничений. Такое просто теоретически должно быть невозможно. Источник энергии инкарнационных техник – душевные раны, а значит, воображение, принадлежащее только самому этому Линкеру.

На вопрос Харуюки тихим голосом ответила Черноснежка, тоже оглянувшаяся посмотреть, что происходит.

– …Это «эрозия пространства»…

Скай Рейкер тут же пояснила незнакомый термин:

– Обратная сторона инкарнации, основанной на надежде… предельная форма инкарнации, основанной на ненависти. Слишком сильная ненависть ко всему миру вызывает «перезапись» самой арены… Но даже для королей, чтобы сформировать такое мощное воображение, требуется просто абсурдно долгая концентрация…

Черноснежка прищурилась и кивнула.

– Этот тип, скорее всего, прятался в нашей тени все это время как раз для того, чтобы этим заниматься, но… все равно это слишком аномально. Может, он насильственно подстегнул свою ментальную сосредоточенность с помощью BIC?..

– Не может быть, это же… колоссальная нагрузка на мозг…

Пока девушки переговаривались, ржавый шторм, вызванный Джигсо, продолжал свою разрушительную деятельность.

Некоторые из шаттлов других команд, летящих сзади, стали жертвами коррозии. Похоже, Блад Лепард и Эш Роллер со своим виртуозным пилотажем сумели избежать серьезных поломок, вовремя затормозив, но несмотря на это, их машины проржавели более чем наполовину и сильно замедлились. Так что, даже если им удастся избежать полного разрушения, возможно, они будут вынуждены покинуть гонку.

Но командам Желтого легиона и двух средних легионов пришлось намного хуже. Они влетели прямиком в зону поражения, и по космосу разнеслось множество отчаянных воплей.

Три шаттла стремительно покрылись сплошным слоем ржавчины. Но этим дело не ограничилось. Аватары членов экипажей тоже в мгновение ока проржавели, и от них начали отваливаться куски брони и снаряжения.

В конце концов разрушение достигло собственно тел аватаров; они один за другим повываливались из шаттлов и улетели в бездну, распадаясь на части.

– Ни фига себе, у них же хит-пойнты были зафиксированы! – простонал Такуму. Тиюри добавила расстроенным голосом:

– Это… это ужасно! Всю гонку испортили!!!

И, будто услышав их слова, Раст Джигсо, продолжающий гнаться за шаттлом №1, расхохотался.

– Ку-ку-ку… ха-ха, ха-ха-ха-ха-ха-ха!!! Отчаивайтесь!!! Плачьте!!! И раскаивайтесь!!! Это расплата за заблуждения!!! Этот мир, в конечном счете, такой же, как реальный!!! Ничему не уйти от распадаааааа!!!

И тут же, будто сами эти слова обладали силой инкарнации, буря красного света рванулась вверх.

Поток энергии поймал одну из зрительских трибун и поглотил ее.

Не может быть! – но прямо перед выпученными глазами Харуюки даже трибуна, которая должна была представлять собой объект, абсолютно защищенный системой, начала покрываться ржавчиной, издавая неприятный скрежет. Множество трещин побежало по ее гладкому прежде дну, и одна за другой принялись отваливаться всякие планки.

Несколько секунд спустя вся гигантская структура, парящая над поверхностью башни, рассыпалась.

Сотни зрителей, скопившихся в одном месте, лавиной посыпались в пространство. Они все вопили; одни стремительно ржавели, другие падали на поверхность лифта и разлогинивались из Ускоренного мира, превращаясь во вспышки света.

– Что за… идиотизм… – ахнула Черноснежка; она сидела запрокинув голову, будто ее оттолкнуло назад это зрелище. – Так ведь… зрители обязательно заметят. Что то, что происходит, выходит далеко за рамки нормальной игровой системы…

Услышав эти слова, Харуюки осознал всю серьезность ситуации.

Старшие Бёрст-линкеры, включая «семерых королей чистых цветов», постоянно прилагали невероятные усилия, стараясь скрыть существование системы инкарнации. Даже когда возникала необходимость обучить других пользоваться ей, первое, что они заставляли пообещать своих учеников, – «применять инкарнацию только против атак инкарнацией».

Все это из-за того, что система инкарнации имела другую, темную сторону.

Те, кто в погоне за силой тянутся рукой в дыру в собственном сердце, при этом и сами влекутся к этой дыре. Раз поступив так, они пьянеют от отрицательных эмоций, воплощением которых служат их дуэльные аватары. Худшим примером был «Доспех бедствия», Кром Дизастер, вызвавший в свое время громадный переполох в Ускоренном мире. С тех пор короли удерживают информацию о системе инкарнации, чтобы тот кошмар не повторился вновь; даже Желтый король Йеллоу Рэдио, невероятно хитрый и изворотливый тип, предпочел тогда в присутствии своих подчиненных отступить, не применяя инкарнацию.

А сейчас, в кульминационной стадии гонки через громадный «Гермес Корд», Раст Джигсо высвобождал инкарнационные силы на глазах у более чем полутысячи Бёрст-линкеров.

Зрители просто не могли этого не осознать. Осознать всю иррациональность того, что трибуны, защищенные системой от разрушения, и их собственные хит-пойнты, предположительно зафиксированные, летят в тартарары. Осознать существование иной силы, превосходящей возможности системы.

– Почему… так? – еле слышно прошептала Скай Рейкер, качая головой. Харуюки были до боли понятны ее чувства.

Она верила в светлую сторону системы инкарнации – возможно, сильнее, чем кто-либо еще из Бёрст-линкеров. Она верила, что не страх или ненависть, а надежда – величайшая сила Ускоренного мира. Для Рейкер ситуация, когда сила,

воплощающая в себе предельную ненависть, ранит столько Бёрстлинкеров, была совершенно невыносима.

– Учитель… – произнес Харуюки, обернувшись; но в этот момент он кое-что заметил уголком глаза и поспешно крутанулся обратно.

Там, куда направлялся шаттл, едва удерживаясь вне радиуса действия масштабного спецприема Джигсо «Ржавый мир», из поверхности лифта торчало множество каких-то объектов. Скорее всего, это были препятствия для придания гонке дополнительной остроты. В нормальной ситуации Харуюки с удовольствием принял бы этот вызов своему мастерству, но сейчас его охватил ужас. Проскочить по прямой на полной скорости между антеннами и баками, понатыканными рядом друг с другом, было абсолютно нереально, а если он хоть на чуть-чуть замедлится, инкарнационная атака Джигсо дотянется до шаттла.

Харуюки заскрипел зубами; и тут его ушей достиг грохот рушащейся второй трибуны и вопли зрителей.

– Блин… блин!!! – вырвалось у него. Выступившие на глазах слезы затуманили поле зрения, окружили все радужными ореолами.

Эта гонка была такая классная. Я вместе со своими лучшими друзьями сражался со своими лучшими врагами. А главное – я был так, ТАК близок к тому, чтобы доставить Рейкер-сан к «краю неба», куда она так сильно стремилась!!!

– Как будто я… смирюсь с поражением!!!

Стряхнув слезы, Харуюки сосредоточенно всмотрелся перед собой.

Он просто не может допустить, чтобы эта гонка была сорвана ненавистью под маской инкарнации. Он будет драться до конца. Он будет сопротивляться.

Чтобы продвигаться вперед, избегая инкарнационной атаки, необходимо преодолеть зону препятствий, ни разу не сбавив скорости. Хотя шаттл №10, на котором был один Джигсо, весил намного меньше, чем №1, скорости были примерно равны, потому что Джигсо пилотировал, лишь нажимая ногой на акселератор и сосредотачиваясь на продолжении своего мегаприема. Если это расстояние удастся сохранить, команда Харуюки доберется до финиша первой, не попав в ураган ржавчины.

Будто слившись с машиной, Харуюки сосредоточил все внимание на руле, который сжимал обеими руками, педали акселератора, на которую давил правой ногой, и пилотском кресле, в которое вжимался поясницей.

Через несколько секунд шаттл пулей влетел в самую

середину скопления хаотично понатыканных в поверхность башни антенн.

– Кку… о…

Издавая нечленораздельные звуки сквозь стиснутые зубы, Харуюки уклонялся от стальных антенн, пролетавших по обе стороны шаттла. Поскольку снизить давление на акселератор он не мог, все будет кончено, стоит ему хоть раз нарушить позу. Харуюки едва-едва поворачивал руль в последний миг, когда линейные диски готовы были перестать удерживать шаттл возле металлической поверхности.

Четверо сзади явно поняли решимость Харуюки. Не произнося ни слова, они всякий раз, когда машина, поворачивая, кренилась в одну сторону, отклонялись в противоположную. Благодаря этой отчаянной командной игре шаттлу удавалось на считанные сантиметры опережать инкарнационную бурю.

Даже когда шаттл №10 ворвался в зону препятствий, он вовсе не снизил скорости. Антенны и баки, преграждавшие его путь, просто превращались в комочки ржавчины и разлетались. Несмотря на то, что «Ржавый мир» включился уже больше пяти минут назад, ярость инкарнации совершенно не собиралась утихать.

Чтобы постоянно поддерживать такую масштабную «перезапись» в течение столь долгого времени, требовалось устрашающе мощное воображение. Содрогаясь при мысли, какая же глубина ненависти здесь содержалась, Харуюки попутно успевал чуть-чуть сомневаться.

Он ведь не впервые сражался с Раст Джигсо. Два месяца назад на арене в «Акихабара BG» команда из Харуюки и Блад Лепард дралась с Джигсо и победила.

Однако тогда Джигсо даже не пытался применять инкарнационную технику. Судя по его сегодняшним словам и поведению, он и в тот раз совершенно не постеснялся бы ей воспользоваться, если бы мог. Харуюки мог придумать лишь две возможных причины, почему этого не произошло. Либо инкарнационные приемы Джигсо ограничивались «эрозией пространства», которая сопровождается риском для здоровья мозга при длительном применении, либо применять инкарнацию ему запретили старшие.

Если последнее – это означает, что за эти два месяца в политике таинственного «Кружка исследования ускорения» произошли радикальные изменения. Ведь нынешние действия Раст Джигсо, плюющегося словами вдобавок, наверняка были одобрены его организацией. Об этом свидетельствовало то, что помогал ему Блэк Вайс, вице-председатель «Кружка». Какую же

цель преследовала эта организация, совершая столь крупномасштабную диверсию?..

Харуюки мог хотя бы уголком сознания думать о подобных материях благодаря тому, что сумел более-менее запомнить закономерность в расположении препятствий. Антенны торчали в соответствии с некоторым правилом, хотя и довольно сложным. Теперь оставалось лишь раз за разом уклоняться то влево, то вправо, не совершая ни единой ошибки. Харуюки этим уже множество раз занимался в гоночных играх, в которые когда-то играл…

Однако в следующий миг – Харуюки осознал, что закономерность сама по себе являлась серьезнейшим из препятствий.

Как только он привык к расположению антенн и чуть-чуть расслабился, эта самая закономерность сменилась на новую, абсолютно другую.

– Гхх…

Тихо простонав, Харуюки отчаянно работал рулем. Шаттл неустойчиво кренился то влево, то вправо, его борта касались препятствий, от которых не удавалось увернуться полностью, и всякий раз в пространство вылетал сноп искр.

А еще через несколько секунд, будто смеясь над отчаянными стараниями Харуюки, впереди возникла плотная группа антенн. Пролететь между ними было абсолютно невозможно. Надо было обогнуть всю группу, резко повернув или вправо, или влево. Но на такой скорости этот поворот приведет к тому, что шаттл сделает бочку.

К тому моменту, когда Харуюки это понял, его правая нога сама сошла с акселератора и нажала на педаль тормоза. Магнитная сила дисков изменила направление, и шаттл, опрокидываясь вперед, вошел в правый поворот.

Этим незначительным торможением – воспользовался гонящийся за ними шторм.

– Хару!..

Одновременно с возгласом Такуму хвост шаттла озарился тускло-красным сиянием.

Странная вибрация передалась Харуюки через руль. Даже не глядя в окно заднего вида, Харуюки понял, что красивое серебряное тело шаттла стремительно ржавеет, и от него отваливаются куски. Харуюки задавил в себе панику и попытался вновь разогнаться, едва закончив поворот. …Однако того надежного ускорения, как несколько секунд назад, уже не было.

Не только корпус – ржавели даже задние линейные диски. Шаттл №1 отчаянно рвался вперед за счет магнитной силы

передних дисков, но мощность упала вдвое.

– Гхх!..

– Кяаа?!

Сразу после вскриков Такуму и Тиюри сидящие перед ними Черноснежка с Фуко, а затем и Харуюки в пилотском кресле попали в челюсти ржавой бури.

– …Ха-ха-ха-ха! Ржавейте! Разлагайтесь! И разваливайтесь!!! – донесся издалека визгливый смех Джигсо. Однако Харуюки было не до того, чтобы отвлечься и послушать.

Жжет! Все его тело охватила острая боль, как будто его поливали кипятком. Кинув взгляд вниз, Харуюки увидел, что красивая сверкающая серебряная броня Сильвер Кроу затуманилась, и в ней то тут, то там возникают дырочки. Одновременно полоса хит-пойнтов в левом верхнем углу поля зрения начала быстро укорачиваться, будто издеваясь над надписью «LOCKED».

Терпя боль, Харуюки оглянулся.

И его лицо невольно исказилось. Четверо пассажиров тоже скорчились от боли. Металлический Сильвер Кроу изначально слаб против коррозии; но подумать только – Черноснежка и остальные аватары, нормальных цветов, тоже так сильно страдают от ржавчины. Сила воображения Джигсо уже не сводилась к «ржавлению металла». Как он и выкрикнул только что, это было «разложение», близкое по сути к «гниению».

– Аа… аааа!.. – тоненько закричала Тиюри, не в силах больше терпеть. Такуму попытался накрыть ее своим телом, чтобы как-то защитить, но красный свет въедался в каждую щелочку и беспощадно тускнил свежий зеленый цвет Лайм Белл.

– Белл!.. – выкрикнула Скай Рейкер и на миг опустила глаза, будто не решаясь сделать что-то.

Но в следующее мгновение она подняла голову и вскинула тонкую правую руку вверх.

– …Рейкер.

Что бы ни собиралась сказать Черноснежка – она не сказала, остановленная левой рукой Рейкер. А потом поднятую ладонь Фуко охватило яркое небесно-синее свечение.

Оверрей. Сияние железной воли, родившееся в самой глубине сердца.

– «Вуаль ветра»!!!

Сразу после выкрикнутого названия приема – подул ветер.

Чуть голубоватый вихрь, образовавшийся вокруг Скай Рейкер, заключил в себя весь шаттл. И тут же боль от коррозии, терзавшая все тело Харуюки, угасла, точно это был всего лишь сон. Искорки плясали там, где красный свет сталкивался с

голубым ветром, – там, где сражались две формы инкарнации.

Сомнений не было. Скай Рейкер применила инкарнационную технику. Не атакующую, а скорее оборонительную. Более того, она защищала не только саму Рейкер, но и вообще все в радиусе трех метров от нее.

Если положительная инкарнация, нацеленная на отдельные аватары, – это «надежда».

Если отрицательная инкарнация, затрагивающая все окружающее, – это «ненависть».

То как назвать эту положительную инкарнацию, защищающую всех пятерых?

Эта мысль и сцепленная с ней глубокая эмоция на миг вспыхнули в голове у Харуюки. Шаттл №10, пилотируемый Джигсо, стремительно пролетел метрах в двадцати от №1, который двигался медленно, окутанный голубой вуалью. Аватар цвета ржавчины, стоящий в кокпите, в очередной раз вскинул руки к небу и злорадно расхохотался.

– Ха-ха-ха… ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!!!

Проламываясь сквозь антенны и оставляя позади себя глубокие вмятины в поверхности башни, шаттл быстро удалялся. Лишь его пилот, полностью уничтоживший гонку через «Гермес Корд», стремился к финишной черте, ожидающей далеко вверху…

– Чччерт… блин!.. – вырвалось у Харуюки.

Это было непростительно. Обогнать шаттл №10 на полуразрушенном №1 было уже нереально, но, во всяком случае, Харуюки никак не мог смириться с тем, что Джигсо станет победителем. Это будет означать поражение всех команд, участвующих в гонке… нет, вообще всех, включая зрителей на трибунах.

Но все равно же – Харуюки просто ничего не мог поделать…

…Нет.

Мог. Даже если гонку уже не выиграть, существовал один способ остановить Джигсо.

Их шаттл уже покинул зону действия «Ржавого мира». Рейкер остановила голубой ветер и рухнула на свое сиденье, будто лишилась сил. Черноснежка встревоженно приподняла ее за плечи. Убедившись в этом, Харуюки вернул взгляд вперед. Хотя скорость шаттла уменьшилась вдвое, передние линейные диски продолжали исправно работать.

Начисто выкинув из головы свои недавние мысли и чувства по поводу инкарнационной техники Рейкер, Харуюки стиснул зубы.

Даже если шаттл продолжит лететь вперед, Джигсо он уже не догонит. Но догнать его все-таки возможно. Да – если это будет

не шаттл, а сам Харуюки.

– …Хару, что нам делать?.. Если мы полетим за ним, держась на безопасном расстоянии, мы, наверное, сможем взять второе место, но… – пробормотал с заднего сиденья Такуму. Черноснежка подавленно ответила:

– Мм… чем брать такой приз, лучше здесь машину…

Это разговор едва-едва достигал сознания Харуюки. Он лишь молча глядел на ржавый шторм, удаляющийся с каждой секундой, а потом вдруг встал.

– …Кроу?.. – позвала Черноснежка, будто почувствовав что-то. Харуюки, не оборачиваясь, коротко ответил:

– …Семпай, позаботься об остальных.

– Что… что ты хочешь сделать?!

Вместо ответа Харуюки, продолжая стоять, нажал на акселератор.

Умирающая машина пронзительно вскрикнула. Ржавые линейные диски окутались электрическими искрами, будто агонизируя.

Убедившись, что цифры на спидометре вновь побежали вверх, Харуюки резко наклонился вперед.

Вытянул перед собой руки. И с силой развел в стороны. Синхронно с этим движением тонкие металлические пластины, сложенные за спиной, раскрылись.

Сильвер Кроу только что получил урон от инкарнационной атаки, игнорирующей защиту системы; его хит-пойнты съехали почти на 30%. Зато шкала спецатаки в результате зарядилась более чем наполовину. Иными словами – теперь он мог летать.

– Нет… нет, не надо, Кроу! – закричала Черноснежка, угадавшая намерения Харуюки. – Нельзя бороться с инкарнацией, порожденной ненавистью, своей ненавистью! Здесь уже сражаться бесполезно!

– Но… я… я! – скрипучим голосом выдавил Харуюки сквозь зубы. – Я его ни за что не прощу!!!

Что бы мне ни пришлось сделать, я остановлю Джигсо. Нет – я раздавлю его.

Сразу после того, как Харуюки мысленно добавил эти слова, правый линейный диск наконец взорвался, испустив ослепительные искры.

А за миг до этого Харуюки подсел и выстрелился в небо со всей силы.

Легкая вибрация прошла по распростертым крыльям. Харуюки пристально вгляделся вперед, словно пожирая глазами увиденное, и обнаружил в самом центре поля зрения шаттл №10.

– Пошеоооол!!!

И он врубил крылья на полную мощность. Оставив позади шаттл №1, который, крутанувшись на месте, остановился, Харуюки полетел вперед один.

Максимальная скорость Сильвер Кроу, единственного на весь Ускоренный мир летающего аватара, достигала 300 км/ч. Шаттл №10 летел сейчас на скорости более 400 км/ч, так что Харуюки не догнал бы его, если бы стартовал с места, но он ведь спрыгнул, почти катапультировался со своего шаттла, который сам летел с такой же скоростью, так что шанс достичь цели оставался.

Преобразовав в силу полета всю свою волю и шкалу спецатаки, Харуюки молнией несся вперед.

Тут же он очутился в зоне действия «Ржавого мира», и броня начала тускнеть. Ее поверхность запузырилась, точно кипя, и начала растворяться, превращаться в частички света.

Горячая боль вновь пробежала по нервам, но ярость была сильнее. Пронзая собой бушующий ржавый ураган, Харуюки приближался к шаттлу. Десять металлических пластин по обе стороны спины стали одна за другой отваливаться у основания, но ему было наплевать.

Инерция и тягловая сила постепенно таяли, и скорость снижалась. 600 км/ч. 500 км/ч. Если он не нагонит врага до того, как его скорость упадет до 400 (с такой скоростью летел вражеский шаттл), второго шанса уже не будет.

Ближе к шаттлу цвета ржавчины… еще ближе… но скорость падала на глазах…

– Уу… ооо!..

Он изо всех сил вытянул левую руку вперед; пальцы коснулись хвоста шаттла, соскользнули, снова коснулись – и крепко ухватились.

– Ооооо!!!

Харуюки собрал остатки сил и запрыгнул на задний ряд сидений шаттла. Джигсо быстро оглянулся. На его лице-раме было написано легкое удивление.

Похоже, на таком близком расстоянии эффектов коррозии практически не было, как в глазу тайфуна. Но все тело Сильвер Кроу успело здорово проржаветь, пока он пробивался через инкарнационный шторм. От его хит-пойнтов оставалось уже процентов тридцать. Роняя кусочки брони, Харуюки отвел правую руку, соединил пальцы и направил туда остатки своей концентрации.

Напряг воображение. Сгенерировал оверрей, сосредоточил его на кончиках пальцев и придал ему форму клинка.

– …«Лазерный меч»!!!

И Харуюки направил в грудь Джигсо единственный

инкарнационный прием, который освоил полностью.

С громким металлическим звуком серебряный свет вырвался из вытянутой правой руки, коснулся ржавой брони, чуть погрузился –

Но в этот момент правая рука Сильвер Кроу переломилась в локте. Серебряный свет бессильно растворился в пространстве, и атака Харуюки закончилась, стерев лишь точку в полосе хит-пойнтов Джигсо.

Прежде чем Харуюки, силы которого истощились, рухнул на сиденье шаттла.

Тонкая полоска, протянувшаяся от внешней стороны правой руки Раст Джигсо, воткнулась в левую подмышку Кроу и удержала его от падения.

– …Ку, ку-ку-ку.

Захихикав, ржавый аватар полностью развернулся лицом к Харуюки. Он убрал ногу с акселератора, и шаттл постепенно замедлял ход, Но даже если Харуюки удастся остановить его здесь на время, это будет бессмысленно, если выжившие шаттлы – №1 и те два, которые вели Блад Лепард и Эш Роллер, – повреждены слишком сильно.

Одновременно с полной остановкой машины №10 инкарнационная буря наконец-то улеглась, и Вселенная обрела изначальные цвета и тишину.

Купаясь в холодном сиянии звезд и ярком свете солнца, Раст Джигсо приподнял Харуюки на тонкой двухметровой полоске, торчащей из его правой руки, и прошептал:

– Признай. Это ваш предел – всех, кто слепо верит, что этот мир – игра.

Внезапно тонкая черная полоска начала вибрировать. Ее верхняя кромка была покрыта мельчайшими треугольными лезвиями.

Пила. Несомненно – это было главное оружие Джигсо, которое доставило Харуюки и Блад Лепард столько неприятностей во время сражения в Акихабаре.

– И почувствуй. Вот цена твоей глупости.

Вибрация пилы вдруг резко усилилась. Одновременно ее окутал бледный оверрей. Он не только усиливал режущую способность пилы с помощью инкарнации, но и отменял правило этой арены – фиксацию хит-пойнтов.

Из левой подмышки Харуюки вырвался пронзительный металлический визг, по нервам прошла обжигающая боль.

– Уу… аааaа!

Крича, Харуюки попытался отскочить. Но тело его не слушалось. Благодаря весу Сильвер Кроу пила быстро въедалась в

его левую руку у самого основания.

Несколько секунд спустя под россыпь искр рука отвалилась целиком. Полоса хит-пойнтов окрасилась красным и упала до 10%.

Лишившись обеих рук, Харуюки свалился на сиденье шаттла, как сломанная кукла. И в него вновь полетели слова пополам с издевательским смехом.

– Ку-ку… Посожалей, что ты, раз уж все равно металлик, не заполучил какой-нибудь устойчивый к коррозии цвет – золото, платину, хотя бы нержавеющую сталь.

Джигсо выпустил вторую пилу, на этот раз из левой руки. Перекрестил две пилы, зацепил их за шею Харуюки и поднял его.

Голова распятого Харуюки бессильно задралась, взгляд упал на последнюю уцелевшую зрительскую трибуну.

Среди сотен зрителей по-прежнему царили смятение и непонимание. Но помимо этого чувствовалось еще и разочарование в адрес Сильвер Кроу, который, несмотря на храбрую погоню, так и не нанес ни одного удара и теперь бессильно подвешен на пилах. В ушах Харуюки раздавалось бесчисленное «Ну и зачем он туда полез?» и «Вот и все, чего он добился, а мы-то надеялись…».

Вы можете и не говорить все это; сильнее всех разочарован я сам.

Так мысленно шептал Харуюки, ожидая, когда пилы разорвут ему горло.

Я был наивен. Я ничего не знал. Я даже не думал, что инкарнация, рожденная ненавистью, может обладать такой страшной силой…

И тут кто-то произнес в его голове.

«Это же естественно. Ты что, серьезно верил, что "надежда" может превзойти "злобу" по атакующей мощи?»

Закрыв глаза, Харуюки ответил:

Я просто не знал ни о чем таком. Я ведь не могу пользоваться подобной силой.

И снова непонятный кто-то ему возразил:

«Это ложь. И ты это знаешь. Эта сила давно уже спит в тебе. Сила даже более чистая, чем "ненависть". Злость, которая не расплескалась во внешний мир, а накапливается внутри тебя, становится все острее.

Это "гнев". Сила "гнева" существует в тебе уже очень долго, все это время она ждет, когда ты ее высвободишь».

Дерг.

Внезапно в середине спины вспыхнула ледяная боль. Дерг, дерг. Она пульсировала, как сердце, и холодной жидкостью,

ртутью растекалась по всему телу.

«Ну же.

Ну же!!!

Назови мое имя сейчас же!!! Высвободи меня!!! И я превращу твой гнев в силу!!!»

– Уу… аа!..

Холод, пронзающий все тело, вдруг сменился жаром, и Харуюки, будто охваченный огнем, резко раскрыл глаза.

И увидел. Ауру, окутавшую его тело, – оверрей. Однако цвет ее был не серебряным. Он был серым, почти черным – этот цвет Харуюки точно уже видел когда-то.

Происходило что-то ужасное. На миг Харуюки охватил страх, но он тут же испарился, едва Харуюки взглянул на подвесившего его Раст Джигсо.

Похоже, слова того незнакомца дошли до Харуюки в долю секунды, прошедшую между тем, как Джигсо поднял Харуюки, и тем, как заработал пилами. В шее возникло неприятное ощущение, тонкие лезвия начали вгрызаться в броню. Однако Харуюки начисто забыл страх того, что вот сейчас ему отрежут голову, и, не сводя глаз с Джигсо, прошептал:

– Не… прощу. Тебя одного… никогда не прощу.

– Ку, ку-ку. Смирись. Ты ничего уже не сможешь сделать.

– Не прощу… не прощу…

Вокруг его холодного как лед сердца обжигающим огнем бушевала ярость; Харуюки повторял одни и те же слова, как в горячечном бреду.

Раст Джигсо уже не был для него просто Раст Джигсо. Это был символ бессмысленной злобы, которая давила Харуюки на протяжении большей части четырнадцати лет его жизни.

Если бы здесь оказался хоть кто-то из его товарищей, с которыми Харуюки был связан сердцем.

Возможно, Харуюки сумел бы сейчас остановиться. Как два месяца назад во время дуэли в «Безграничном нейтральном поле».

Но Черноснежка, Фуко, Такуму и Тиюри сейчас получили

тяжелые раны от инкарнационной атаки Джигсо и застряли далеко позади в обездвиженном шаттле №1. Это лишь сильнее распалило гнев Харуюки, и он не мог больше сдерживаться.

– Вас… вас, гадов…

Голосом, в котором проявилось металлическое эхо, Харуюки наконец проревел:

– Абсолютно никогда… не прощуууууу!!!

Внезапно.

Его гнев превысил некий порог.

Харуюки почувствовал, как что-то прорвалось сквозь броню на спине и, извиваясь, вытянулось в длину. Оно махнуло вперед вместо потерянных рук и переломило обе пилы, удерживающие Харуюки за шею.

– Мму… – тихо проворчал Джигсо; Харуюки тем временем подпрыгнул, разрывая дистанцию. Опустился он за пределами остановившегося шаттла и пробил поверхность башни штуковиной, торчащей из его спины. Раздался невероятный грохот, посыпались ослепительно яркие искры.

Штука эта выглядела как очень зловещий «хвост», сплетенный из множества темно-серебряных червеобразных тросов; а на конце его был острый как меч вырост.

Колыхая темно-серебряным хвостом, как змеей, Харуюки сделал глубокий вдох, прогнулся и взревел:

– Уу… оо… ооооОООООООО!

Темная аура хлынула из всего его тела, арена жестоко содрогнулась. Среди зрителей наверху поднялся переполох. Но их голоса уже не достигали ушей Харуюки. Вместо них резкий приказ ударил точно в центр его мозга.

«Ну же! Назови – мое – имя!!!»

Выпрямившись во весь рост и удерживаясь на месте за счет кончика хвоста, воткнутого в вертикальную стену башни, Харуюки взял имя, вспыхнувшее у него в мозгу…

…и произнес его.

– Кром… Дизастееееер!!!

Глава 10

Зрители на трибуне, Раст Джигсо и даже звезды застыли в молчании.

Посреди этого молчания ярко-черная молния ударила откуда-то прямо в Харуюки.

В верхнем левом углу поля зрения возникло фиолетовое сообщение.

«YOU EQUIPPED AN ENHANCED ARMAMENT…»

Курсор в конце строки мигнул два раза, три. Словно система ВВ сама боялась писать это название.

Но после четвертого мигания курсор побежал вправо и дописал:

«…"THE DISASTER"»[30].

Тьма продолжала течь.

Сумрачная, темно-серая аура выплывала из основания хвоста и окутывала все тело Харуюки. Тут же она сгустилась, засияла ярче, начисто стерла серебряный цвет Сильвер Кроу.

Потом густая чернота покрылась мягким металлическим блеском. Темно-серым, как и у хвоста. Начиная от спины по всему телу образовалось множество фрагментов брони с острыми краями. Броня покрыла торс, ноги и даже те места, где были потерянные руки; это был полный темно-серебряный доспех, не оставивший на теле ни единой щелочки.

Одновременно с этим внутри брони регенерировались руки, полоса хит-пойнтов тоже восстановилась полностью.

Наконец раздался тяжелый металлический звон, и на голову сзади надвинулся толстый шлем.

Цвет поля зрения изменился. Ко всему добавился светло-серый слой, и лишь фигура Раст Джигсо в центре выделялась ясно и отчетливо.

Харуюки медленно поднял руки и взглянул на сверкающие пальцы, напоминающие когти демона.

Они нисколько не походили на тонкие пальцы Сильвер Кроу. С легкостью верилось, что теперь это просто оружие – жуткое, мощное и неспособное что-либо держать.

Нет, не только руки. Торс, укрытый толстой броней. Ноги с четко очерченными линиями мускулов. По три громадных когтя на концах обеих ступней.

Весь аватар – просто воплощение чистой мощи.

Не в силах вытерпеть ощущение силы, пронзающее все тело, Харуюки сжал кулаки, задрал голову к небу – и заревел.

– ГУУ… РУОООООО!!!

Это был рев зверя, пропитанный металлическим эхом.

Стоящий в шаттле чуть поодаль Раст Джигсо на миг отдернулся, но тут же вернул прежнюю позу. Для него такое развитие событий тоже явно стало неожиданностью, но его голос был по-прежнему полон ледяного презрения.

– …Ку-ку-ку, интересно. «Доспех бедствия», значит. Отлично, я докажу, что… сила, которую считают высшим злом, – тоже всего лишь разукрашенная виртуальная картинка.

Для Харуюки эти слова были все равно что капля воды, упавшая в горячее пламя.

Его мысли и эмоции полностью застыли, сознание наполнили быстрые расчеты. Расчеты того, как наиболее эффективно расправиться с врагом.

Он уже не слышал голоса, который столько раз ему что-то нашептывал, он не чувствовал гнева, который тот голос в нем разжигал. И было понятно, почему. Потому что голос и гнев полностью слились с самим Харуюки, стали с ним одним целым.

Аа, понятно.

Я теперь… Кром Дизастер шестого поколения.

Прости, семпай. Прости, учитель. Простите, Таку, Тию…

Эти мысли разошлись маленькими кругами по поверхности сознания и исчезли. Осталось лишь чистое желание драться.

Первый ход сделал Раст Джигсо.

Стоя в неподвижном шаттле, он небрежно поднял правую руку и растопырил пять угловатых пальцев. Ладонь окуталась багровым сиянием.

Тут же нечто необычное отобразилось в поле зрения Харуюки.

Поверх свежедобавившегося серого слоя высыпало множество букв. Они сложились в надпись. «Прогноз атаки/Инкарнация, Дальнодействующая/Повышенная сила/Коррозирующая, Уровень угрозы/0».

– «Ржавое касание».

Сразу после произнесения названия приема из правой руки Джигсо выстрелилась здоровенная призрачная ладонь и обхватила Харуюки. Его сияющая черно-серая броня начала затуманиваться. …Но.

– ГУРУООО!!! – коротко проревел Харуюки и раскрыл руки. Призрачная ладонь оторвалась и растворилась в пространстве. Хромово-серебряная броня тоже мигом вернула изначальный влажный блеск.

Сделав шаг в сторону шаттла, Харуюки издал короткий смешок.

– Ру-ру. …Ты только что сказал, что мне следовало бы быть

из нержавеющей стали.

Его голос был странно искажен и сопровождался металлическим эхом.

– …Ты кое-чего не понимаешь. Нержавеющая сталь не ржавеет, потому что в ней есть *хром*. Это хром не ржавеет.

Еще один смешок.

– …Твоя инкарнация на меня больше не действует.

Объявив это, будто издеваясь над Джигсо – Харуюки оттолкнулся своими мощными звериными ногами и прыгнул вперед.

Уже в полете он с шорохом развернул крылья и сильно замахал. Крылья эти даже отдаленно не напоминали изначальные металлические пластины – они теперь тоже выглядели как настоящее оружие.

Харуюки всего лишь поднял правую руку, даже особенно не сосредотачиваясь, но черный оверрей тут же буквально хлынул из нее. Он мгновенно сгустился, приняв форму катара[31], применяемого на Ближнем Востоке, и ринулся на Джигсо.

В ответ Джигсо, пытаясь атаковать на упреждение, выпустил из правой руки длинную пилу, подернутую красным оверреем. Тут же в поле зрения Харуюки вновь возникла детальная информация. «Прогноз атаки/Инкарнация, Повышенная сила/ Режущая, Уровень угрозы/20». Более того, на этот раз добавилась даже расчетная траектория пилы.

– РУУУ! – коротко проревел Харуюки и прямо в полете отклонился на 50 сантиметров вправо.

Пила, обладающая большей длиной, чем катар, ударила первой. Однако ее кончик слишком добросовестно следовал предсказанной траектории. В результате Харуюки разминулся с ней всего на несколько миллиметров (что в норме было бы возможно лишь при очень большой разнице в способностях противников) и тут же вогнал черный катар в правой руке в левое плечо Джигсо.

По ушам ударил скрежет, и Джигсо снесло с шаттла. Однако он отлично контролировал свое тело: развернулся на лету и опустился ногами на поверхность башни.

Его тело наклонилось немного вниз, к Земле. Внутри шаттла была искусственная гравитация, направленная в сторону башни «Гермес Корда»; но когда игрок оказывался снаружи, поверхность башни из «пола» превращалась в вертикальный обрыв высотой в несколько тысяч километров.

Джигсо, едва приземлившись, тут же вонзил в поверхность пилу, выстреленную из правой руки, и тем самым удержался от падения.

Опустившийся перед ним Харуюки впился в сталь когтями ног и выпрямился во весь рост.

– Ру-ру-ру… Какая акробатика будет дальше?..

Лишь сейчас глаза Раст Джигсо загорелись жгучей ненавистью.

– Ты, ублюдок… -еешь. -леешь. Пожалеешь. Ты пожалеешь. Пожалеешьпожалеешьпожалеешьпожалеешь!!!

Шепот перешел в крик, и, будто управляемый ненавистью, самый густой оверрей за все время вырвался из левой руки Джигсо.

Оттуда с визгом вылетела пила. Красное сияние озарило ее бесчисленные лезвия-зубчики.

Рука описала круг с такой быстротой, что не уследишь глазом, и пила замкнулась в большое кольцо. Потом она закрутилась и со стоном вылетела куда-то вбок. Дальнобойная атака Раст Джигсо, «Хил Со». Харуюки уже натерпелся от этого приема –крутящейся пилы, обладающей невероятной режущей силой.

Более того, на этот раз пила летела не по прямой. Она исчезла из поля зрения Харуюки и, где-то там развернувшись, атаковала, как бумеранг. Этой технике невозможно противостоять, когда видишь ее впервые… по идее.

Но. Вновь в поле зрения Харуюки появилась детальная информация. «Прогноз атаки/Инкарнация, Дальнодействующая/ Повышенная сила/Повышенная дальность, Уровень угрозы/40». И – прогнозируемая траектория, идущая от левой руки Джигсо, огибающая Харуюки и направляющаяся ему в спину.

Не оглядываясь, Харуюки мощно махнул хвостом.

Раздался резкий звук удара, и вращающаяся пила, отбитая Харуюки, исчезла в звездном небе.

Харуюки смутно осознавал, что представляло собой это изобилие информации, выводимой поверх серого слоя в поле зрения. Это было нечто вроде предсказания будущего, которое делалось на основе колоссального боевого опыта, накопленного телом «Доспеха бедствия», «Усиленным вооружением» под названием «Дизастер». Даже представить себе было невозможно, сколько дуэлей прошел этот доспех, рожденный на заре существования Ускоренного мира и унаследованный пятью Бёрст-

линкерами. Накопленные за этот по сути бесконечный промежуток времени данные и позволяли предсказывать все вражеские атаки с пугающей точностью.

– …Что это? Объясни. Что это за сила? – прохрипел Раст Джигсо. Харуюки кинул на него взгляд сквозь толстый визор – и прошептал:

– Ты закончил? Тогда исчезни.

После чего небрежно атаковал прямо в лоб.

Это была не «дуэль», где на кону стояла честь Бёрст-линкеров, не простое «сражение»; правильнее было бы назвать это «бойней», да нет – «работой».

Неспособный пользоваться правой рукой, Джигсо пытался атаковать Харуюки пилой в левой руке и пинками обеих ног – все это при поддержке инкарнации, естественно, – но все его атаки с легкостью читались «Усиленным вооружением» и инстинктами самого Харуюки. Он совершал минимально необходимые движения крыльями и хвостом, чтобы уклоняться, и без малейших усилий насаживал врага на катары в обеих руках.

В каком-то смысле этот бой можно было бы назвать завершенной формой «Воздушного комбо», к которой Харуюки стремился. Однако здесь не было ни следа восторга, эстетики и гордости. Это была просто уродливая резня, происходящая в 3500 километров от Земли.

Сперва Харуюки отрезал левую руку Джигсо. Потом правую ногу. Потом левую ногу. И под конец – правую руку, удерживавшую аватар на поверхности башни.

В десять секунд закончив нарезать врага на куски, Харуюки схватил и подтянул к себе голову и туловище, которые недавно были Раст Джигсо, прежде чем эти останки успели упасть вниз.

Несмотря на то, что Джигсо сейчас испытывал невероятную боль, у него хватило сил на тонкий смешок.

– Ку-ку… ку. Можешь похвалить себя сейчас. Но… моя цель уже достигнута.

Хотя Харуюки слова Джигсо были не интересны, все же он склонил голову, чтобы послушать.

– Нет, в каком-то смысле даже воскрешение этого «Доспеха» для нас к лучшему. Дрожите в страхе. С этого момента мир, в который вы все верите, начнет разлагаться. Ложное чувство порядка исчезнет, все зальет первозданный хаос. Отчаяние – начнет нашу революцию, и –

ЧВАК.

Не дослушав до конца, Харуюки раздавил голову Раст Джигсо, сжав обеими руками. Аватар взорвался облаком красного света, и Бёрст-линкер, уничтоживший гонку через «Гермес Корд»,

мгновенно вышел из Ускоренного мира.

…Нет.

Уничтожителем в истинном значении этого слова был сам Харуюки. Ему было уже наплевать даже на гонку, которую он всего несколько минут назад так отчаянно хотел спасти.

…Недостаточно. Одного этого – мало.

Харуюки огляделся по сторонам. Конечно, поблизости никого не было. Но энергия и разрушительные позывы, бурлящие в его теле, не успокаивались; они жгли его изнутри.

Я хочу драться. Хочу этой своей силой победить и раздавить еще много, очень много врагов.

В поисках противников Харуюки задрал голову вверх – и увидел последнюю уцелевшую зрительскую трибуну.

Сотни зрителей смотрели, подавшись вперед, и у всех их были одинаково ошарашенные и непонимающие лица. Оттуда доносились тихие реплики:

– Э… это же «Доспех бедствия»?..

– Да нет, я слышал, его недавно полностью уничтожили.

– Но… что еще, кроме него, может быть таким крутым?..

– Но он совсем не такой, как в тот раз, когда я его видел в «Безграничном нейтральном поле»…

Если уж вы так сильно хотите узнать. Так убедитесь собственными телами. Убедитесь в силе, которой обладает легендарный берсерк «Кром Дизастер».

Губы Харуюки под визором изогнулись в безумной улыбке.

Он медленно развернул крылья. Изогнул длинный хвост в виде буквы S, немного подсел.

Он был готов оттолкнуться и взмыть навстречу обильной добыче – но за миг до этого.

Что-то мягко притронулось к крыльям у него за спиной.

Это были воспоминания. Воспоминания о множестве дуэлей, впитавшиеся в металлические пластины, которые были вроде как всего-навсего двигательным снаряжением. В первую очередь – воспоминание о сражении с Блэк Лотус, Черным королем, которое состоялось накануне вечером в комнате Харуюки, – оно на миг мелькнуло в крыльях цвета тьмы.

Откуда-то издалека донесся еле слышный голос.

«…Я горжусь тобой…»

Внезапно когти на его ногах конвульсивно вжались в стальные плиты башни. Его тело, готовое уже взлететь, отдернулось назад.

…Я.

В самую середку сознания, жаждущего боя, прозрачной каплей упала мысль.

Сила, которую я искал, – это не… слепая бойня…

Белая волна кольцом разошлась по сознанию. На миг кусочек черно сияющей брони задрожал.

«Не сопротивляйся. Не бойся. Это то, чего ты желал».

В затылке вновь раздался раздражающий шепот.

«А теперь высвободи еще больше гнева. Уничтожь все, что ты видишь. И сожри. Поглоти. Тогда ты получишь еще больше, больше, бесконечно больше силы».

Сожрать? Я… я никогда этого не хотел…

Я хотел стать сильнее… не ради себя. А ради тех, за кого я волнуюсь… ради того, чтобы защищать свою маленькую, но теплую «семью»… И ради того, чтобы гнаться за той же мечтой, что и девушка, за которую я волнуюсь больше всего на свете, я!..

Вдруг несколько размытых лиц возникли в его поле зрения. На эти улыбающиеся, дОбро глядящие на него лица со всех сторон накатывали черные волны, пытающиеся их закрыть, замазать.

«Так сожри их. Сожри и преврати их в свою силу. Другие люди не нужны. Сломай их. Уничтожь их. Я воплощение катастрофы. Я символ страха. Я – "Кром Дизастер"!!!»

В ответ на этот голос, звучавший, как надтреснутый колокол.

Харуюки напряг всю силу воли и прокричал:

Нет! Нет! Я… я!..

– Я Сильвер Крооооооу!!!

Как только он выпустил этот вопль из-под визора –

Тяжелая броня, покрывающая все его тело, утратила твердость, словно превратилась в жидкий металл. С шорохом она потекла к ногам, и на свет появился родной шлем Сильвер Кроу. Однако металл цвета тьмы не исчез. Он лип к серебряной броне, пытаясь вновь затвердеть и превратиться обратно в доспех.

– Уу… ооооо!..

Сжав кулаки, Харуюки отчаянно сопротивлялся. Он изо всех сил пытался оттолкнуть от себя черную металлическую волну, пытающуюся взять под контроль и его аватар, и его разум.

Но всего через несколько секунд. Преодолев его сопротивление, беспощадно сверкающий металл стал возвращаться, начиная с ладоней и ступней.

Его способность по части контроля далеко превосходила обычные предметы – поистине это было «проклятие». Не цифровой код, хранящийся где-то на сервере, но чье-то сознание. И оно пыталось слиться с сознанием Харуюки.

Харуюки понятия не имел, что заставило это явление

возникнуть изначально, однако реальность была такова, что в мысли Харуюки, пусть всего на несколько минут, кто-то вмешивался, и очень сильно. Сражаясь с Раст Джигсо, Харуюки был наполовину не самим собой. Если он еще раз впадет в это состояние, то вполне сможет направить эту устрашающую мощь на своих товарищей – и на самого дорогого ему человека.

Да, совсем как Дизастер пятого поколения, Черри Рук, который напал на собственного Ребенка, Скарлет Рейн.

– Уходи… уходи… уходиииииии! – отчаянно выдавливал Харуюки сквозь стиснутые зубы. Однако доспех уже восстановился до локтей и коленей. И непохоже, чтобы он собирался сбавлять скорость.

Тогда мне остается лишь одно.

Подняв правую руку с острыми сверкающими когтями.

Харуюки нацелил ее в середину своей груди.

Но в тот миг, когда он был готов, еще будучи самим собой, пронзить пятью пальцами, сочащимися черной силой инкарнации, свое сердце, одну из важнейших точек дуэльного аватара.

Он услышал голос, произнесший его имя где-то вдалеке.

– Харуууууу!

Рывком подняв голову, он посмотрел вниз, вдоль космического лифта.

Он увидел то, о чем и помыслить не мог.

К нему приближался, вытянув вперед правую руку, светло-зеленый аватар – Лайм Белл. Неся ее на спине и оставляя позади себя реактивные струи, прямо на Харуюки летел небесно-голубой аватар – Скай Рейкер. А позади на последнем оставшемся линейном диске отчаянно ковылял шаттл №1.

– …Не… не подходите! Не подходите, Белл, Рейкер-сан!!! – сквозь туман в голове заорал Харуюки. На миг он утратил концентрацию, и броня стала восстанавливаться быстрее. – Уходите! Я… я не могу больше… сдерживать эту… тварь!!!

Аура тьмы окутала все тело Харуюки.

Один за другим раздались резкие металлические звуки, «Доспех бедствия» покрыл грудь и туловище Харуюки, начиная с плеч. Оставались только лишь голова и шея. Тяжелый металл быстро добрался и туда, пытаясь сформироваться в толстый шлем. Поле зрения подернулось тоненькой серой пленкой.

Если этот визор окончательно закроется – скорее всего, Сильвер Кроу исчезнет навсегда.

Однако полет Скай Рейкер не затормозился совершенно. Наоборот, она еще разогналась, она мчалась прямо на Харуюки.

Лайм Белл у нее на спине махнула вперед колоколом в левой

руке.

Потом крутанула этим громадным колоколом, ослепительно сверкающим в солнечном свете, против часовой стрелки один раз, потом второй. Третий. И четвертый.

Наконец Тиюри махнула им прямо на Харуюки – и выкрикнула голосом более чистым, чем звездный шум:

– Цитрон кооооооол!!!

Целый оркестр ангелов торжественно зазвонил в колокола. И с этой красивой музыкой из Белл вырвались ленты прозрачно-зеленого цвета.

Неровно мерцающие буквы появились на тонкой пленке, покрывающей поле зрения Харуюки. «Прогноз атаки/ Стандартный спецприем, Дальность неизвестна/Сила неизвестна/ Эффект неизвестен, Уровень угрозы/100».

Левая рука Харуюки сама собой дернулась, чтобы выпустить в эти ленты волну черноты.

Однако Харуюки напряг силу воли настолько, что, казалось, мозг вот-вот расплавится, и вцепился правой рукой в левую, удерживая ее на месте.

Мгновением позже чистый лаймово-зеленый свет окутал все тело Харуюки.

Темная металлическая броня растрескалась по всему телу, как будто ленты из света ее раскалывали. Тяжелый металл вновь превратился в жидкость и отхлынул к основанию хвоста, торчащего из спины. Сила спецприема Тиюри «Цитрон колл, режим 2», насильно отматывающего состояние аватара в прошлое, отменила «Усиленное вооружение».

«Гу… руоооооо!»

Яростный звериный рев наполнил череп Харуюки. В этом реве звучали безумные злоба и раздражение. И позади этих чувств – легкий страх.

Уходи. Уходи! Ты мне не нужен! У меня уже есть куда более правильная сила, чтобы я мог продолжать сам! Поэтому… давай, пошел прочь!!!

Словно отступая под давлением мысленного вопля Харуюки, весь металл собрался в хвосте, который появился первым, и исчез. Купаясь в свежем зеленом сиянии, Харуюки поднял свободные теперь руки, схватил ими хвост, торчащий из спины, и со всей силы потянул.

Весь его аватар заскрипел, дикая боль прострелила спину. Но Харуюки не сдавался. Тошнотворные скрипы продолжались, хвост в руках безумно метался, словно это был какой-то совершенно

другой, отдельный организм.

«Глупец, – тише, чем прежде, прошептал голос в его спине. – **В глубине души ты ведь хочешь слиться с моей силой. Ты единственный, кто сумел так полно слиться со мной, с тех пор, как я отделился от своего создателя».**

Харуюки твердо ответил ему:

Даже если так. Все равно я отказываю тебе. Я отрицаю тебя. Ради всех тех, кто дал мне силу, которая позволяет сейчас мне сделать это, я отвергаю тебя!!!

Одновременно с этим Харуюки сосредоточил в руках, сжимающих хвост, всю оставшуюся у него силу воли.

И выпустил ее в виде света.

– Ла… зер… ный… меч!!!

В пространстве разнесся четкий металлический звон, и два серебряных клинка скрестились.

Ослепительно-белые мечи из света сошлись и перерезали тяжелый металлический хвост посередине.

В последний раз до Харуюки донесся звериный рев – а следом в верхней левой части поля зрения возникло системное сообщение. «YOU DEFEATED "THE DISASTER"[32]».

Остаток хвоста растворился в пространстве, будто растаял под солнечным светом.

Лишившись сил, Харуюки начал медленно падать по направлению к Земле, но подлетевшие к нему Тиюри и Фуко остановили его, ласково приняв на руки.

Похоже, его сознание отключилось на более долгий срок, чем он ожидал.

Когда Харуюки поднял тяжелые веки, прямо перед его глазами оказалась зеркальная маска Черного короля Блэк Лотус.

– Се… мпай… – пролепетал Харуюки и приподнял голову. Он находился на переднем пассажирском сиденье остановившегося шаттла №1. Он лежал на боку, а верхняя честь его тела покоилась на коленях Лотус.

Как только Черноснежка заметила, что Харуюки пришел в себя, она медленно кивнула. Тихий, слегка дрожащий голос донесся из-под маски.

– …Ты вернулся, Кроу. Ты действительно сделал все, что смог… и ты действительно… вернулся…

– Сем… пай…

Едва Харуюки услышал ее слова, его голос тоже задрожал.

– Прости… меня. Я… я…

– Ничего сейчас не говори. Ты истратил все силы и сражался с врагом, с которым должен был сражаться. И сейчас этого

достаточно…

– …Вот именно, Ворон-сан.

Скай Рейкер, сидящая в кокпите, развернулась и вытянула руку. Мягко погладив шлем Харуюки, она прошептала:

– Ты защитил гонку от лап этого чудовища. Никто в «Нега Небьюлас»… нет, во всем Ускоренном мире не может винить тебя за это сражение.

– …

Харуюки почувствовал, что что-то распирает ему грудь, и опустил голову. В этот момент Такуму, сидящий по-прежнему на заднем сиденье, тоже заговорил.

– Да, Кроу. И потом, я ведь всегда знал, на какое безумство ты способен, когда теряешь голову. И когда ты спрыгнул, чтобы погнаться за десятым номером, я подумал просто: «Ну вот, он опять».

– А-ха-ха, точно-точно! И поэтому нам потом пришлось прибираться за тобой, ну как всегда!

Услышав веселый смех Тиюри, сидящей рядом с Такуму, Харуюки не удержался от колкости:

– Я, я вообще-то не очень-то просил за мной прибираться!

– Ох, блин. И он теперь такое говорит. Хотя мы с сестрицей Рейкер так старались.

– Уу… П-простите… я перед вами в долгу…

Услышав это, четверо хором рассмеялись. Чуть позже Харуюки тоже засмеялся вместе со всеми.

После этого мирного трепа Тиюри оглядела шаттл и сказала:

– Эх, но какая жалость, что мы все равно не сможем добраться до финиша, даже после всего того, что Хару сделал! Блин, а ведь до него уже недалеко…

Услышав эти слова, Харуюки поднялся с колен Черноснежки и тоже осмотрелся. Да, Тиюри не ошиблась – этот шаттл лететь уже не мог. Та его часть, которая непосредственно подверглась инкарнационной атаке Раст Джигсо, вся проржавела и развалилась, правый передний диск оторвался, левый трещал и искрил; просто чудо, что шаттл вообще сумел добраться до места сражения Харуюки с Джигсо после того, как лишился правого переднего диска.

– …Ну, тут уж ничего не поделаешь, – ответила Черноснежка, подняв правую руку-меч. – По крайней мере тот тип не выиграл – можем порадоваться… и потом – после всего этого в Ускоренном мире такое начнется, что о гонке будет просто некогда вспоминать…

Последнюю часть фразы Черноснежка произнесла шепотом, и Харуюки собрался было спросить, что она имела в виду, – но тут.

Снизу, со стороны башни, донеслось громкое:

– Хей-хей-хеееееей! Еще ту арли ту гив ааааааааап![33]

– Ноуаа?! – вырвалось у Харуюки, и он в изумлении крутанулся на месте. Два шаттла с колоссальным трудом ковыляли вдоль башни, рассыпая искры от линейных дисков. Вне всяких сомнений, это были машины красной и зеленой команд, про которые Харуюки думал, что они уже сошли.

Эш Роллер восседал в кокпите переднего из шаттлов. Однако ни Буш Утана, ни других членов Зеленого легиона, которые раньше занимали пассажирские сиденья, видно не было.

А следующим шаттлом управлял багровый аватар с головой леопарда – Блад Лепард. Но она тоже сидела в шаттле одна, от четверки ее стрелков не осталось и следа.

Оба шаттла были искалечены примерно так же сильно, как №1. Пока Харуюки и остальные наблюдали за ними в полном обалдении, две неуверенно передвигавшиеся машины неуклюже остановились рядом с их шаттлом. И тут же их линейные диски с жалобным стоном отвалились.

– А, аааaа. Стало быть, дальше тебе не полететь. Мегаспасибо за труд.

Эш Роллер признательно похлопал по борту своего шаттла. Пард-сан тоже мягко погладила руль и произнесла:

– Джи-джей.

Потом они одновременно подняли головы и посмотрели на пятерку из «Нега Небьюлас». Склонив голову чуть набок, Черноснежка заговорила как их представитель:

– …Хо… тя я должна в первую очередь поздравить вас, ребята… но зачем вы за нами полетели, когда у вас уже никого не осталось? Все равно ведь продолжать гонку уже невозможно.

– Аа, ну, это, понимаешь, я тут посоветовался лилбит с этой вот сестрицей-пантерхед[34], – ответил Эш Роллер, скребя в затылке своего шлема. – Типа, все будет слишком насинг, если все команды сойдут, и –

– Слишком длинно и путано говоришь. И я не пантера, я Лепард, – холодно перебила его Пард-сан и взяла нить разговора в свои руки. – Все шаттлы не могут двигаться в нынешнем состоянии. Но если три команды объединятся, есть маленький шанс добраться до финиша.

– Что… что ты имеешь в виду, Лепард? – спросила Скай Рейкер, подавшись вперед со своего сиденья. Пард-сан взглянула ей прямо в глаза и ответила:

– Если мы выйдем из шаттлов, башня станет для нас обрывом. Но мой «Режим зверя» и мотик этого Байкофана позволяют передвигаться по стенам.

– Б-байкофан…

Не обращая внимания на Эш Роллера, непонятным тоном повторившего это слово, Пард-сан продолжила объяснять как ни в чем не бывало.

– Однако наши способности расходуют шкалу спецатаки. Поэтому мы с Байком понесем вверх Кроу и Рейкер, сколько сможем. Потом Кроу посадит Рейкер себе на спину и полетит вверх, сколько сможет. И потом Рейкер полетит, насколько хватит энергии ее «Ураганного двигуна». Ну а доберется она до финиша или нет…

«…одному богу известно».

Не став произносить последние слова, Пард-сан просто развела руками.

Услышав столь неожиданное предложение, Харуюки и остальные потрясенно застыли. Повисшее молчание нарушила Черноснежка.

– …Ясно, звучит интересно. Стоит попробовать. Но… естественно, вы предлагаете помощь не бесплатно, верно?

– Ну оф кооооос! Приз за победу будет кат[35] на три равные части! Ну, правда, если Бабка-кошка гигасольет –

– Это вульгарно, Эш.

Услышав эти слова Рейкер, Эш резко замолчал. Пард-сан склонила голову чуть набок.

– Ну?

– Конечно, мы участвуем в этом плане, – мгновенно ответила Черноснежка. Леопардоголовый аватар произнес свое обычное «кей» и чуть улыбнулся.

Легонькая Скай Рейкер разместилась на спине Блад Лепард, после того как та трансформировалась в изящное четвероногое с помощью команды «Шейп чендж».

А Харуюки сел сзади на американский мотоцикл, призванный Эш Роллером.

– Что ж, желаю удачи. Мы будем болеть за вас отсюда.

После слов Черноснежки Такуму и Тиюри тоже кивнули.

– Надеемся на вас. Устройте этой гонке счастливый конец!

– Удачи, Кроу, сестрица Рейкер! И Лепард-сан, и Байкер!

Повесив голову при этих словах Тиюри, Эш Роллер затем в своем обычном стиле выкрикнул:

– Тогда поеееееееехалиииии! Холд ми тайт, Ворон-засранец! Аах, я хотел это сказать учителю!..

Эти слова, произнесенные с явным оттенком сожаления, перекрыл рев мотора. После роскошной пробуксовки заднего колеса мотоцикл рванулся вперед, будто оттолкнувшись от

вертикальной стены.

Пард-сан с Рейкер на спине тоже помчалась вверх, практически не издавая звуков. Ее мощные кошачьи лапы идеально цеплялись за поверхность башни, и выглядела она совсем как кошка, несущаяся по стволу дерева.

Вдруг сверху посыпались громкие звуки. Это были возгласы поддержки. Множество аватаров радостно кричало с последней уцелевшей трибуны.

– Вот так, покажите дух Бёрст-линкеров!..

– Не проиграйте тому гаду!..

– Удачи, Лепард-самаааа!

– Ворон, ты классно дралсяааа!

Поскольку часть возгласов была адресована Сильвер Кроу, Харуюки машинально задрал голову.

Те игроки наверняка видели, что Харуюки призвал запретное «Усиленное вооружение», «Доспех бедствия». Более того, из-за той силы он серьезно думал о том, чтобы перебить все эти сотни зрителей. Однако он не слышал ни одного голоса, осуждающего его за это.

Возможно, они просто еще не осознали, что именно произошло. Но все же – эти крики, адресованные Харуюки, согревали его сердце.

Судя по всему, подъем зрительских трибун был синхронизован с положением лидирующего шаттла – во всяком случае, сейчас трибуна оставалась неподвижной. И эта громадина, и Черноснежка, Такуму и Тиюри, машущие руками, быстро стали совсем крохотными, а потом растворились в серебряном сиянии поверхности лифта.

Какое-то время лишь рев двигателя и тихий топот лап разносились в пространстве на высоте более 3000 километров над землей. Прекрасный серебряный «Гермес Корд» тянулся вверх, к сотканному из мириад звезд Млечному пути, как будто недавние грандиозные разрушения были просто сном.

Никто не пытался говорить, да и незачем было. Все четверо стремились к вершине башни, каждый со своими собственными глубокими чувствами – и все с одной общей мыслью. Харуюки верил в это и молча отдавался покачиванию мотоцикла.

Раст Джигсо произнес слово «революция» прямо перед тем, как вылетел. Значит, эта крупномасштабная диверсия была спланирована «Кружком исследования ускорения». Но какие бы изменения ни ожидали Ускоренный мир после этого, главное останется неизменным. То, что было важным, останется важным. Потому что прямо сейчас члены трех соперничающих легионов работали вместе ради достижения единой цели.

Пока я помню эту истину, я не проиграю больше искушению «Доспеха».

Харуюки прошептал эти слова, и никакой голос ему не возразил.

Какое-то время они так вот молча и неслись вверх.

Наконец высоко над головами появилась линия светящихся точечек, которые не были звездами. Они красивым синим кольцом окружали теряющийся в черном космосе «Гермес Корд».

– …Кажись, вон там финиш, верхняя станция, – пробормотал Эш Роллер, и его мотоцикл замедлил ход. – Я довольно далеко смог добраться, спасибо слабой гравитации, но теперь, похоже, все. А ты, сестрица Лепард?

– Тоже.

Они слегка кивнули друг другу, потом, синхронно обернувшись, взглянули каждый на своего пассажира.

– Дальше давай ты, Кроу… И еще: что бы ты там ни устроил, ты был экстримли[36] крут против того ржавого гаденыша. Дальше тебе может быть очень сурово, но не вешай нос.

После этих слов, которые Эш Роллер произнес с явным смущением в голосе, Харуюки кивнул и сумел кое-как выдавить в ответ:

– Сп-пасибо огромное.

– Ага… и нева форгет[37] мою долю, Ворон-засранец!

Справа от них Блад Лепард коротко произнесла, обращаясь к Рейкер:

– Рейкер. Скажу лишь одно… С возвращением, «МКБР».

Рейкер ласково похлопала ее по спине и так же коротко ответила:

– Я вернулась, «Кровавый котенок».

Когда с приветствиями было покончено, Харуюки развернул крылья за спиной.

После инкарнационных атак Джигсо его шкала спецатаки была заполнена до упора. Чуть вибрируя пластинами, Харуюки взлетел прямо с двухместного седла мотоцикла.

Протянул правую руку и крепко сжал протянутую навстречу левую руку Рейкер. Этого хватило, чтобы ее сверхлегкий аватар отделился от спины Лепард и подплыл к Харуюки.

Похоже, шкала спецатаки и у мотика, и у Лепард выдохлась окончательно. Оба быстро теряли скорость. Харуюки развернулся и полетел спиной вперед, провожая их взглядом.

– Покеда! Смотри, хорошо подвези учителя, Кроу!

– Си-ю[38].

Колеса и ноги остановились. На миг аватары застыли на поверхности башни – а потом отделились от нее.

Схваченные гравитацией большой голубой Земли внизу, Эш Роллер и Блад Лепард начали медленно падать. В реальном мире на такой высоте не было бы атмосферы, но в Ускоренном мире, похоже, учитывался эффект трения о воздух: два аватара скоро окутались оранжевым сиянием.

Их силуэты стремительно удалялись, оставляя за собой длинные хвосты, как метеоры, и наконец исчезли в ярких вспышках.

– …Спасибо.

Низко поклонившись тем двоим, вернувшимся в реал, Харуюки крутанулся и вновь посмотрел в сторону вершины «Гермес Корда».

До верхней станции, подсвеченной синим кольцом, оставалось еще прилично. По-прежнему было неясно, смогут ли Харуюки и Скай Рейкер добраться дотуда даже совместными усилиями. Однако Харуюки подумал, что теперь это уже неважно. Три команды объединили силы и сделали все, что смогли. Вот что было самое главное в этой гонке.

– …Полетели. Учитель, залезь мне на спину… – сказал Харуюки небесно-голубому аватару, держащему его за руку, и Фуко улыбнулась.

– Раз уж мы в таком положении, понеси меня спереди. Мы ведь наконец-то одни.

– Ээ… а… ага.

Нервно кивнув, Харуюки поместил руки под спину Рейкер с реактивными двигателями и под стройные ноги, отсеченные ниже колен. Рейкер обвила руками шею Харуюки.

– Ну… теперь полетели! – громко объявил Харуюки, пытаясь скрыть смущение, и завибрировал крыльями.

Чтобы уменьшить расход шкалы спецатаки, Харуюки вкладывал в крылья минимальную силу. Все равно состязаться было больше не с кем. Два аватара, оставляя позади бледно-серебристый след, стали медленно подниматься.

Они летели вдвоем сквозь безмолвный мир, и смотрели на них лишь бесчисленные звезды. Может, это было лишь его воображение, но Харуюки показалось, что солнечный свет, льющийся справа-сверху, тоже стал мягче. Лишь маленькая тень двигалась параллельно аватарам по изогнутой поверхности «Гермес Корда».

Какое-то время оба молчали.

Наконец Фуко, прижимающаяся лбом к правой части груди Харуюки, прикрыла темно-красные глаза-линзы и прошептала:

– …Я так долго… мечтала это увидеть… но в то же время боялась где-то в душе…

Несмотря на то, что атмосфера была очень разрежена, все же их обдувал слабый ветерок и колыхал голубовато-серебряные волосы Рейкер. Мягко отведя челку правой рукой, Фуко продолжила:

– Отправиться «за пределы неба» – это была моя несбыточная мечта. Чтобы осуществить ее, я пожертвовала всем. Способностью к полету… обязанностями заместителя командира «Нега Небьюлас»… и дружбой с Сат-тян. Я все это отбросила, я совершила тяжелые преступления – и все равно моя рука не дотянулась до неба… Когда я это поняла… мне даже, возможно, стало чуть легче на душе. «Теперь я свободна от этой одержимости, которая мучила меня. Теперь мне остается просто сидеть на вершине той башни в одиночестве, забытой всеми, и смотреть оттуда на изменчивый Ускоренный мир»… так я думала…

Рейкер едва заметно улыбнулась тонкими губами и закрыла глаза. Ее выражение лица было потрясающе спокойным, но Харуюки видел капельки света – брильянтово сверкающие слезы, появившиеся в уголках глаз.

– …Моя мечта была слишком тяжела для моих плеч. Но даже когда я не смогла больше ее нести и сбросила ее, я не смогла полностью от нее отказаться. Я продолжала удерживать ее в руках, прикрывать, как будто уголек, который вот-вот должен был погаснуть. Когда эту мечту… унаследовал маленький Ворон-сан, который в один прекрасный день внезапно появился у меня в садике… я была так счастлива… Теперь я могу сказать тебе слова, которые все это время сказать не могла. Спасибо тебе, Кроу… нет, Харуюки-сан.

Проведя левой рукой по щеке распахнувшего глаза Харуюки – Фуко вдруг отчетливо произнесла:

– Ты донес меня досюда, но – я не имею права увидеть финиш этой гонки, истинное место «за небом». Давай поменяемся. Я понесу тебя, сколько смогу. А потом ты лети к финишу. Это моя обязанность как человека, отказавшегося от мечты, и твое право как человека, который продолжает стремиться к небу гораздо сильнее и искреннее, чем стремилась я… Ну же, Ворон-сан. Отпусти меня.

В ответ на ее требование –

Харуюки мягко, но решительно покачал головой.

– Нет. Неправильно, Рейкер-сан.

– Э?..

– Ты не отбросила свою мечту. Небо, к которому ты стремишься, намного, намного выше, чем я способен достичь. Сейчас я тебе это докажу. Я… проделал весь этот путь до

вершины «Гермес Корда» специально, чтобы сказать это тебе.

Оборвав свои слова, Харуюки вдруг заработал крыльями в полную силу.

Металлические пластины окутал ослепительно-белый свет. Раздался пронзительный вибрирующий звук, и оба аватара подхватила мощная сила. Звезды по обе стороны поползли вниз. Однако –

Это продолжалось лишь несколько секунд.

Вибрирующие звуки, издаваемые крыльями, утихли, свечение тоже исчезло. Шкала не истощилась. Пластины продолжали колебаться, но тяги не производили. Вскоре и движение по инерции прекратилось, аватары застыли. Харуюки, улыбаясь Фуко у себя на руках, произнес:

– Мои крылья не могут поднять меня еще выше. Атмосфера слишком разрежена. Моя способность к полету – это отталкивание воздуха колебанием моих пластин. Вот почему на такой высоте, сколько бы я ни бил крыльями, я не могу лететь дальше. Эта игра действительно слишком уж много внимания уделяет деталям…

Глаза Фуко расширились, она слушала молча. Глядя ей прямо в красивые темно-красные глаза, Харуюки наконец выразил нормальными словами то, что долгое, очень долгое время копилось у него в груди.

– Но… но твои крылья, «Ураганный двигун» – это реактивный двигатель. Даже здесь, где нет воздуха, ты… и только ты можешь лететь. Почему же твои крылья – это реактивный двигатель?.. Потому что ты с самого начала смотрела не *на* небо, а *за* небо. То место, куда ты стремилась, гораздо выше облаков, выше стратосферы… это мир звезд. Твой аватар… – закрыв рот, Харуюки сделал под шлемом глубокий вдох и продолжил дрожащим, но отчетливым голосом. – …Он был создан, чтобы летать в *этом* мире. Скай Рейкер, «Озирающий небо» – изначально аватар для космических сражений.

Слова распространились сквозь тонкую атмосферу – и растворились, исчезли.

Сверкающие темно-красные глаза Фуко стали совсем большими и круглыми. Но она ничего не произносила – просто молча смотрела на Харуюки.

Наконец она медленно отвела взгляд и посмотрела вниз, на свои ноги. Харуюки тоже опустил взгляд.

Будто поддерживая стальную башню «Гермес Корда», устремленную вверх, в бесконечность, внизу лежала громадная голубая планета.

Это была Земля. Подсвеченная справа солнцем, она

красовалась самыми разными цветами, постепенно меняющимися от голубого через индиговый к черному. На этом цветовом фоне белоснежные облака рисовали сложные узоры и континенты чертили замысловатые линии.

Фуко вытянула правую руку в сторону правого полушария, четко очерченной дуги, отделяющей планету от угольно-черного космоса.

Харуюки напряг зрение и увидел тонкую голубую вуаль, обернутую вокруг этой дуги, будто защищающую ее от космического холода. По сравнению с планетой и с Вселенной эта яркая вуаль была такой тоненькой.

– …Вот к этой эфемерной синей черточке… – шепот Фуко погладил сознание Харуюки, будто это были непосредственно мысли. – …Я стремилась, мечтала о ней, иногда даже ненавидела… Это и есть небо, от которого я отказалась…

На этот раз крупные слезы покатились из ее глаз цвета заката и медленно поплыли в пространство. В конце концов эти капли воды, подхваченные минимальной оставшейся здесь силой тяжести, вернутся в синий океан Земли.

Фуко вновь посмотрела на Харуюки, вытянула вперед и левую руку – а потом обвила шею Сильвер Кроу обеими руками и крепко, очень крепко прижалась к нему. В самое его ухо она прошептала, будто впечатывая слова ему в мозг:

– Спасибо тебе, Ворон-сан. Я так счастлива, что смогла попасть сюда… и увидеть все это. Наконец-то я поняла. Моим ногам не давала вернуться… не моя одержимость, а страх. Я боялась узнать размер неба… и боялась, что это будет конец моей мечты. Но теперь мне бояться нечего. Потому что…

Следующие слова Харуюки невольно произнес одновременно с ней.

– Этот мир бесконечен.

Фуко улыбнулась ему в ухо, а потом вдруг прикоснулась губами к боковине его шлема. Ее губы проскользили по металлу, пока не добрались до рта, а потом она медленно отвела голову.

– Ээ, аа, эммм.

Харуюки лихорадочно замотал головой и порушил всю атмосферу. Улыбка Рейкер стала озорной.

– Это было через шлем, так что Сат-тян, думаю, простит.

Потом ее выражение лица изменилось, и она твердым голосом произнесла:

– Огромное тебе спасибо, Ворон-сан. А теперь… я полечу.

– …Да!!!

Энергично кивнув, Харуюки поднял Фуко на руках и мягко выпустил в пространство. Рейкер погладила его руку, притронулась пальцами к ладони – а потом отпустила.

Молча кивнув Харуюки в ответ – аватар цвета неба взглянул вверх, в зенит.

Синее кольцо, подсвечивающее верхнюю станцию «Гермес Корда» не так уж далеко отсюда, было видно отчетливо. Дальше, за этим кольцом, слабо мерцало скопление искусственных огоньков. Наверняка это была геостационарная орбитальная станция, плывущая на высоте 38000 километров.

Фуко рывком прижала тонкие руки к туловищу, и крохотные струйки пламени вырвались из сопел изящного «Усиленного вооружения» на ее спине, «Ураганного двигуна».

Поскольку почти никакой гравитации здесь уже не было, аватару хватило даже этой небольшой тягловой силы, чтобы начать подниматься. Не оглядываясь, Скай Рейкер постепенно наращивала скорость. И уплывала все дальше. Все дальше.

…И тут Харуюки явственно увидел.

Синие искорки собрались на концах культей ног, сгустились в две красивых вытянутых формы. Их поверхность, прозрачная как стекло, постепенно обрела небесно-голубой цвет, такой же, как у тела аватара.

Стройные икры, потом лодыжки. Ступни в туфлях на высоком каблуке и с острыми мысками. И все это ярко сияло на солнце.

– …А, аа… – вырвалось из горла Харуюки. И одновременно что-то горячее потекло из глаз.

В самой середине затуманенного поля зрения, наполненного звездным светом, Скай Рейкер, вернувшая себе наконец истинный облик спустя три года – нет, спустя бог знает сколько лет в Ускоренном мире, – летела, пронзая угольно-черную темноту. Словно танцуя, словно плывя, она летела вперед, постепенно увеличивая скорость.

И тут энергия крыльев Харуюки, до сих пор поддерживавшая

его здесь вопреки силе тяжести, вся вышла.

Бросая вызов виртуальной гравитации, мягко потянувшей аватар вниз, Харуюки выбросил далеко вверх – так далеко, как только мог – правую руку.

Пламя двигателей между пальцами превратилось в большую синюю звезду, чертящую в небе световой крест.

Глава 11

– Трос… предыдущего Кром Дизастера?..

Так и не донеся стакан до рта, Черноснежка застыла и ошеломленно повторила слова Харуюки.

– Ага… ничего другого в голову не приходит…

Харуюки перевел взгляд на Фуко, Такуму и Тиюри, тоже потерявших дар речи, и кивнул – почти повесил голову.

Воскресенье, 9 июня, 12.15 дня. Всего десять минут назад все пять членов легиона вернулись в реальный мир, на диваны в гостиной семьи Арита; здесь прошло совсем мало времени.

Конечно же, в первую очередь они пожали друг другу руки и порадовались, что, преодолев множество преград, блестяще выиграли гонку через «Гермес Корд» – пусть даже призовые очки предстояло разделить с красной и зеленой командами. Поздравив друг друга с отличной работой, они чокнулись стаканами с улуном.

Однако после короткого разговора о победе тему пришлось сменить на более гнетущую. А именно – «превращение Сильвер Кроу в Кром Дизастера».

Конечно, никто не винил Харуюки за то, что он призвал «Доспех». Черноснежка сразу же признала, что, оказавшись в положении Харуюки, возможно, поступила бы точно так же. Однако оставался вопрос, который следовало прояснить во что бы то ни стало. Каким образом этот доспех вновь появился, нет – воскрес.

Пять месяцев назад Харуюки, Такуму и Черноснежка согласились выполнить просьбу Красного короля Скарлет Рейн и сразились в «Безграничном нейтральном поле» с Кром Дизастером пятого поколения. В результате той битвы доспех был уничтожен, а призвавший его Черри Рук – «казнен» рукой Красного короля.

Перед тем как все окончательно завершилось, перед возвращением в реальный мир через портал в Саншайн-сити в Икэбукуро, все открыли свои окна снаряжения и убедились, что ни у кого из них «Доспеха бедствия» нет. Харуюки прекрасно помнил, как он открыл свое окно – и оно было абсолютно пустым.

Вот почему Сильвер Кроу просто не мог призвать Кром Дизастера сейчас.

Но данность такова, что Харуюки почти мгновенно убил опаснейшего врага, Раст Джигсо, именно благодаря устрашающей силе доспеха.

Единственным объяснением противоречия была маленькая деталь той тяжелой битвы в Икэбукуро, которую Харуюки каким-то чудом припомнил сейчас, во время разговора, – деталь, которой он до сих пор совершенно не придавал значения.

– Это… наверно, семпай, ты помнишь, ты же сама дралась с пятым Дизастером… – Харуюки затараторил, сжимая обеими руками стакан уже теплого улуна. – У того типа был псевдополет, он умел притягивать к себе противников и предметы сверхтонким тросом, который выстреливал из обеих рук, ну или наоборот, мог прицеплять их к неподвижным объектам и подтягивать себя к ним. Он двигался совершенно непредсказуемо… Мне ничего не оставалось, кроме как нарочно подставить спину под его трос, чтобы не дать ему удрать в портал.

Харуюки припомнил удар, металлический лязг – и холод от крючка на конце троса, впившегося ему в спину.

– Когда мы соединились тросом, я на крыльях подтянул Кром Дизастера на большую высоту, а потом спикировал на него. Тогда все тело Дизастера было уничтожено, но… трос при ударе разорвался… и его конец остался… у меня в спине… Не знаю, что произошло с ним, когда мы вернулись домой через портал.

Харуюки замолчал, и вот тогда-то Черноснежка произнесла ошеломленным тоном:

– Трос… предыдущего Кром Дизастера?..

– Ага… ничего другого в голову не приходит…

Когда Харуюки повесил голову, его ушей коснулся голос Такуму, тоже невнятный от потрясения.

– Н-но, Хару. Части, которые отваливаются от дуэльных аватаров… они просто не могут оставаться на других аватарах, когда те разлогиниваются?..

– Я т-тоже никогда ни о чем таком не слышала, – покачала головой Тиюри, насупив брови. – Во мне иногда в конце дуэлей тоже оставались сломанные мечи или копья, но они все исчезали, когда я входила в новую дуэль, понимаешь?!

– Но… другого-то объяснения все равно нет. И п-потом, когда я призвал Дизастера, в первую очередь появился хвост из спины. Это точно то самое место, куда тогда попал трос.

И всякий раз за последние несколько месяцев, когда тот загадочный голос обращался ко мне, у меня начинало болеть все то же место на спине.

Этого Харуюки вслух не произнес. Потому что это было слишком страшно. Если эту боль он тоже приобрел благодаря тросу Кром Дизастера, значит… раны, полученные в Ускоренном мире, продолжают действовать и на реальное тело. Это просто невозможно, как ни крути. Этому нет разумного объяснения.

Трое друзей детства переглянулись и погрузились в молчание. Фуко, до сих пор ничего не говорившая, нерешительно произнесла:

– …Вообще-то… «Чужеродные субстанции, остающиеся после дуэлей» – такое может происходить в рамках системы.

– Э?

Трое разом повернули к ней головы. Рейкер окинула их взглядом и объяснила:

– Это атака со свойством «паразитизм». Такое бывает очень редко, но, похоже, иногда, когда атака «проклятием» достигает максимальной силы, она приобретает такое свойство. Но все случаи, про которые я знаю, – это приемы, превращающие маленькие объекты-животные в паразитов, которые потом мешают противнику видеть и слышать, либо внедряются в него, а потом взрываются, как бомба, при запуске определенного триггера…

Черноснежка тихо подхватила:

– …«Усиленное вооружение», которое превращает часть себя в паразита и тем самым спасается при разрушении основного тела… Я никогда не слышала о таком… но… если так и было, как говорит Харуюки-кун, это частично объясняет легенду Дизастера.

Поставив на стол стакан и сплетя пальцы поверх скрещенных ног, Черный король продолжила:

– «Доспех бедствия» всегда оставляет своего владельца и переселяется к кому-то другому в окно снаряжения – со стопроцентной эффективностью. Такое просто невозможно по обычным правилам смены хозяина, но когда он не может переселиться как предмет, он выживает, превращая часть себя в «паразита»… Если думать под таким углом, выглядит убедительно…

– А… ага, точно…

Паразит. Харуюки содрогнулся от ужасной картины, рожденной в воображении этим словом, и кивнул. Потом ему кое-что пришло в голову, и он поспешно спросил:

– Но, но если паразитизм – системная способность, значит, должен быть способ ее отменить?

– Да… есть такой. Вообще-то обычные паразитные атаки через какое-то долгое время проходят сами, но также их возможно отменить с помощью умения под названием «очищение». …Однако уровень умения должен быть не ниже, чем уровень атаки, от которой оно очищает… если и есть такой человек, который может отменить паразитическую способность, умеющую регенерировать даже из разорванного троса, то это…

Черноснежка переглянулась с Фуко, и губы обеих девушек

плотно сжались. Впрочем, лицо Черноснежки тут же снова стало прежним, и она отчетливо произнесла:

– Ладно, я приму меры, чтобы разобраться с этим. Но это потребует времени.

– Кстати, если подумать, – произнесла Фуко, – когда Ворон-сан ночевал у меня дома…

Тут же Черноснежка, Такуму и Тиюри хором переспросили:

– «Ночевал»?

– Я имею в виду тот раз в «Безграничном нейтральном поле». Так вот, когда я погладила Ворона-сана по спине…

– «Погладила»?

– Я имею в виду, когда мы были в своих аватарах. Слушайте, я не могу продолжать, если вы так реагируете… В общем, тогда я тоже что-то почувствовала. У него на спине в одном месте было что-то совершенно другой природы… Если бы я тогда поглубже это дело исследовала…

– Эй, эй, Рейкер, что именно ты бы сделала, чтобы это исследовать?

У Черноснежки дернулась правая щека. Фуко медово улыбнулась.

– Секрет.

После этого обмена репликами атмосфера в комнате наконец-то разрядилась, и Харуюки облегченно вздохнул. Потом поднял голову и твердо объявил:

– Эмм, я, конечно, один раз поддался искушению, но доспех снова исчез благодаря умению Тию… И потом, даже если он по-прежнему остался в моем аватаре как паразит, все будет нормально, если я его больше не призову. Но, конечно, я хочу как можно быстрее избавиться от него насовсем.

– …Да, это правильно. Конечно, тебя спасло и умение Тиюри-кун тоже, но при этом и ты сам сопротивлялся «Доспеху» изо всех сил. Этого не смог сделать никто из тех, кто носил его раньше.

С этими словами Черноснежка улыбнулась, но тут же ее лицо вновь окутала тень тревоги.

– Что… что не так, семпай?

– Хмм… но… это может оказаться не только нашей проблемой. Харуюки-кун, когда ты призвал «Доспех» и дрался с Джигсо, тебя ведь видели сотни зрителей, верно?

– Э… угу…

– Значит, пусть даже ты всего один раз им воспользовался, но все равно по Ускоренному миру наверняка уже гуляет слух, что Сильвер Кроу из «Нега Небьюлас» стал Кром Дизастером шестого поколения… Некоторые могут высказывать очень радикальные мнения…

– Э… семпай, что значит «радикальные»? – склонила голову Тиюри. Такуму тихо объяснил:

– Это значит, что Хару должен быть «наказан» или «казнен»… подобные варианты.

– Эээ!!! Это… это уж слишком!!! Хару ведь не сделал ничего плохого!!! – возмущенно закричала Тиюри; сидящая рядом с ней Фуко мягко погладила ее и ответила:

– Белл, мы все так считаем. Но… в Ускоренном мире есть много сил, которым очень не нравится «Нега Небьюлас».

– Но все равно… это просто ужасно…

Тиюри грустно нахмурилась, искренне переживая, и Харуюки изо всех сил попытался ей улыбнуться, чувствуя, как что-то вспухает у него в груди.

– Все нормально, Тию. Легионы других королей, кроме «Проминенс», и без этого нас ненавидели. Даже если у них появилась еще одна красная тряпка, мы их встретим вместе.

– Да, вот именно, – уверенно кивнула Черноснежка и встала. Юбка колыхалась вокруг ее бедер, когда она подошла к большому окну, выходящему на юг. Развернувшись и окинув горящим взглядом своих подданных одного за другим, Черный король твердо произнесла:

– Вероятнее всего, через несколько дней впервые за два с половиной года состоится совещание семи королей. Хотя темой номер один будет тайна системы инкарнации, полностью раскрытая Раст Джигсо и «Кружком исследования ускорения», кто-нибудь наверняка поднимет и вопрос о превращении Харуюки-куна в Кром Дизастера – может, Рэдио, а может, еще кто-то. Но чего бы они ни потребовали, я защищу тебя, Харуюки-кун. Я объявлю им открытую войну, я всегда этого хотела. Против этого плана… ни у кого нет возражений?

– Нет! – хором ответили Фуко, Такуму и Тиюри.

– …Спасибо, – только и сумел пробормотать Харуюки дрожащим голосом.

Как я счастлив, что я здесь. Я тоже буду защищать это место… и моих товарищей. Кто бы ни был врагом, какие бы ни были беды, я буду защищать их до конца.

Пока Харуюки запечатлевал эту мысль в своем сердце, в его ушах раздался любопытный голос Тиюри.

– …Кстати, Черно-семпай, почему ты даже в воскресенье ходишь в форме?

Харуюки и Черноснежка разом застыли.

– Потому что… – вмешалась Фуко, улыбнувшись им улыбкой Рейкер, а потом еще по-рейкерски подмигнув, – у Сат-тян в гардеробе нет ничего, кроме тонны школьной формы.

Пополнив запасы напитков и закусок в магазине на первом этаже, друзья принялись по второму разу отмечать победу.

Когда они вволю нашумелись, наговорились, а потом вместе убрали за собой, было уже около шести вечера.

Тиюри и Такуму разошлись по домам – их родители требовали, чтобы они возвращались рано; несколько минут спустя и Черноснежка с Фуко направились к выходу.

Черноснежка наклонилась, чтобы надеть туфли, и тут Фуко тихо произнесла:

– …Сат-тян.

– Мм? – Черноснежка обратно выпрямилась и развернулась, колыхнув черными волосами. – Что такое, Фуко?

Шагнув в сторону от Харуюки, который стоял рядом, провожая девушек, Фуко сцепила руки перед собой, словно подыскивая слова.

Наконец она нервно заговорила, и голос ее звучал необычно по-детски – словно она и Черноснежка вернулись к временам, когда обе учились в начальной школе.

– Это… это, я сперва хотела ничего тебе не говорить, чтоб ты удивилась при нашей следующей дуэли, но… я подумала, надо тебе сказать сразу…

Она сделала глубокий вдох.

И потом девушка, жившая долгое, долгое время отшельницей Ускоренного мира, бережно произнесла одну-единственную фразу, отметившую конец ее одиночества.

– Это. Мои ноги, они вернулись.

Угольно-черные глаза расширились. Короткое «ах» вырвалось из приоткрытого рта.

Потом потрясение на лице Черноснежки сменилось улыбкой, на глазах выступили слезы.

– …Ясно, – прошептала она и кивнула; потом повторила: – Ясно… Ты снова нашла… то, что потеряла в тот день.

– Да.

Резко кивнув, Фуко сделала шаг к Черноснежке, потом еще шаг. Раскрыла объятия, притянула к себе стоявшую неподвижно подругу и крепко обняла.

В отличие от того раза двухмесячной давности на Южной террасе в Синдзюку, сейчас они больше не произносили ни слова. Они просто нежно, очень нежно обнимали друг друга. Харуюки чувствовал, что они соединены гораздо глубже, чем позволяют кабель и два нейролинкера, соединены напрямую душами, так

сказать. Харуюки услышал, как стеклянная стена, разделявшая их, рассыпается.

Наконец Черноснежка медленно подняла голову и, глядя мокрыми глазами на Харуюки, улыбнулась.

– …Ты совершил настолько громадное чудо… что это не передать словами. Спасибо тебе, Харуюки-кун.

Фуко тоже повернулась и широко улыбнулась; капельки слез блестели у нее на щеках.

– Ворон-сан. Я никогда не забуду… как ты нашел путь к «Гермес Корду», пригласил меня и отнес туда, за небо.

Харуюки при этих словах мелко затряс головой.

– Не, это слишком уж. Я… я просто подумал немного сперва… а сделали всё ребята из нашего легиона, и еще Эш-сан и Пард-сан…

Он бормотал настолько тихо, что сам себя почти не слышал, потом с мыслью «Уааа, вот теперь я все испортил» прижался к стене и попытался в нее спрятаться.

Черноснежка и Фуко обменялись взглядами, одновременно улыбнулись и вдруг зашагали к Харуюки.

– Ээ, это, ну.

Харуюки глянул им в лицо по очереди и попытался еще сильнее применить навык «слияние со стеной», но, прежде чем ему это удалось, правая рука Черноснежки и левая рука Фуко подхватили Харуюки с обеих сторон, а потом –

Что было потом, Харуюки не помнил.

Послесловие автора

Я Рэки Кавахара. Огромное вам спасибо, что приобрели «Ускоренный мир. Том 5: Парящий мост в звездном свете».

В первую очередь я должен кое в чем сознаться. Я уже упоминал «орбитальный лифт» во вселенной «Ускоренного мира», это было в начале третьего тома; однако тогда я не стал заранее вникать в технологию, простите меня за это! Я просто написал нечто неконкретное, думая: «Ну, к 2047 году орбитальный лифт уже смогут построить, да?» Но позже я решил: «А теперь пусть он на самом деле появится в следующем томе», – и с запозданием провел-таки изыскание… и меня ждал ужасный сюрприз…

В реальности так называемый «орбитальный лифт» пока что не вышел из стадии теоретических исследований, и вряд ли его смогут создать в ближайшие тридцать лет. Причины в подробностях описаны Черноснежкой-семпай в книге, так что здесь я от перечисления воздержусь; но я сильно побледнел, когда один парень из NASA сказал мне, что в качестве противовеса должен быть небольшой астероид!

К счастью, я поговорил с исследователями, которые продвигали более реалистичные идеи; эти идеи и легли в основу «Гермес Корда», появившегося в этом томе. Правда, со «Сверхзвуковым Скайхуком», послужившим прототипом, по-видимому, тоже есть очень серьезные проблемы… но о них я в книге писать не стал. Так что не обращайте внимания.

В любом случае, из всего этого я извлек бесценный урок: «Прежде чем писать о чем-то, изучи материалы!» В следующем томе, скорее всего, появится новый персонаж очень юного возраста, так что, думаю, придется мне как следует постараться изучить материал; нужно будет проконсультироваться с моим хорошим другом Аямой-сэнсэем.

Это послесловие пишется 10 апреля, сейчас крайний срок подачи заявок на участие в 17 конкурсе романов «Денгеки». А значит, ровно два года прошло с того дня, когда я отдал конверт (Expack, если я правильно помню) с первой версией «Ускоренного мира» в окошко на почте.

Откровенно говоря, тогда я совершенно не думал, что все это зайдет таааааак далеко. По правде сказать, все, о чем я думал, это – если мне удастся получить какой-нибудь приз, на этом все и закончится. Серьезно, я и представить себе не мог, что для меня это окажется отправной точкой и что я после этого буду два года писать романы… конечно, то, что я могу их писать, – мега-лаккиииииии, но иногда у меня от всего этого просто голова идет

кругом. Куда же ведет эта дорога грома?

Моему редактору Мики-сану, терпеливо наставлявшему трудного ребенка (меня); иллюстратору ХИМА-сан, которой я, как всегда, доставил массу проблем со своими трудными требованиями; Тацуе Курусу-сану, взявшему на себя разработку дизайна новых аватаров; и всем вам, остававшимся со мной все это время – гигаогромное спасибо!

10 апреля 2010, Рэки Кавахара

notes

1

Токио Скай Три (Tokyo Sky Tree, дословно «Токийское небесное дерево) – самая высокая в мире телебашня (634 метра). *Здесь и далее – прим. Ushwood.*

2

Leonids – «Леониды», метеорный поток, знаменитый сильными метеорными дождями.

3

Frost Horn – (англ.) «Морозный рог». Tourmaline shell – «Турмалиновая раковина».

4

Frosted circle – (англ.) «морозное кольцо». Да, так вот странно он произносит слово circle.

5

Турмалин обладает пьезоэлектрическими свойствами.

6

Кандзи, входящие в фамилии девушек: «сима» означает «остров», «саки» – «полуостров».

7

Hermes Cord – (англ.) «Нить/трос Гермеса».

8

Дория – запеченный рис с мясом (куриным филе, морепродуктами), соусом Бешамель и пармезаном.

9

Закончу объяснение Черноснежки. От страха у человека начинает сильно биться сердце, и если он при этом видит человека противоположного пола, то может принять страх за влюбленность и на самом деле влюбиться.

10

То есть в десять раз выше скорости звука. Здесь, по-видимому, ошибка: когда скорость выражают числом Маха, имеют в виду *местную* скорость звука, а в космосе она, естественно, нулевая.

11

Skyhook – (англ.) дословно «небесный крюк» или «крюк, свисающий с неба». Название используется для различных (как реальных, так и гипотетических) систем, предназначенных для подбора грузов на большой высоте и скорости, например, для подъема человека с земли на борт летящего самолета.

12

Город демонов – прозвище Токио. Иногда так называют не весь Токио, а конкретно Синдзюку.

13

Locked – (англ.) здесь: «зафиксировано».

Heart – (англ.) сердце, burning – «горит».

15

Great Wall – (англ.) «Великая стена».

16

Bush – (англ.) «кустарник» (видимо, имеется в виду цвет листьев кустарника). «Утан» – сокращение от «орангутан».

17

Nothing – (англ.) «ничто». Можно лишь догадываться, что имел в виду Эш; возможно, себя, точнее, свой уровень подготовки.

18

Англ.: «Вы принимаете Усиленное вооружение "Ураганный двигун"?»

19

Тальятелле – разновидность пасты, плоская лапша из яичного теста, особенно распространенная в Болонье.

20

CAS – «Cells Alive System» (англ. «Система сохранения живых клеток») – разработанная в Японии система глубокой заморозки продуктов с максимальным сохранением их качества.

21

Sup – сокращенное wassup – (англ. жарг.) «привет», «как дела?».

22

Японское выражение «макэину» вообще-то означает просто «лузер», «неудачник», но дословно – «проигравший пес», что Эш и перевел на свой «английский».

23

Bullshit – (англ. жарг.) «чушь собачья».

Feels bad – (англ.) «плохие ощущения».

25

The best – (англ.) «лучшее».

Welcome – (англ.) здесь: «на ты».

27

Hello my driver! – (англ.) «Приветствую, мой пилот!»

Go! – (англ.) здесь: «пошел!», «давай!» и т.п.

29

PvP – сокращение от Player vs Player – игры, где игроки сражаются друг с другом (а не с ИИ).

30

You equipped an enhanced armament… “the Disaster” – (англ.) «Вы получили Усиленное вооружение… "Бедствие"».

31

Катар – обоюдоострый прямой (как правило) кинжал или короткий меч, распространенный в Индии. Обладает характерным эфесом в виде двух защитных пластин, параллельных клинку, и расположенной между ними поперечной рукояти.

32

Англ.: «Вы победили "Бедствие"».

33

Too early to give up – (англ.) «слишком рано сдаваться».

Little bit – (англ.) «чуть-чуть», pantherhead – «пантероголовая».

Of course – (англ.) «конечно». Cut – «разрезать».

Extremely – (англ.) «чрезвычайно».

Never forget – (англ.) «никогда не забывай».

38

CU – сокращение от «see you» (которое, впрочем, произносится точно так же) – (англ.) «пока, увидимся».